ISSN 0131—0097

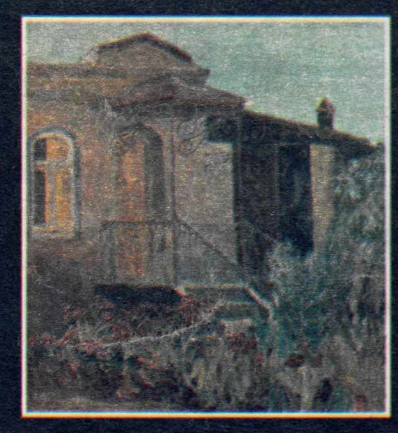
ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

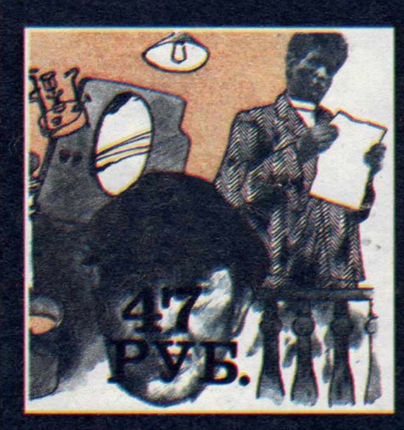
№ 11 МАРТ 1989

НРАВСТВЕННЫЙ ВЫБОР И ВОЗМОЖНОСТЬ ВЫБИРАТЬ

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС: МЫСЛЬ ПОД ГИПНОЗОМ МИФА

О ГОРОДЕ, КОТОРОГО НЕТ

РАССКАЗЫ МИХАИЛА ЗОЩЕНКО

АКЦИИ ПОВЫШАЮТСЯ!

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 11 (3216)

11—18 МАРТА

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ:
Первые акции кредитно-расчетного общества Госстроя Эстонской ССР. (См. в номере материал «Свой банк».)

Фото Сергея ПЕТРУХИНА

Оформление Е. М. КАЗАКОВА при участии Т. А. НОВРУЗОВОЙ

ПОДПИСКА НА «ОГОНЕК» ПРИНИМАЕТСЯ БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЙ ВО ВСЕХ ОТДЕЛЕНИЯХ СВЯЗИ ДО ПЕРВОГО ЧИСЛА ПРЕДПОДПИСНОГО МЕСЯЦА.
Цена подписки на год — 20 руб. 76 коп., на полгода — 10 руб. 38 коп., на квартал — 5 руб. 19 коп.

Сдано в набор 17.02.89. Подписано к печати 06.03.89. А 08827. Формат 70×108⅛. Бумага для глубокой печати. Глубокая печать. Усл. печ. л. 6,3. Усл. кр.-отт. 14,35. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 3 200 000 экз. Заказ № 192. Цена 40 копеек.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

Телефоны редакции: Для справок: 212-23-27;

Отделы: Публицистики — 212-21-88; Международный — 212-30-03; Литературы — 212-63-69; Искусства — 212-15-59; Морали и писем — 212-22-69; Фото — 212-20-19; Секретариат — 250-46-98; Литературных приложений — 212-22-13, 212-23-07.

Телефакс (международный) (095) 943-00-70
Телетайп (внутрисоюзный) 112349 «Огонек»

Рукописи объемом более двух авторских листов не рассматриваются.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

ВОСХОЖДЕНИЕ

К НАРОДОВЛАСТИЮ

Чем ближе 26 марта, тем острее ощущаешь, что выборы народных депутатов СССР — не конечный результат, как бывало раньше, а лишь начало огромной работы народных избранников, от которой во многом зависит судьба перестройки и в конечном счете будущее страны. И поэтому к чисто эмоциональному восприятию предвыборной кампании добавилось еще одно чувство — озабоченность. В чем ее причины? Наверное, прежде всего в несовершенстве Закона о выборах, с одной стороны, а с другой — в административном аппарате, который благодаря этому несовершенству на втором этапе в ряде случаев оказался намного сильнее плохо организованных, разрозненных масс избирателей, не готовых вести длительную, кропотливую и вместе с тем корректную борьбу за своего кандидата.

Сообщения о предвыборных окружных собраниях подтвердили опасения, что статья 38 Закона о выборах в том виде, в каком она существует, дает немало возможностей без нарушения закона протаскивать тех или иных кандидатов, создавать барьеры, препятствующие массе избирателей напрямую выразить свою волю. Таким образом, выборы — самая демократичная форма волеизъявления народа — в некоторых случаях стали приобретать черты откровенной политической интриги, по существу, искажая наши представления о социалистической демократии и народовластии. Хочется верить, что в ближайшее время в Закон о выборах будут внесены изменения, поскольку за выборами народных депутатов СССР последуют выборы в республиканские и местные органы власти.

Предвыборная кампания показала, что путь к правовому, демократическому государству потребует больших усилий от каждого из нас. Но, несмотря на противодействие тех, кто под флагом гласности пытается остановить демократическое движение, оно набирает силы. Это еще раз показал митинг, организованный 5 марта в ЦПКиО имени Горького обществом «Мемориал». Он продемонстрировал не только отношение к сталинщине, но и необходимость объединения, консолидации всех прогрессивных сил в единый фронт борьбы за демократию, подлинное народовластие.

Фото Сергея ПЕТРУХИНА
и Юрия ФЕКЛИСТОВА

КРОВЬ ЛЮДСКАЯ НЕ ВОДИЦА ● ПРЕД СМЕРТЬЮ ВСЕ РАВНЫ ● ЗА ОДНО ПРЕСТУПЛЕНИЕ — НЕСКОЛЬКО НАКАЗАНИЙ ●

■

Последнее время мы часто говорим о социальной справедливости, и это очень верно. Но есть категория очень скромных и высоконравственных людей, о которых общество несправедливо забыло. Эти люди — почетные доноры СССР.

Донор получает такой знак после того, как сдаст более 16 литров своей крови и вовлечет в донорство множество новых людей. Почетных доноров в СССР немного.

Эти милосердные люди не вошли в списки тех, кого награждают почетными званиями, орденами и медалями. Они не пользуются никакими льготами, кроме права на первоочередную госпитализацию (об этом, кстати, мало кто знает), зубное и ортопедическое протезирование.

Доноры стоят в бесконечных очередях в медицинских учреждениях, не говоря уже о магазинах, не имеют даже в старости скидки на покупку лекарств, не могут получить годами путевку для лечения.

Секретарь исполкома, проработав 10 лет в этой должности, может получить персональную пенсию со всеми вытекающими отсюда льготами, а Почетный донор СССР — нет.

Проблемы донорства для повседневных нужд здравоохранения очень сложны, а события в Чернобыле, Армении еще раз показали, какую пользу приносят обществу люди, сдающие свою кровь для других. Справедливо ли общество к ним? И не пора ли Союзу обществ Красного Креста и Красного Полумесяца проявить большую заботу о своем активе, на деле доказавшем свое милосердие к людям?

М. ЛИВЕРГАНД,
врач
Смоленск

■

В статье В. Костикова «Блеск и нищета номенклатуры» («Огонек» № 1, 1989 г.) вскользь упоминается о спецкладбищах как порождении командно-административной системы. Однако мало кто знает о том, что по этому вопросу многие годы также нарушается один из первых ленинских декретов.

Закрепляя ликвидацию разделения общества на касты и сословия, Декрет Совнаркома РСФСР от 7 декабря 1918 года предусмотрел, что для всех граждан устанавливаются одинаковые похороны. Деление на разряды как мест погребения, так и похорон уничтожается. Однако в дальнейшем никем не отмененный ленинский декрет был забыт. Благодаря стараниям работников, которые умерли не от скромности, многое здесь исподволь вернулось на круги своя. В зависимости от должностей, званий, чьего-то усмотрения в той же Москве одних стали хоронить у Кремлевской стены, других — на Новодевичьем кладбище, третьих — на Ваганьковском, четвертых — на менее престижных кладбищах. На некоторые из них и живым не просто попасть. Разряды кладбищ и места на них неофициально введены также во многих других городах. Занятие это не столь безобидное, как может показаться на первый взгляд. Попутно указанные градации порождают дополнительные амбиции, чиновничью заносчивость у одних здравствующих и чувство социальной ущербности — у других. Третьи, имеющие возможность распоряжаться кладбищами, нередко таким способом греют руки.

Думается, в пору перестройки следует вернуться к упомянутому декрету, навести порядок и здесь. А память о людях, которые имеют действительные, а не мнимые заслуги перед обществом, оно сумеет сохранить независимо от места захоронения. История это не раз подтверждала.

И. КОТИК,
старший помощник прокурора
Хмельницкой обл.

■

В письме В. Вилина, инженера-строителя из Сочи, о деятельности Н. С. Хрущева в области сельского хозяйства («Огонек» № 2, 1989 г.) удивляют безапелляционность, слабое знание предмета, приведшие автора к односторонне-негативному, уродливо-карикатурному изображению Н. С. Хрущева.

В. Вилин в ряде случаев даже ухитрился приписать Н. С. Хрущеву чужие грехи. Отнюдь не Хрущев, как утверждает В. Вилин, ввел гарантированную, не зависящую от конечного результата оплату труда. Это было сделано в 1966 году, когда Н. С. Хрущев, как известно, уже являлся пенсионером союзного значения. Львиная доля вины за оголение Нечерноземья лежит также не на Хрущеве, а на усердно проводившейся в 70-е годы политике ликвидации «неперспективных деревень».

Но особенно неприемлем в письме В. Вилина внеисторический подход в оценках работы Н. С. Хрущева в области сельского хозяйства. Я изучал эту проблему специально и смею утверждать, что аграрная политика Хрущева в 1953—1964 годах не может рисоваться одноцветно, черной краской.

Нельзя смешивать даты и периоды. Два пятилетия в рамках времени работы Хрущева на посту Первого секретаря ЦК КПСС настолько разнятся друг от друга, что кажется, будто речь идет о двух Хрущевых: одного — 1953—1958 годов, другого — 1959—1964 годов. В 1953—1958 годах в сельском хозяйстве страны были осуществлены поистине революционные меры: повышение материальной заинтересованности колхозников, расширение хозяйственной самостоятельности колхозов, укрепление их материально-технической базы, снятие чудовищного налогового пресса с колхозников и многое, многое другое. Результаты были поразительными. Среднегодовая валовая продукция сельского хозяйства в 1954—1958 годах по сравнению с 1949—1953 годами увеличилась в растениеводстве на 30 процентов, а в животноводстве — на 43 процента. Замечу, что подобных темпов роста в сельском хозяйстве страна потом не знала. Это было настоящее «экономическое чудо». Как же можно в свете приведенных фактов утверждать, будто Н. С. Хрущеву принадлежит решающая роль в доведении сельского хозяйства до плачевного состояния!

Замечу, что в 1954—1958 годах посевы кукурузы в стране были также в целом в разумных пределах. Во многом благодаря этой культуре в 1958 году удалось заложить на одну корову почти в три с половиной раза больше силоса, чем в 1953 году. Буренки не замедлили отозваться на это более чем полуторным увеличением надоев.

Чрезвычайно сомнительно утверждение В. Вилина, что Хрущеву надо было бы вложить деньги в Нечерноземье, а не в целину. На развитие сельского хозяйства Нечерноземья в 1976—1984 годах было направлено 65 миллиардов рублей. А результаты весьма скромные. Думается, что в 50-е годы, когда и руководящие кадры сельского хозяйства были хуже, и культура земледелия ниже, и промышленность по производству сельскохозяйственных машин, и особенно минеральных удобрений, гораздо слабее, вряд ли можно было добиться большего. Тем более что о подряде тогда речи не было.

К сожалению, в конце 1958 года Н. С. Хрущев круто повернул руль. По стране прокатилась чудовищная волна администрирования, грубого попрания прав колхозов, насильственного насаждения посевов кукурузы. Развернулся в огромных масштабах нажим на личное подсобное хозяйство. Все это сразу же отозвалось на сельском хозяйстве: оно вновь стало бодро маршировать на месте.

Феномен такого поворота еще нуждается в изучении. Но справедливости ради укажем, что, набив себе немало шишек, Хрущев извлек определенные уроки. В его выступлениях 1964 года наметилось возвращение к духу сентябрьского (1953 г.) Пленума ЦК КПСС. Однако дни Хрущева как политического лидера уже были сочтены.

Ю. ДЕНИСОВ,
доктор исторических наук,
профессор кафедры истории КПСС РГУ
Ростов-на-Дону

■

Вот уже третий год подряд я прохожу комиссию ВТЭК, которая с неизменным постоянством определяет «нетрудоспособен» и назначает вторую группу инвалидности. Да и может ли быть иначе? Инсульт с поражением мозговых центров еще не излечивал ни один врач, будь он хоть трижды светило. Тут следует, наверное, указать мой возраст — 53 года. Значит, еще целых семь лет, до того как мне выдадут пенсионную книжку по старости, предстоит мучиться самому и мучить свою жену, оформляя ненужные бумаги, а затем ожидая ВТЭК. А ВТЭК снова и снова определит «нетрудоспособен», хотя мою нетрудоспособность видно и неспециалисту — я не могу ходить.

Подобную процедуру раз в год должны проходить все инвалиды, даже лишенные рук и ног. Нелепость, от которой веет замшелой бюрократией и недоверием к человеку, если не сказать больше, видна невооруженным глазом. Ведь не вырастет у человека, как у ящерицы хвост, ни нога, ни рука. Не отрастет, как у Змея Горыныча, и новая голова с совершенно здоровыми мозгами.

И вот приходится инвалиду тратить свои не такие уж неисчерпаемые силы, унижаться перед врачами, констатируя свою беспомощность, как будто выпрашивая положенное по закону. Не лучше ли Минздраву установить, скажем, перечень болезней, при которых можно проходить ВТЭК раз в пять лет? Почему-то этот вопрос никому не придет в голову. А ведь он актуальнейший. У нас в стране десятки тысяч тяжело больных инвалидов, «афганцев», потерявших руки и ноги, которым нет еще и 30 лет. Будет ли к ним когда-нибудь проявлено милосердие, о котором все мы так любим говорить?

П. БАТУХТИН,
инвалид II группы
п. Щучинск Кокчетавской обл.

■

Не пора ли отменить такое изобретение нашей системы, как характеристика?

Ведь мы всю жизнь пишем эти характеристики на себя сами, и это не столько смешно и глупо, сколько унизительно. Не знаю как кто, а я всякий раз испытываю жгучий стыд, когда приходится перечислять в своей характеристике, до чего я хорошая.

Да и нужны ли они, характеристики, если все вопросы мы решаем отнюдь не на основании того, что в характеристике написано. И если на нас имеется компромат, он передается куда надо без посредства письменных характеристик.

Для чего же они нужны?

Есть, есть в них бо-о-льшой смысл!

Ведь это своеобразное повязывание каждого из нас.

Живи, да помни, что по любому поводу тебе придется сходить просителем на поклон во все три угла «треугольника».

И почему, собственно, мне — беспартийной — характеристику должен подписывать парторг? Что именно он удостоверяет?

Если мы раз и навсегда отменим характеристики, не только бумагу сэкономим, но чуточку освободим для распрямления смятое чувство собственного достоинства человека.

Е. СМИРНОВА,
преподаватель вуза
Ленинград

■

Дождались великого времени, когда восстанавливается справедливость после пережитого тяжкого времени эпох сталинизма и брежневщины. Когда советскому человеку стало легче дышать и думать. Каждого из нас воодушевляет деятельность Комиссии ЦК КПСС по реабилитации многих революционеров, создававших наше государство, погибших в сталинских застенках: Бухарина, Рыкова, Сокольникова, Каменева и многих, многих других.

Нельзя обойти молчанием тот факт, что в период брежневщины был допущен произвол над многими творческими деятелями, что привело к их выезду за рубеж, также появились вынужденные «невозвращенцы» и насильственно выдворенные «неугодные». Эта группа лиц из

числа талантливых советских людей была лишена гражданства нашей страны.

В этом случае компетентным органам следовало бы тщательно разобраться и отменить ранее необоснованно принятые решения о лишении гражданства известных и уважаемых в нашей стране людей.

Г. ЛЕВИТЕС, ветеран ВОВ
Днепропетровск

■

Полностью поддерживаю В. Витальева, который в своей публикации «Человек без паспорта» («Огонек» № 40, 1988 г.) говорит о том, так ли уж нам необходим паспорт. Я считаю, что повсеместное анкетирование, паспортная система, система прописки — поголовного учета и подсчета, доставшиеся нам от «тех» времен, унижают и оскорбляют достоинство человека и гражданина.

Мне кажется, что этот вопрос требует в наши дни самого пристального изучения и скорейшего решения.

В этой связи хотелось бы напомнить об Итоговом документе венской встречи представителей государств — участников Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, который дает нам основание надеяться на новый подход в решении вопросов, связанных с дальнейшей демократизацией жизни нашего общества, пересмотром отживших норм и стереотипов.

В. ЧЕРНОВА
Москва

■

Хочу ответить В. Витальеву и спросить вас: зачем пишутся и печатаются статьи, подобные «Человеку без паспорта»? Почему у нас должно быть все, как в Америке? У них нет паспортов, есть какие-то другие документы, удостоверяющие личность. Почему у нас должно быть так же? Паспорт — это удостоверение личности. Родится ребенок — родителям выдают документ, в котором сказано, что это их ребенок. Свидетельство о рождении, а затем паспорт — это юридические документы. И национальность нужна. А что плохого в том, что в моем паспорте написано «русская», а мужа моей подруги, всю жизнь прожившего в СССР,— «немец»? Это почему-то только евреи стремятся стать русскими, да и то не все, умные и честные пишут «еврей», и уважения к ним от этого не убывает.

У нас нет электронных контролеров в библиотеках, поэтому другая система записи. Жулики-то еще не перевелись, и существует статистика. И совсем нелишне знать статистику «потребления» книг читателями различного возраста, образования.

Ну, а уж прописка просто необходима. У нас же не частное жилье, как в Америке. Мы распределяем жилье, оно у нас общенародное, построенное на «всехние» деньги. И это жилье закрепляется за гражданами в пожизненное пользование. Вот этот акт закрепления и есть прописка. То, что В. Витальев предлагает,— это не свобода, это анархия и неразбериха.

И регистрироваться граждане должны. Это нужно нам самим, чтобы не потеряться, чтобы нас можно было найти. Человек уехал и исчез. Если он зарегистрировался в том городе, куда поехал, его начнут искать там, а уж не найдя, объявят всесоюзный розыск.

Не так уж все у нас плохо, как кажется т. Витальеву, и не такими уж дураками были мы все эти 70 лет. Так что не стоит с такой иронией писать о нашем молоткастом и серпастом паспорте. Совсем неплохая это вещь — советский паспорт.

И свободы передвижения у нас никто не отнимал. Покупай билет и поезжай. Только, когда приезжаем да мест в гостинице нет или частники берут дорого, жалобы в правительство пишем, и витальевы крик поднимают первые. Но ведь это же, как в Америке: есть деньги — живи, нет — уходи.

Статеечка эта не для нашего блага написана. Неприятная она какая-то. Вроде писал ее человек, который не живет в нашей стране.

В Америке очень много всяких свобод, прописки нет. Тогда что же наши уважаемые журналисты не расскажут, куда идут с жалобами те, кого выгнали из квартиры: в партком? в завком? в газету пишут?

У нас женщина, приехавшая работать в Москву по лимиту, из 5 лет работала год (декрет, дети), имеет комнату в общежитии. Крик стоял на всю Москву — квартиру не дают, жить невозможно. В Америке так кричат, когда свободно приезжают из одного места в другое?

У нас другой строй, другие обычаи и уклад жизни, другой достаток, другое отношение к работе, к сожалению.

Последнее время просто противно стало читать некоторые газеты и журналы: ну все-то у нас не так. Теперь паспорт мешает. Да большинство стран мира по размеру чуть больше одного нашего какого-нибудь края. Что ж нам на них равняться-то? Да и у них у всех есть внутренние документы, только называются они по-другому.

С. ШЕЛКОВА
Москва

■

С 1 июля 1988 года распространены льготы и преимущества, установленные участникам войны, на лиц, награжденных медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.».

Само собой, заключенных, работавших в том числе и на оборонных объектах, никто не представлял к наградам. Труд заключенного, подразумевалось,— это труд во искупление вины, преступления...

Но те, кто находился в заключении без вины, чья невиновность установлена судом, те, кто реабилитирован? Почему их труд для фронта в условиях — хотел обозначить словом «экстремальных», но это не то слово — в условиях каторжных не является самоотверженным? Ведь многие заключенные там остались навсегда, а выжившие оставили там свое здоровье и прошли испытания, оставившие свои черные отметины на всю жизнь.

Награждение медалью — это понятно. Ею награждены миллионы тружеников тыла. Но, по-моему, все-таки первично — это труд.

И если сейчас вернулись к вопросу реабилитации лиц, безвинно пострадавших от произвола и репрессий, в том числе и в годы Великой Отечественной войны, то, наверное, негоже лишать реабилитированных тружеников лагерей их прямой причастности к труду рабочих тыла, ковавших Победу. Чем еще можно возместить ущерб моральный и материальный спустя без малого полвека?

Например, наш Орский лагерь работал на Орской ТЭЦ. Это район Орск — станция Никель — Новотроицк. Сейчас там известный Орско-Халиловский комбинат. А мы вроде никакого отношения к этому не имеем, хотя на мизерном пайке и баланде, полураздетые, в дождь и стужу по 12 часов, падая от истощения, начинали все это дело. Наверное, это предавать забвению непорядочно.

Н. КОСТЕНКО, заключенный 1941—1943 годов, реабилитирован в 1965 году за отсутствием в действиях состава преступления
Артемовск Донецкой обл.

■

Почему работа заключенных в исправительно-трудовых колониях мало того что оплачивается не по установленным тарифам, но и срок заключения не засчитывается в трудовой стаж?

Человек выходит из мест заключения, проработав там определенное число месяцев или лет, а оказывается, что ни в трудовой книжке, ни в документах, свидетельствующих о его работе для общего стажа или для пенсии, это не учитывается. Мало того, что человек изолирован, ходит под конвоем, находится в тяжелых режимных условиях, а тут и второе наказание.

И еще. Заключенным по некоторым видам наказания, оказывается можно посылать посылки только... после отбытия ими половины срока. А если срок пять-шесть-восемь лет? Значит, три-четыре года, а то и больше, без посылок. Да и посылки раз в полгода — это тоже не поддержка. По-моему, посылки надо разрешать независимо от уже отбытого срока наказания. У нас в том, как содержатся заключенные, больше жестокости, чем смысла. В результате многолетних ужесточений мы теряем тысячи людей, чьи сердца готовы были бы открыться добру при более продуманной системе перевоспитания в местах заключения.

А. КЛЕЙН, кандидат искусствоведения, ветеран ВОВ
Сыктывкар

■

Несомненно, весь советский народ с удовлетворением поддержал постановление Президиума Верховного Совета СССР «О совершенствовании порядка награждения государственными наградами СССР».

Доставшийся нам в наследство обычай обожествлять еще при жизни лидеров партии и отмеченных их особым вниманием людей всегда вызывал в лучшем случае насмешку со стороны трудящихся. И зачастую не без оснований.

Сегодня уже 1989 год, и с карты страны, ее городов и поселков постепенно стираются имена людей эпохи культа и застоя.

У нас в городе Иванове и в области установлено немало памятников и обелисков героям революции, гражданской и Отечественной войн. Список их велик. Вот только некоторые из них: Мемориал жертвам 1905 года, памятники Афанасьеву, Генкиной, Варенцовой, Фрунзе, Ватутину, Василевскому.

Но внимание хочется обратить на иные памятники — это стела Брежневу, ныне благополучно видоизмененная и ставшая «памятником» Гимну Советского Союза, и бюст поныне здравствующей бывшей ткачихи дважды Героя Социалистического Труда Валентины Николаевны Голубевой. Оба установлены были в различное время в центре Иванова. Небезынтересно знать, что из всех стоящих на ивановской земле памятников эти два до недавнего времени охранялись персональными нарядами милиции, что, без сомнения, говорит о большой их популярности в народе.

Бюст Валентины Николаевны Голубевой установлен в областном центре вопреки Указу о награждении. Ведь согласно этому Указу он должен стоять на ее родине — в деревне на Брянщине.

Так не пора ли согласно вышеупомянутому Указу перенести данный бюст на предусмотренное им (Указом) место?

Мы уверены, что подобные же вопросы возникают не только у нас, но и во многих местах нашего необъятного Союза. Нужно их решать.

Рабочие фабрики имени Н. К. Крупской: ЕРШОВ, КОРНЕЕВ, БУРЕЕВ и др. (всего 16 подписей)
Иваново

■

На оскорбление можно ответить оскорблением, за клевету — подать в суд. А как быть, если тебя опорочили, оказав честь?

Не спросив моего согласия и даже не известив потом, меня ввели в редколлегию многотиражки «Московский литератор». Узнал об этом из перечня фамилий на последней странице. Прочитал номер — в глазах потемнело. Некий А. Трапезников предостерегает общественность от «нахрапистых» писателей, которые «выставляли свои кандидатуры по нескольку раз, действуя по принципу: кто ищет, тот найдет» (речь идет о выдвижении кандидатов в депутаты). В кого летят комья грязи? Догадаться легко: ни Д. Лихачев, ни Л. Леонов, ни, кстати, академик А. Сахаров с первого голосования не прошли. Но то, что избиратели выдвигали их вновь, говорит не о «нахрапистости» выдающихся деятелей культуры, а о том, что народ, наконец, избавляется от равнодушия к собственной судьбе...

В этом же и в последующих номерах — тексты того же ряда: недобросовестные и грубые выпады в адрес А. Адамовича, Г. Бакланова, Е. Евтушенко, Ю. Карякина, А. Синявского, А. Приставкина, знаменитого глазного хирурга С. Федорова и других глубокоуважаемых мной людей. И под всем этим — как бы и моя подпись на последней странице!

Написал в редакцию протестующее письмо — не печатают. Обратился за помощью в «Литературную газету» — не хотят пачкаться о многотиражку с крохотным тиражом. Такие вот проблемы в эпоху гласности...

Считается, что в редколлегию очень трудно попасть. Оказывается, еще труднее доказать, что не имеешь к ней никакого отношения.

Леонид ЖУХОВИЦКИЙ, писатель

Наш адрес: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

Интервью премьер-министра Великобритании МАРГАРЕТ ТЭТЧЕР главному редактору журнала «Огонек» ВИТАЛИЮ КОРОТИЧУ

Выражая глубокую признательность госпоже Маргарет Тэтчер за это интервью, мы надеемся, что оно укрепит в наших читателях понимание непреложного факта: диалог двух социальных систем, поиски взаимопонимания в изменяющемся мире являются единственно возможным путем развития при всей спорности наших взаимных оценок. Европейский, всемирный дом человечества может существовать лишь в том случае, если те, кто в нем живет и трудится, будут устремлены к сотрудничеству.

СВОБОДА СОПРЯЖЕНА С ОТВЕТСТВЕННОСТЬЮ

— Вам, вероятно, известно, что Вы очень популярный политический деятель Запада у нас в стране. Во многом это связано с активизацией контактов между нашими странами, с Вашими встречами с М. С. Горбачевым. Считаете ли Вы, что процессы, проходящие сейчас у нас в Советском Союзе, связаны с жизнью вашей страны и с жизнью людей во всей Европе?

— Думаю, они приведут к переменам как во всем мире, так и в жизни Советского Союза. Некоторые из ваших трудностей заключаются в том, что вы пытаетесь за относительно короткий промежуток времени осуществить перемены, на которые уходят многие годы. В нашей стране процесс демократизации утверждался постепенно, в течение многих лет по мере того, как сначала знать ограничила королевскую власть, затем народ ограничил власть знати, а после этого шаг за шагом происходил процесс предоставления всем гражданам права голоса по принципу «один человек — один голос». И, конечно же, у нас в стране люди могут голосовать за любые партии, отдавая предпочтение той или иной форме управления страной.

Этот довольно затяжной процесс стал реальностью, поскольку именно этого хотел народ. Конечно же, нынешнего уровня демократии и благосостояния нельзя было бы достичь без широких свобод, например, свободы открыть собственное дело, пусть даже при наличии небольшого числа ограничений и определенных элементов планирования.

Кроме того, вот уже много лет фермеры в нашей стране пользуются правом на владение землей — правом, которого нет в Советском Союзе. Они сами решают, что им сеять и что выращивать, держать ли молочный скот или овец и т. д. Все это они решают сами, как и какую продукцию продавать на рынке, где им приходится конкурировать с другими фермерами, бороться за сохранение своей клиентуры среди посредников, поскольку, как известно, каждый стремится купить товар лучшего качества с тем, чтобы затем иметь возможность его выгодно перепродать.

Все они должны заботиться о качестве своей продукции — ведь рядом находится масса других конкурирующих с ними покупателей и продавцов. Но определяющими факторами являются возможность самому принимать решения и сознание того, что земля или другое имущество принадлежит именно вам, что вы разоритесь, если ваша продукция не понравится потребителю, что если вы заломите слишком высокую цену или предложите товар низкого качества, то ваш покупатель тут же уйдет к другому продавцу.

Именно в этом заключается суть понятия, которое мы называем рынком. Рынок — это то место, куда люди приходят, чтобы ознакомиться с лежащими на прилавках товарами и прицениться к ним. Фермер или владелец прилавка не обанкротится лишь в том случае, если сможет предложить нужный товар хорошего качества по приемлемой цене.

Потребовалось много лет, прежде чем Запад пришел к этому. Я всегда считала большой ошибкой тот факт, что после отмены крепостного права царское правительство не пошло на предоставление крестьянам земли в размерах, достаточных для того, чтобы они могли на ней жить, строить дома, обзаводиться семьей, производить продовольствие не только для себя и семьи, но и для обмена на продукцию других производителей. Если бы это случилось, у вас в стране было бы сейчас огромное число людей, привыкших принимать самостоятельные решения, действовать с чувством ответственности, знающих, что, хотя земля принадлежит им и их семьям, они в то же время ответственны перед другими.

Именно так наш строй достиг зрелости. У вас же был иной политический строй, при котором людям обычно указывали, что им надо делать. Ваша основная трудность заключается в том, что хотя в будущем, да и сейчас в вашей стране найдется немало талантливых и способных людей, действующих с чувством ответственности и готовых принимать самостоятельные решения, им все еще предстоит привыкать к происходящим переменам.

Людям всегда было свойственно побаиваться перемен. Да и к тому же следует учитывать огромные масштабы вашей страны. Нашим людям незнакомы трудности с получением сырья. Скажем, человек заводит свое дело, знает, где заказать сырье, уверен, что оно поступит более или менее в срок, иначе поставщику не избежать неприятностей. У него нет никаких проблем с валютой, необходимой для оплаты заказанного сырья, поскольку вот уже в течение многих лет наша валюта является свободно конвертируемой. Он знает заранее, сколько квалифицированных рабочих ему потребуется, и готов подрядить их. Правда, при наличии достаточно высокой квалификации рабочие скорее всего потребуют от предприятия или работодателя весьма высокую плату за свой труд. В этом случае работодатель скорее всего скажет: «Знаете, я никак не могу заплатить вам столько, сколько вы хотите, потому что стоимость готового изделия окажется не по карману потребителю».

Со временем мы свыклись с таким положением вещей. Однако и у вас, и в любой другой стране найдется немало людей, которые предпочитают не заводить свое собственное дело, полагаясь при этом на более предприимчивых, на тех, у кого они могут получить работу.

Законодательство нашей страны определяет основные условия договора между работодателем и работником, предполагающие, в частности, оплату труда работника не натурой, а наличными. Работник должен получать столько, чтобы он мог жить по-человечески, а в случае незаконного увольнения он имеет право обратиться в суд. На каждого работника работодатель выплачивает страховой взнос в систему государственного страхования, причем не только с учетом выплачиваемой

зарплаты, но и пенсионного обеспечения в будущем.

В то же время многие хотели бы открыть свое дело, но не знают, как это делается. Поэтому таким людям нужна определенная подготовка, и правительство способно оказать в этом плане некоторое содействие. Как правило, легче открыть мелкую торговлю товарами и услугами, нежели свою фабрику, но все равно это здорово.

Как мне представляется, мы сейчас благоденствуем благодаря нашим свободам, в том числе свободе заводить свое дело и вступать в конкуренцию. Как и в спорте, в конкуренции главное не то, как быстро бежите вы, а как быстро бежит ваш соперник. Успех предприятия зависит не только от того, насколько успешно идут ваши дела, но и от того, не обошел ли вас ваш конкурент и может ли он предложить покупателю товар лучшего качества по более низкой цене. Люди, естественно, стремятся что-то купить подешевле, но постепенно до их сознания доходит, что имеет смысл заплатить подороже, зато получить товар более высокого качества.

Ко всему этому мы пришли не сразу. Отношения людей начали меняться лишь тогда, когда они сами стали требовать больших свобод, в которых они нуждались. Ваши нынешние попытки ускорить этот процесс должны увенчаться успехом. Посмотрите, что происходит в соседних с вами странах — членах Варшавского пакта, скажем, в Венгрии. Я увидела в венгерских магазинах намного больше товаров по сравнению с тем, что мне было показано в одном из московских универсамов. Да и в наших магазинах гораздо больше товаров, чем у вас.

Я уже сказала, что ваши усилия должны увенчаться успехом. В более конкретном плане, как мне представляется, вы могли бы перейти от довольно жестко регламентированной коммунистической системы, в условиях которой люди не могут проявлять инициативу, а делают лишь то, что им приказано, к более свободной экономике, открывающей гораздо более широкие возможности в плане производства товаров и услуг и в целом более широкие возможности для людей. Все это возможно, необходимо лишь немного терпения, чтобы это получилось, а о том, что это возможно, говорят события, происходящие в соседних с вами странах.

Сейчас уровень жизни ряда стран понизился из-за того, что они придерживаются системы, в условиях которой люди делают лишь то, что им приказано. Сколько же от этого увядает и гибнет талантов и способностей!

У нас принято считать, что могущество и престиж страны зависят в первую очередь от таланта и способностей ее народа. Вместо того, чтобы подавлять эти способности, говорить людям, что им нельзя делать того-то и того-то, им надо разрешать делать все, при условии, что трудовая деятельность не будет ставить под угрозу здоровье и жизнь людей, что выпускаемые товары безопасны для людей и отвечают их разумным потребностям, при условии поощрения конкуренции и ликвидации монополии в любой области, поскольку монополия неэффективна и приводит к плохим результатам. При соблюдении всех этих условий пусть люди занимаются тем, что им больше по душе. Именно так можно добиться более высокого уровня жизни, более полного удовлетворения потребностей людей. Ведь что может вызвать у людей чувство большего удовлетворения, чем понимание, что человек работает с пользой для себя, что он имеет возможность сам определить, как ему действовать дальше, какую продукцию поставить на рынок, скажем, в следующем году? Жизнь людей станет гораздо богаче, причем не только в плане материального достатка, но и в плане гораздо более полного морального удовлетворения, получаемого от своего труда, подобно чувству удовлетворения, испытываемому балериной, которая, отдав столько сил на занятиях в балетном классе и репетициях, уверена в том, что лишь она одна в состоянии безукоризненно исполнить партию.

Если вы хотите всего этого добиться и действительно преуспеть в этом, необходимо, чтобы такое же чувство могли испытывать те, кто занят у вас в торговле и коммерции. Сразу этого не добьешься, однако само по себе дело это замечательное. Оно затрагивает лучшие струны человеческой души, позволяет проявиться ее лучшим качествам при соблюдении должных правил. А правила эти должны быть столь же тщательно выверены, что и эталоны мер и весов, когда фунт или килограмм означает именно фунт или килограмм и ничего более.

— За время Вашего пребывания на посту премьер-министра Вы встречались с советскими руководителями, и теперь Вы ожидаете еще одну встречу с М. С. Горбачевым. Что Вы ждете от этой встречи?

— У меня сложились очень хорошие отношения с г-ном Горбачевым, потому что в нем сразу же раскрывается человек незаурядный, огромного мужества, весь устремленный в будущее своей страны, обладающий аналитическим складом ума, что позволяет ему правильно анализировать и устранять выявленные недостатки.

Хотя это и не такое уж редкое качество у политического деятеля, именно оно выделяет его среди прочих людей как политика, влияющего на формирование будущего, убежденного в правильности выбранного им курса, обладающего мужеством, необходимым для того, чтобы довести дело до конца, убежденного в том, что это даст народу его страны возможность жить гораздо лучше, почувствовать себя настоящими полноценными людьми, у каждого из которых будет чувство собственного достоинства, возможность проявить свой талант, воспользоваться своими правами. Здесь нужно сказать еще вот что: когда строишь планы на будущее, на более отдаленное будущее, как это делала я и как это делает он, нельзя отклоняться от намеченного курса, как бы тяжело тебе ни приходилось в каждый конкретный момент. Например, вы выступаете за резкое повышение качества продукции, бракуете продукцию недостаточно высокого качества. В этом случае скорее всего произойдет следующее: производственные показатели начнут ползти вниз, ибо вы бракуете некачественную продукцию. А производителям продукции требуется время для решения производственных проблем, связанных с закупкой сырья, определением производимого ассортимента и установлением стоимости продукции.

С чем мне пришлось столкнуться?.. Расходы страны в целом оказались слишком высокими, мы тратили деньги не на то, что нам было необходимо, у нас было слишком много ограничений. Отсюда возник и целый ряд трудностей, ведь некоторые понимают демократию следующим образом: «Г-жа Тэтчер, я голосовал за вас и за вашу партию, а теперь ваш черед сделать что-то для меня». От демократии ничего не останется, если следовать принципу: «Услуга — за услугу, ведь я за вас голосовал». Нет, из такой демократии ничего не выйдет, ровным счетом ничего.

Демократия не означает ожидание от государства каких-то подачек. Демократия означает такое правительство, которое дает возможность трудиться на себя, на свою семью, иметь высокий уровень жизни и таким образом обеспечить благосостояние страны, позволяя ей проявлять чувство ответственности и быть независимой. А благодаря нашим весьма скромным подоходным налогам у нас появляется возможность дать стране то, в чем она дополнительно нуждается — построить за счет налоговых средств дороги и больницы, обеспечить заботу о бедных.

Демократия не означает получение благ только для себя. Демократия определяется тем, что мы все вместе можем сделать для себя и для страны, ведь мы несем ответственность как за наши семьи, так и за нашу родину. Подобно тому, как страна, повышающая свое благосостояние, несет ответственность за все свои поступки, любая семья, стремящаяся к улучшению своего материального положения, начинает проявлять большую осмотрительность. Появляется, например, желание отправить детей в хорошую школу, а деньги на такую школу можно получить как за счет налогов, так и благодаря готовности каждой семьи выделить средства из семейного бюджета для ее содержания.

То же самое произойдет, если вы хотите иметь в своем районе хорошую больницу. Постепенно люди начинают понимать, что хорошая жизнь — это не только упорный труд, но и, скажем, возможность иметь в своем районе публичную библиотеку, книги которой будут доступны всем, будут давать всем знания и открывать перед людьми новые возможности. Главным фактором демократии является возможность заниматься самосовершенствованием, получить профессию, скажем, инженера, узнать о богатствах мира, познакомиться с великими произведениями искусства и литературы. Отсюда и стремление людей открыть у себя в районе хорошую библиотеку.

А вслед за этим у людей возникает тяга к путешествиям, желание посмотреть мир, пробуждается дух гражданственности, патриотизма. В стране, где люди действуют с чувством ответственности, возникает общество, движимое чувством общей ответственности, сознанием того, что обеспечить общее благосостояние можно лишь путем удовлетворения запросов потребителя, повышением качества предлагаемых товаров. Нужно уметь хорошо чинить ботинки, хорошо шить одежду, производить продовольствие высокого качества. Только путем обеспечения благосостояния других можно обеспечить и свое собственное благосостояние. Здесь все построено на взаимности.

Г-н Горбачев понимает, что все советские люди могли бы жить гораздо лучше, что для этого достаточно предоставить свободу действий вашим творчески мыслящим, инициативным людям. Понятно, что все скопом вряд ли начнут активно заниматься предпринимательством. Но достаточно кому-то начать, как к ним потянутся массы людей, все остальные члены общества. Г-н Горбачев понимает, что личная свобода человека в сочетании с политическими свободами демократического общества и при наличии экономических свобод могут создать высокий уровень материального благосостояния. Ведь именно свобода делает достойной и осмысленной жизнь каждого человека. Г-н Горбачев понимает, что ему придется столкнуться с некоторыми трудностями, но он не теряет веры в людей. Ведь когда они увидят открывающиеся перед ними возможности и воспользуются ими, жизнь начнет меняться в лучшую сторону.

Жизнь уже начинает довольно стремительно изменяться в лучшую сторону, скажем, в Венгрии, где людям удалось кое-чего добиться еще в эпоху Брежнева и Андропова, когда они получили некоторую свободу действий. А сейчас они готовы действовать в полную силу своих возможностей, демонстрируя тем самым, что намеченный ими курс является правильным.

Пойдя по такому пути, Советский Союз превратится в сверхдержаву не только благодаря своей военной мощи, но и благодаря таланту и способностям отдельных членов советского общества, перед которыми окажутся открытыми все возможности.

В свое время и я постаралась открыть все возможности перед людьми у нас в стране. Да, я желаю каждому стать капиталистом, я хочу, чтобы у каждого человека была принадлежащая ему собственность — будь то кусок земли, собственный дом, вложенные в какие-то предприятия средства как у себя в стране, так и за рубежом — ведь мы все живем в одном мире. Нам необходимо больше общаться, расширять культурные связи, взаимно учиться друг у друга. В нашем мире много прекрасного, много чудес природы, прекрасные здания, архитектура. И все это люди хотели бы увидеть.

А самое восхитительное — это перемены, для осуществления которых требуется огромное мужество. Всегда найдутся люди, опасающиеся перемен и у нас, и в вашей стране. Однако сохранить достигнутый уровень жизни можно лишь путем перемен, путем использования их в своих интересах, постоянно устремляясь при этом в будущее. Уверена, что никто не захочет вернуться в прошлое, где не было ни радио, ни телевидения, ни авиапутешествий.

Перемены требуют аналитического склада ума, прозорливости, мужества. Для их осуществления необходимы время и вера в пользу перемен. Но ведь смысл жизни и состоит в переменах, ведь перемены позволяют каждому из нас проявить свой особый талант, свои способности...

— ...И выполнить намеченное?

— Чем дальше вы заглядываете в будущее, тем более высокие цели вы ставите перед собой и своим народом. Но ни один генерал не в состоянии воевать в одиночку — он должен уметь увлекать за собой людей, каждый из которых должен в то же время сознавать пользу своего личного вклада. То же самое происходит и в политике.

Я часто задаю себе вопрос, как бы я себя повела, окажись на его месте. Ведь и я иногда принимаю какое-то решение, а потом начинаю от него отказываться, сомневаться в том, принесет ли оно пользу. Все это происходит потому, что в глубине души остаются сомнения, удастся ли довести до сознания людей правильность принятого решения.

...Многие предпочитают уходить в частный сектор. Но ведь нужны и учителя, и врачи, и чиновники, да к тому же квалифицированные чиновники. Работа найдется для каждого, однако максимальную пользу можно извлечь в том случае, если обладающие большим талантом и способностями люди получают возможность заниматься своим делом, будь то в промышленности или торговле. Именно тогда они смогут повысить общее благосостояние, увлечь своим примером других, позволить всем разделить плоды их предпринимательской деятельности.

В нашей семье отец был твердым, решительным человеком, да и мать, портниха, обладала большой твердостью характера. Именно поэтому они и решили открыть собственное дело. Правда, оно было небольшим, другие затевали дела и покрупнее.

— А можно ли совместить обязанности ведущего политического деятеля с чисто человеческими радостями?

— Думаю, это вполне возможно.

Хотя члены моей семьи и разбросаны по всему свету, мы остаемся очень близкими людьми и больше всего радуемся, когда собираемся вместе на рождественские или другие большие праздники. Мы начинаем обмениваться массой впечатлений, главное в которых — мысли о будущем.

Некоторые считают, что премьер-министр страны живет в Лондоне на Даунинг-стрит, 10. Это не совсем так. В основной части здания устраиваются официальные встречи и приемы. А жилые помещения находятся наверху. У нас очень уютная, скромно обставленная квартира. Постоянной прислуги нет. Каждый день убирать квартиру приходит чудесная женщина, очень аккуратно и тщательно выполняющая все свои обязанности. Без нее нам просто не обойтись.

Но если я остаюсь вечером с моим мужем Деннисом дома, а возвращаемся мы домой довольно поздно, мне приходится нестись на кухню, чтобы приготовить ужин. Мне это очень нравится, и я не отрываюсь от реальной жизни. Порой приходится ходить и по магазинам. И вообще я стараюсь почаще бывать на улице, на свежем воздухе.

У меня есть свой избирательный округ. Это огромный плюс демократической системы. Я бываю там по пятницам, провожу, как правило, восемь или девять встреч. Приходится посещать заводы, учреждения, дома для престарелых, беседовать с молодежью. Провожу так называемые «вечера встреч с избирателями». Записавшиеся на прием жители моего избирательного округа в беседах со мной упрекают меня в том, что правительство не выполняет обещаний по осуществлению тех или иных программ, на которые избиратели внесли какую-то часть своих средств. Приходится заниматься всеми этими вопросами в рабочем порядке, что опять-таки позволяет мне не отрываться от реальной действительности.

Также по пятницам у меня бывают поездки в другие районы страны, и я таким образом нахожусь в постоянном контакте с трудящимися.

Самое опасное — это отгородиться от людей, оторваться от народа, утратить с ним связь. Очень важно чувствовать себя частичкой народа, не прерывать с ним контактов даже при поездках за границу. В свое время люди у нас считали, что международные дела их не касаются. Но это неверно. Ведь мы тоже пострадали в тех многочисленных войнах, которые бушевали во всем мире. Так что международные дела оказывают самое непосредственное воздействие на жизнь людей во всех странах, могут обернуться для них и разрушениями, и трагедией. Именно поэтому мы должны поддерживать мощный оборонный потенциал, с тем чтобы никто никогда не осмелился на нас напасть. Только так можно построить мир, вести переговоры о его укреплении.

Но этим внешние связи страны не исчерпываются. Нам приходится все время покупать в других странах товары и сырье, которых нам не хватает. Поэтому торговля, а вместе с ней конкуренция имеют большое значение.

В мире постоянно происходит обмен товарами и людьми — ведь для того, чтобы увидеть чудеса света, необходимо путешествовать. Так уж устроена жизнь. Хотят путешествовать и молодые люди. Понимая, что мы все являемся жителями одной планеты, молодежь хочет увидеть собственными глазами, что на этой планете происходит, поговорить с ровесниками из других стран.

В годы моей юности путешествовали мало, поскольку не было для этого ни технических, ни материальных возможностей. Я росла в очень тяжелое время, время становления гитлеризма. Мы кое-что знали о том, что происходит в окружающем нас мире, хотя и жили в небольшом городке. Дело в том, что моего отца интересовали международные события и мы их в семье оживленно обсуждали. Когда началась война, мы ничуть не сомневались в правоте нашего дела, в том, что нельзя позволить тирану править всем миром.

Считаю, что мы поступили правильно, своевременно занявшись рядом фундаментальных научных разработок. Ведь если бы Гитлер получил в свои руки ядерное оружие раньше нас, это означало бы крушение свободы во всем мире. А получилось же, как я иногда говорила об этом, находясь в Германии, что Германия вновь обрела свободу в 1945 году, в день окончания войны.

Сейчас нам приходится заниматься и другими проблемами, проблемами окружающей среды, перенаселенности в мире. За время моей жизни население мира удвоилось. Это произошло благодаря проводившимся в мире медицинским исследованиям, в том числе и исследованиям, осуществленным нашими двумя странами. Они дали поразительные результаты. В Англию по приглашению королевского медицинского общества приезжал крупный советский иммунолог, с которым я беседовала о научных исследованиях. Кроме того, я побывала у вас в Центре исследований по кристаллографии, что для меня представляет особый интерес, поскольку я в свое время занималась кристаллографией. Медицинские исследования позволили победить некоторые болезни, сохранить жизнь большему количеству людей, обеспечить нормальные условия жизни и в тропических районах.

Научные исследования в области сельского хозяйства позволяют нам производить достаточно продовольствия для всего населения мира — риса, пшеницы, мяса и т. д. Сейчас можно прокормить от 7 до 8 миллиардов человек. Но в связи с этим возникают и определенные проблемы.

Новая передовая технология обеспечила прорыв не только в космосе, но и в других областях. Созданы прекрасные энергодобывающие отрасли, огромная химическая промышленность. В то же время, добывая нефть и уголь, которые накапливались в течение миллиардов лет и которые мы расходуем в течение всего лишь нескольких десятилетий или, скажем, столетий, мы сильно загрязняем атмосферу планеты. Эту проблему нам также необходимо решать вместе.

Скажу, что нам очень повезло, что мы живем именно в наше время, время, когда перед каждым открываются столь широкие возможности для проявления своего таланта и способностей. Народам мира пора наладить гораздо более тесные связи в решении вопросов сотрудничества, что позволит значительно повысить уровень жизни не только в материальном плане но и в плане личного удовлетворения от совместного труда.

Наше время — это время большого созидательного потенциала, время, когда, в чем я глубоко убеждена, подавляющее большинство людей нашей планеты имеют возможность заканчивать рабочий день с чувством законной гордости, зная, что они принесли какую-то пользу, что их рабочий день не пропал зря, что они хорошо выполнили свою работу, за которую они получат хорошую оплату. От этого улучшается настроение, поскольку вокруг себя видишь только хороших людей, только хорошее.

Демократия важна, поскольку она позволяет рассчитывать на то, что вокруг тебя будут только хорошие люди, хотя человек понимает, что имеются и плохие люди, совершающие дурные поступки. И все же главное в том, чтобы позволить каждому человеку проявить свои самые лучшие качества, а не подавлять их.

— Но для этого необходимо, чтобы на нашей планете был мир. Еще ребенком я застал войну...

— Мое детство пришлось тоже на годы войны, и я никогда не забуду, что мы допустили ослабление нашего оборонного потенциала после первой мировой войны. Меня тогда еще не было на свете, но люди того времени знали, что первая мировая война была поистине ужасной, и это было действительно так. Хотя применялись только обычные вооружения. Еще большие ужасы пришлось испытать народам в последней войне. Все это было настолько ужасно, что сейчас мир знает — это не должно повториться.

Мы тогда допустили ослабление нашего оборонного потенциала. К власти в Германии пришел Гитлер, который все больше и больше укреплял германскую военную мощь. Мы же думали, что правота нашего дела сама по себе достаточна, но затем, значительно позже, пришло понимание, что и нам надо, причем очень быстро, крепить наш оборонный потенциал.

Возможно, нам следовало это сделать раньше — всем вместе объединиться и заявить Гитлеру: «Если вы начнете войну, мы объединимся в борьбе против вас и победим». Но этого мы не сделали. Он же расправлялся с нами поодиночке, пока в конце концов мы не вынуждены были признать, что так он нас всех победит. Сначала он захватил Австрию, потом Судетскую область в Чехословакии, и казалось, что это все, к чему он стремится. Но затем немецкие войска вошли в Прагу, а мы по-прежнему отказывались от борьбы. После этого он вторгся в Польшу, и тут уж мы сказали: «Хватит!»

В этом выразилась вера нашего народа в свободу. Мы начали войну за свободу другого народа, зная, что если мы не защитим его свободу, то война скоро придет и к нам. Однако мы, как я уже говорила, допустили ослабление нашего оборонного потенциала. Именно поэтому я никогда не допущу, чтобы это произошло вновь. Хотя со времени второй мировой войны не было ни одного крупного конфликта, произошло 140 других конфликтов — Вьетнам, Корея...— 140 конфликтов между соседними народами.

В мире широко распространен терроризм, есть жестокие люди, которые для достижения своей цели готовы использовать оружие. Путь к сохранению мира в том, чтобы ясно сказать потенциальному агрессору — в случае нападения он проиграет. Именно поэтому мы создали наши крупные союзы — ведь в одиночку не выстоять,— и на время они сохранятся.

Тем не менее мы хотели бы определенно заявить, что если мы будем вести переговоры, это позволит нам поддерживать надежный оборонный потенциал на более низком уровне.

Потенциал этот нам в любом случае необходим — а вдруг что-то случится и появится какой-нибудь новоявленный диктатор. Ведь сейчас потребуется значительно больше времени, чем в 1939 году, для создания современного оружия. Кроме того, надо постоянно следить, чтобы кто-нибудь не скрыл какие-либо вооружения, которые могли бы быть эффективно использованы против нас. А для этого нам необходим контроль.

Продвигаясь вперед, мы используем опыт прошлого. Как я уже сказала, мы понимали, что нам придется воевать с Гитлером, который потом напал и на Советский Союз. Мы же все продолжали медлить, хотя видели, как вся Европа оказалась под властью Гитлера. Мы все раздумывали, нападет он на нас или нет, мобилизуя при этом все ресурсы для того, чтобы дать самый решительный отпор врагу, если он хоть одной ногой ступит на нашу землю. В конце концов он напал на нас с воздуха, причем у нас было значительно меньше самолетов и летчиков. И все же британцы оказались самыми храбрыми летчиками в мире и помогли нам выстоять. Я до сих пор помню торжественную службу в церкви, которая была устроена в честь нашей победы в битве, названной Битвой за Англию. Итак, мы выстояли... В войну вступили США, Гитлер напал на Советский Союз. В нашей общей борьбе нам пришлось отдать все свои силы: ведь у немцев было много оружия, и они были хорошими солдатами.

Трудно предугадать, откуда придет следующая опасность. Это могут оказаться люди, заинтересованные в производстве химического оружия на Ближнем Востоке, а ведь химическое оружие имеет крайне губительные последствия. Поэтому приходится постоянно быть начеку, поддерживать на должном уровне свой военный потенциал и в то же время вести переговоры, чтобы не тратить на вооружения столько, сколько сейчас приходится тратить. В то же время необходимо сохранять уверенность в безопасности своей страны, в том, что у вас есть союзники, на которых можно положиться в случае нападения.

Действительно, положение сейчас выглядит более обнадеживающим. Я рада видеть и всегда приветствую все то хорошее, что происходит в мире, смелые, далеко идущие планы. При этом я понимаю, что настоящим политиком может быть лишь человек, обладающий перспективным мышлением, упорно стремящийся к осуществлению своих планов, пусть даже на это потребуется 10 или более лет. В то же время мы должны оставаться свободными, нельзя допустить разрушения бастионов свободы.

— Свобода сопряжена с ответственностью...

— У этого изречения Джорджа Бернарда Шоу есть и продолжение: «поэтому-то многие и боятся ее». И это действительно так.

Многие люди у вас в стране не привыкли к ответственности и боятся ее. Но есть другие, которые приветствуют ответственность, и именно с такими людьми можно всегда идти вперед. Великие битвы истории были выиграны, великие школы философии и религии были созданы горсткой людей, которые упорно шли вперед, увлекая за собой все новых и новых последователей. Именно так мы добились прогресса.

— Как вы думаете, будет ли XXI век лучше, чем XX? Будут ли лучше жить наши внуки?

— Я бы ответила на ваш вопрос следующим образом. На протяжении всей истории люди либо рождались диктаторами, либо становились ими, захватывая власть благодаря своему личному обаянию и привлекательности, а захватив власть, использовали ее для угнетения людей.

Нам следует сделать так, чтобы никакой новоявленный диктатор не смог утвердиться у власти, а для этого нам необходима определенная сила.

В этом подлинный смысл защиты свободы в правовом обществе. Действительно, в XXI веке ситуация окажется более обнадеживающей. Известно, однако, что в мире продолжают происходить жестокие кровопролитные столкновения, например, на Ближнем Востоке, где было 4 или 5 таких столкновений. В ходе ирано-иракской войны вновь было применено химическое оружие, которое не использовалось в последней мировой войне. Это вызывает огромную тревогу. Мы должны добиться такого положения, при котором любой потенциальный агрессор будет заранее знать цену агрессии и то, что он никогда не выйдет победителем.

Буквально несколько слов, чтобы закончить наш разговор о сохраняющихся трудностях. Здесь уместно было бы вспомнить слова, сказанные Уинстоном Черчиллем в самый разгар войны: «Наши трудности, наши проблемы огромны, но пусть хоть иногда перед нашим взором открываются залитые солнцем вершины». Я бы посоветовала всем помнить эти слова.

— Большое спасибо за беседу.

Тяжелейшим ударом по национальному самосознанию была сталинская политика великодержавного шовинизма, от которой пострадали все, включая русских, которым Сталин бесстыдно льстил, называя «наиболее выдающейся нацией из всех наций, входящих в состав Советского Союза», одновременно уничтожая миллионы людей — крестьян, рабочих, интеллигенцию.

В отношении языков народов СССР у «корифея всех наук» была своя теория: «...В ходе скрещивания один язык оказывается победителем, сохраняет свой основной словарный запас и в дальнейшем развивается по внутренним законам своего развития, а второй язык постепенно утрачивает свое качество и постепенно отмирает». Далее он отмечает, что «русский язык... всегда оставался победителем». Кому была уготована смерть, можно не спрашивать. Фактически это был подписанный приговор.

Возникло в нашей «новоречи» тридцатых — сороковых годов слово-урод: **нацмен**. В национальной политике насаждалась официальная формула о «старшем брате» и «нацменах», братьях «младших». Оскорбительная, прямо скажем, формула, ибо кого считать «младшим»: армян, культура которых насчитывает уже тысячелетия? Грузин, принявших христианство еще в IV веке, имеющих в золотом литературном запасе «Мученичество Шушаники», написанное в V веке?

Поле межнациональных отношений в эпоху сталинизма было основательно заминировано: и этой тоталитарной, официозной формулировкой, искажавшей реальные отношения народов и культур, ставившей их в неравноправное положение, и чудовищными акциями по депортации целых народов, предпринятой в 40-е годы (выселялись крымские татары, чечены, ингуши, немцы, греки, турки, месхи...), и уничтожением национальной интеллигенции Казахстана, Узбекистана, Украины, Белоруссии и других республик под флагом борьбы с «национализмом»; и ложью о реальной послевоенной истории Литвы, Латвии и Эстонии (до сих пор в нашей печати умалчивается о «деятельности» в республиках тех, кто осуществлял политику практически: Деканозова, Жданова, Вышинского). И произвольным во многих случаях проведением границ между республиками, не учитывающих реального, исторически сложившегося, территориального единства. Все это так. И национальные «мины», которые начинают взрываться сегодня, старые. Но старое взрывное устройство, что хорошо известно, может сработать и сегодня.

Тем не менее необходимо отметить, что республики пытались строить свои культурные взаимоотношения и в этих, тяжелейших, повторяю, условиях. И здесь огромное значение имело поведение интеллигенции, прежде всего русской...

Андрей Платонов в замечательной повести «Джан» написал страшную историю об умирании народа джан. Устами своего героя Чагатаева Платонов говорит: «Чагатаев не жалел о самом себе: большой народ жив, и он все равно исполнит всеобщее счастье несчастных; но плохо, что народ джан, изо всех народов Советского Союза наиболее нуждающийся в жизни и в счастье, будет мертв... «Не будет!» — прошептал Чагатаев».

Иллюзия о том, что русский народ «все равно исполнит всеобщее счастье несчастных», так и осталась иллюзией. Но заплачено за нее слишком дорого: и разрушением памятников русской национальной культуры, и уничтожением животворных основ народной культуры, подмененной лакированным палехско-хохломским экспортом. И нарушением естественного функционирования национальных языков в республиках. Иллюзия о грядущем «всеобщем счастье несчастных» обернулась общими бедами, кризисом, в том числе и в национальных взаимоотношениях.

У меня, например, чувство притяжения и любви к грузинской культуре возникло благодаря общему делу: тому, что вот уже десять лет переводчики, критики, культурологи, философы, прозаики и поэты — из Грузии, России, Литвы, Эстонии, Украины, Латвии, Казахстана — собираются ежегодно на свой рабочий семинар. И обсуждают все вместе проблемы грузинской культуры в контексте общих наших проблем. Этот семинар, организованный Главной коллегией по художественному переводу и взаимосвязям литератур, носит имя критика и литературоведа Гурама Асатиани, бывшего его инициатором и написавшего, кстати, глубокую работу «О грузинском». Все доклады, все выступления на семинаре, собиравшемся в самые «застойные» времена, неформальны, чрезвычайно откровенны. Единственная возможность реально узнать точку зрения «соседа» — дать ему честно и открыто высказаться. И, оказывается, беды и проблемы у нас всех в общем-то сходные: и языковые (потому что подлинный русский язык так же вытесняется «новоречью», как и другие национальные языки), и культурные, и демографические. Как это ни печально, но нас всех сближал опыт несчастья, а не опыт счастья.

Но вот наступили новые времена. Печать заговорила с той степенью свободы, которая чуть ли не превзошла открытость наших семинарских встреч. Заговорила в том числе о корнях наших бед, о «черных дырах» нашей истории. И о тех неисчислимых потерях, которые понесла Грузия в цепи жесточайших репрессий 1921, 1924, 1929—1932, 1936—1938, 1948, 1951—1952 годов. Потрясением общества, свидетельством начала перемен стала картина Тенгиза Абуладзе «Покаяние».

Открываю журнал «Литературная Грузия» № 7. Читаю в статье нашего же «семинариста», глубоко уважаемого мною Тенгиза Буачидзе: «Нынешний поистине уникальный период пере-

стройки, демократизации и гласности, период обновления жизни некоторые негрузинские писатели, публицисты или журналисты **бессовестно используют во зло, критикуя и обличая отрицательные стороны Сталина и сталинизма, указывают на нас, грузин, пытаясь прямо или косвенно связать эти явления с Грузией и грузинским народом. Дескать, Сталин был грузинским явлением и виноваты во всем грузины»** (подчеркнуто мною.— **Н. И.).**

В сентябрьской книжке той же «Литературной Грузии» выступает еще один участник нашего семинара, критик Коба Имедашвили: «В последнее время на страницах центральных периодических изданий появляется немало публикаций, отдающих антигрузинским душком. ...Сталин осознан как грузинский феномен. Берия — как грузинский кошмар». На том же самом, только еще с большим акцентом на «национальном» происхождении антигрузинских выпадов (в связи со Сталиным и сталинизмом), настаивает известный прозаик Чабуа Амирэджиби («Дружба народов», 1988, № 12).

На чем же основаны подобные утверждения? На ущемленном чувстве национального достоинства? Где — и как — сталинизм ныне определяют как грузинский феномен? Да нет, никакие мои тщательные поиски успехом в данном случае не увенчались.

Никто из критиков сталинизма не углубляется в «национальное — грузинское» в Сталине прежде всего потому, что сталинизм (это явление гораздо обширнее Сталина) был явлением, враждебным любой подлинной национальной культуре, это был «сверхнационализм», демагогически использовавший лозунги о «русском», о «Великой Руси» для великодержавного укрепления страны. Государственный национализм сталинизма был не русский и не грузинский, но использовавший русскую «патриотическую» терминологию и насаждавший свое примитивное понимание русскости («Россия — родина слонов»). Техника этого насаждения прекрасно проанализирована в «Охоте» В. Тендрякова («Знамя», 1988, № 9).

Но вот на что я хочу обратить внимание: мы сами, проговаривая что-то как бы между прочим, иногда не очень-то и задумываясь, можем болезненно задеть национальные чувства других. Тем более что чувства эти сегодня чрезвычайно обострены. Конечно, не надо впадать и в крайности осторожничанья, крайности цензурирования. Так, один редактор вымолвил бессмертную, на мой взгляд, фразу по поводу публикации знаменитого стихотворения О. Мандельштама «Мы живем, под собою не чуя страны...», где есть, как известно, следующие слова о Сталине: «...и широкая грудь осетина»: «Осетины обидятся». Ну что ж, теперь уж напечатано многострадальное стихотворение, и не обиделись осетины...

Национальный эпитет к имени Сталина ничего не прибавляет. Более того: сам «вождь и учитель» категорически отвергал свою близость ко всему национально-грузинскому. Анна Ахматова, по словам М. Ардова, вспоминала: «После войны Усачу показали какой-то самый главный грузинский танец в блистательном исполнении. Когда пляска закончилась, он поморщился и сказал: «Я — чэлавэк рускай культуры. Мне эта чюжда...»

А вот пример неосторожности общения с горючим материалом национальной истории. В статье «Либо сила, либо рубль» автор (безо всякой надобности для своей концепции, опять-таки между прочим) роняет: «Пугачевщина не образумила русское дворянство, и оно в конце концов получило то, что по тупости своей и животному эгоизму заслужило сполна» («Знамя», 1989, № 1). Позвольте: русскими дворянами были Пушкин, Лермонтов, Чаадаев, Герцен, Толстой, Достоевский; русское дворянство вышло на Сенатскую площадь в 1825 году; русское дворянство создало величайшие духовные ценности... «Заслужило сполна»?!

Но я открываю в том же номере журнала другую страницу и убеждаюсь — стихи Марии Петровых защищают наше общее достоинство:

Если ж скажете — распни его,
Дворянин и, значит, враг.
Если царствия Батыева
Хлынет снова душный мрак,—

Не поверим, не послушаем,
Не разлюбим, не дадим...

* * *

Кстати, о рецидивах классовой дубинки и о «врагах народа».

6 января 1989 года опубликовано постановление ЦК КПСС «О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в период 30—40-х и начала 50-х годов», в котором вносится предложение: «отменить внесудебные решения (т. е. решения, принятые так называемыми «тройками», «ОСО».— **Н. И.**)... Считать всех граждан, которые были репрессированы решениями указанных органов, реабилитированными». Количество «дел», сфабрикованных и подписанных ОСО, исчисляется миллионами. О том, как выискивали «врагов народа», как создавали фиктивные «дела», повествуют сегодня не только романы Ю. Домбровского и В. Гроссмана, не только «Крутой маршрут» Е. Гинзбург и «Воспоминания» Н. Мандельштам. Трагический облик священников, интеллигенции, крестьян, рабочих — всех, кого свела судьба в лагерях, встает со страниц рассказов В. Шаламова. Но наиболее тяжко звучат сегодня свидетельства не писателей, а подлинные письма крестьян и рабочих, чьи родители пострадали в те годы («Известия», «Наука и жизнь»).

Однако и сейчас неугомонными, энергичными защитниками сталинизма находятся аргументы в споре, и сейчас вопреки всем открывшимся фактам, вопреки обнаружившимся массовым захоронениям в Куропатах (Белоруссия) или на Калитниковском кладбище в Москве ими настойчиво проводится мысль о том, что враги-то имелись, а террор 30-х — их диверсия из-за «ожесточения классовой борьбы»: «Остатки «разбитого вдребезги»... замаскировались, ушли в подполье, окопались в партийных, советских, государственных органах и продолжали вести борьбу против Советской власти и социализма...» («Молодая гвардия», 1988, № 12). Самое печальное состоит в том, что миф о ничего не ведавшем «отце» и прокравшихся «врагах» возрождает сын репрессированного, который пишет: «Вина лично Сталина в том, что он, ведя борьбу против врагов партии и народа (так, без всяких кавычек.— **Н. И.**), поручал вести ее лицам, которые зачастую сами к ним принадлежали».

Сегодня, согласитесь, подобная точка зрения выглядит чудовищным анахронизмом, с нею и полемизировать смешно. Несмешно другое — когда «врагов» начинают искать сегодня, и успешно.

В этом отношении уникальным представляется мне состоявшийся в декабре в Москве пленум правления Союза писателей Российской Федерации с повесткой дня «Публицистика в борьбе за дальнейшую демократизацию общества и осуществление экономической реформы в стране».

Можно, конечно, присоединиться к общей оценке этого пленума, высказанной И. Виноградовым («Московские новости», 1989, № 2), как к событию, стоящему вне литературы. Но собравшимся на нем были высказаны столь заветные мысли, что, как мне кажется, нелишним будет не оставить их без внимания.

От выступления к выступлению зазвучали оскорбительные нападки то на академика Т. Заславскую, то на Н. Ильину; бездоказательные ярлыки, крики, истерика по адресу Д. Гранина, обвиненного С. Викуловым в антипатриотизме; по адресу В. Гроссмана, чей роман «Жизнь и судьба» был обвинен тем же оратором в «почти ничем не прикрытой враждебности к русскому народу»; шельмование целых органов печати; откровения о том, что «русское слово... что греха таить, находится еще под тяжелым прессом, а в ряде случаев и под полным запретом». Это сегодня-то, в эпоху гласности, раскрепощения сознания и слова!

Известный публицист Иван Филоненко, на мой взгляд, верно охарактеризовал этот «пленум по публицистике»: «Я как публицист очень сожалею, что было сказано очень мало о публицистике как таковой за эти два дня».

О чем же говорили?

О том, что «статья Нины Андреевой не менее перестроечна, чем редакционная статья газеты «Правда» (В. Бондаренко).

О том, как раз и навсегда решить национальный вопрос в стране: «...Давно пора создать резервации. Это — прекрасное изобретение цивилизованных народов, и даже в эпоху зачина в России были резервации, куда приказом государя запрещалось белым(?! — **Н. И.**) въезжать под страхом казни» (В. Личутин).

Да, дорогой читатель, таков прискорбный путь развития отечественных мыслителей, если вести линию от А. Платонова («Джан») до В. Личутина. Вот до каких взлетов гуманизма мы в нашем многонациональном Отечестве (одних литератур насчитывается семьдесят восемь) доразвивались. Вот какое будущее стране, обществу в целом и отдельным «небелым» народам приготовили те, кто пугает нас «русофобией». Но послушаем В. Личутина дальше. Речь его, признаюсь, меня поразила своей, хочу выразиться как можно корректнее, «обширностью» охвата проблем. Убеждена, что поразила не одну меня, ибо в зале сидели татарские, башкирские писатели, якутские; выступил нивх Владимир Санги, чукча Юрий Рытхэу. Так что же они все узнали от В. Личутина? «...Если говорить, что мы все братья, то уже в этом заложена болезнь». Кто же мы, если не братья? Читаю стенограмму дальше: «Россия всегда называлась матерью. Мать народов». Более того: Личутин считает, что всем им — и татарам, и башкирам — живется гораздо лучше, чем России. Но главное не только в этом. Главное — в том, что «верхний эшелон» «заняли люди... без зачатков этики национальной». А наше «государствоустроение» должно базироваться, оказывается, на «национальной» русской этике. Как же можно подчинять всех — и эстонцев, и латышей, и грузин, и армян — одной «национальной этике»? И до чего мы тогда договоримся? Это я выяснила уже из другого выступления — А. Буйлова. Он выражался не столь витиевато, как В. Личутин, формулировал прямо и непосредственно: «ведь империя-то наша рушится, трескается по швам...»

Вот, наконец, и «договорились». Имперское мышление не сегодня, конечно, возникло, но сегодня его исповедание в стране все-таки производит, согласитесь, ошеломляющее впечатление. А каково это будет прочитать «разным там» армянам? Кстати, об армянах. Трагедия в Армении высветила чувство интернациональной близости не только наших народов, но и всего человечества. Но это страшно раздражило того же Буйлова: «И мы уже начинаем спекулировать, начинаем муссировать — чувство интернационализма, чувство интернационализма!» С какой неприязнью, однако, произносится это слово. А почему? Если «империя-то наша рушится», чем скреплять будем?..

Если «интеллигенция» пренебрежительно относится к судьбам других народов, то закономерно и печальное недоумение, прозвучавшее в выступлениях Ю. Рытхэу, С. Данилова (Якутия), Ю. Шесталова. «Я слушаю, и мы все слушали и товарища докладчика, и Сергея Васильевича Викулова, и мне казалось почему-то, что тут сидят одни русские, а тут же сидят россияне, и давайте говорить о россиянах тоже»,— деликатно, но твердо заметил татарский писатель С. Гаффар. Он же сказал о том, что литература и искусство Татарии до сих пор вынуждены ощущать над собой неправедную тяжесть постановления ЦК ВКП(б) 1944 года «Об идеологической работе партийной организации Татарии». Но этот нелегкий вопрос никого из писателей-гуманистов, продолжателей великих традиций русской литературы не беспокоил. Потом возникнет где-нибудь в Татарии новый «Карабах», вот и взволнуемся все вместе! И подстрекателей искать будем! Благо это проще — во всех бедах искать подстрекателей. Проще, чем задуматься и разбираться в проблемах.

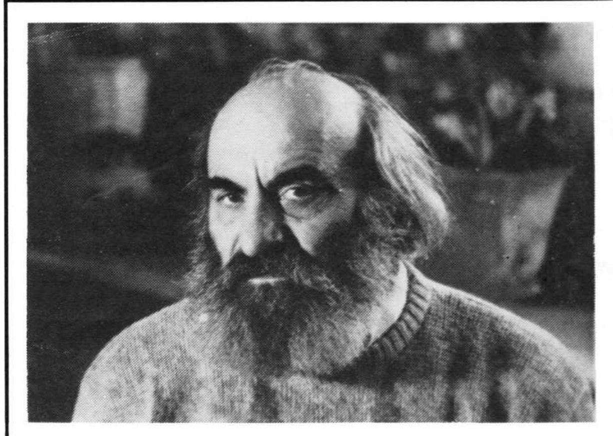
Способность русских жителей отзываться на всякие невзгоды других наций известна. У русской интеллигенции действительно великие традиции. Именно о них тщетно пытался напомнить «радеющим» участникам пленума писатель из Якутии С. Данилов: «Она была (разрядка моя.— **Н. И.**) самой совестливой литературой на свете, лишенной национальных и других предрассудков... Забота не только о родном русском народе, но и об, как тогда говорили, «инородцах» была традицией всей русской литературы. И вот сегодня... Я задаюсь вопросом: сохранена ли и развивается ли благородная традиция... в современной русской литературе?» С. Данилов рассказал о крайне неблагополучном положении национальных окраин, о том, что речь сегодня идет «о том, выживут ли... народы и народности, населяющие эти окраины, не говоря уж об их культуре». Как же на эту трагедию реагирует современная русская литература? «Я не могу назвать ни одну сколько-нибудь серьезную и яркую книгу или публицистическую статью на эту тему». Ни одну.

Но грозящее народам и их культурам, языкам исчезновение, сжигание книг на родном языке, отсутствие школ и другие чудовищные факты, приведенные писателями с окраин, никакого впечатления на множество присутствующих на пленуме русских писателей не произвели.

«Империя-то рушится!»

Уж не думает ли и впрямь Личутин, что за равнодушие ко всему сказанному о трагических проблемах национальных окраин, о вымирании целых народов, соединенное с прославлением своей «национальной этики», он получит гармоническое «государствоустроение»? Ну а если думает, то за свою, хочу выразиться помягче, «наивность» он и может получить то, что так гневно окрестил «русофобией».

Очень это соблазнительно: выступать глашатаем от лица народа. Якобы им уполномоченным. Проще говоря, узурпировать его мнение. Народ — вовсе не однородная «масса», а сложный, развивающийся, изменяющийся организм. Д. С. Лихачев, много сил положивший на исследование русскости в фундаментальном смысле этого понятия, замечал еще в 1968 году: «Нет одного национального характера, есть много характеров, особенно (но не

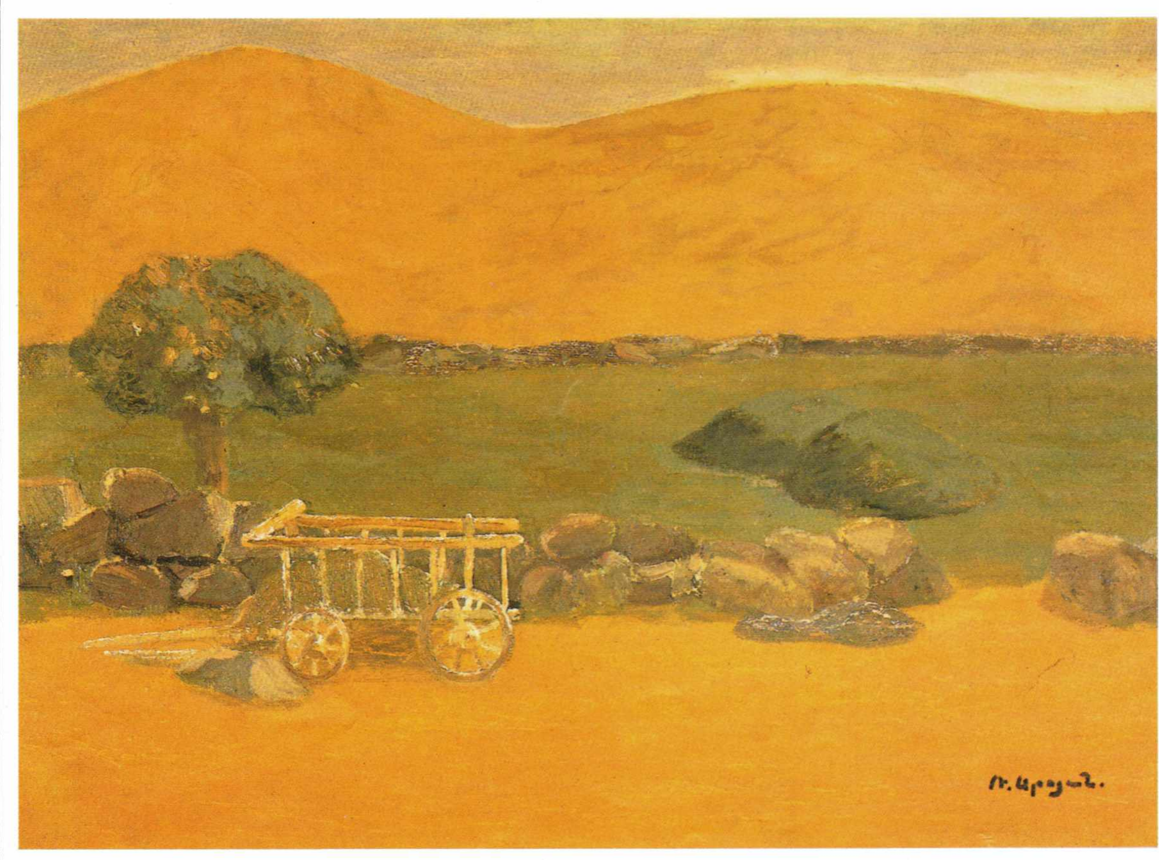
Рафаэл Атоян. Род. 1931.

ПАЛИТРА

ЛЕНИНАКАН, ЛЮБОВЬ МОЯ

ДВОРИК. 1979.

ТЕЛЕГА. 1983.

Землетрясение, разрушившее Ленинакан, унесло жизни многих близких родственников художника. Я спросил его, как он представляет себе дальнейшее свое творчество. «Буду любить мой город, как любил,— сказал Рафаэл Атоян.— Верю, что вспыхнет свет надежды, которая возродит и вернет многое из того, что было нам так дорого в нашем Ленинакане...»

В любви к этому городу признается множество людей. Его воспели замечательные поэты Аветик Исаакян и Ованес Шираз. Многие художники гордятся тем, что они родом из Ленинакана, древнего Гюмри. Едва ли не все ведущие армянские живописцы либо рождением, либо жизнью связаны с этим своеобычным городом, с его неповторимой прелестью, с его традиционным вековым укладом и бытом. Давно уже обосновавшись в Ереване, большинство из них не порывает связи со своей малой родиной, и их картины вновь и вновь доносят до нас притягательный гюмрийский колорит.

Рафаэл Атоян, чье творчество почти всецело посвящено Ленинакану, нежно, любовно и трепетно повествует о родном городе и о своем детстве. Его картины узнаются по сочетаниям мягких безмятежных красок и ощущению раздумчивого, таинственного покоя.

Выпускник Ереванского художественно-театрального института Рафаэл Атоян был, пожалуй, самым «тихим», самым скромным в поколении армянских живописцев-шестидесятников: вокруг его имени не возникало шума. Однако его работы всегда вызывали пристальный интерес коллег. «Ато (так нередко зовут художника друзья) знает, что делает,— гово-

ФАЭТОН С БЕЛЫМИ ЛОШАДЬМИ. 1978.

рил Минас Аветисян, глава «новой волны».— Он шагает медленно, но верно. Это наш Сезанн».

Личность мастера и его ви́дение мира неразрывно связаны, и его искусство было и остается прямым слепком его души. «Стоит мне припомнить детство, и я словно во хмелю...» Всякий раз, когда художник становится за мольберт, его охватывает это чувство. Маслобойка, студеные горные ключи, повозка, запряженная белыми волами, на которой он совершал вместе с отцом первые свои путешествия... Наряду со всем этим Атоян писал ленинаканские улочки и дворы, схватившихся в борьбе юношей, прихорашивающихся перед зеркалом или читающих девушек. Герои многих полотен художника — его дети. Изображая их, слагая оду мирной жизни, Атоян без устали возвращается в детство, утверждая это мироощущение как свое творческое кредо.

Все, к чему обращена кисть Атояна — отчий дом и земля, дерево и цветок, камень и вода,— все это очеловечено и согрето чистой, неподдельной любовью, жизнерадостной и поэтичной.

Шаэн ХАЧАТРЯН

КОХ (Борьба). 1974.

исключительно) свойственных данной нации... Некоторые из них канули в прошлое, некоторые вновь появляются... Это — «сообщество» характеров и типов, и оно все время движется вместе с движением истории...»

Много было в нашей многострадальной истории разного рода «уполномоченных». То они «от имени народа» коллективизацию проводили, то безапелляционно определяли, кто народу «друзья», а кто «враги». Раздавали награды — «народные», навешивали ярлыки — «народ так решил», утверждали приговоры «врагам народа». И все эти действия производились от лица народа. Славословя ему, льстя, заигрывая, а на самом деле глубоко презирая, в лучшем случае оставаясь равнодушным к его чаяниям и бедам.

Ведь, скажем, какое надо иметь воображение, чтобы сегодня произнести нижеследующее: «Ныне Родине, выросшей дочери, надо честь свою строже блюсти». Эти свои стихи зачитал Ф. Чуев на пленуме СП РСФСР в Рязани.

Был уже у нас один вождь, которого объявили «отцом народов», при котором дети отрекались от своих собственных, реальных отцов.

И вот появился еще один отец, Ф. Чуев. Печально известный, кстати, тем, что в период ресталинизации, во второй половине 70-х, «обнародовал» свой акростих, из заглавных букв строчек которого составлялся лозунг «Сталин в сердце».

Итак, гораздо проще — в интерпретации новоявленных «народолюбцев» — подменить сложный народный организм некоей единой массой. И, размахивая этим понятием, обрушиваться, скажем, на кооперативное движение, на многие попытки вывести экономику из застойного состояния. Этими проблемами озабочены сегодня профессиональные экономисты и публицисты, в обществе идет тревожная, серьезная дискуссия, но критику А. Казинцеву видятся в этом лишь «скептическая ухмылка» (это он об О. Лацисе) или «почти нескрываемый мстительный мотив» (это о Н. Шмелеве). Более того: за всеми этими обсуждениями провидец Казинцев зрит зловещий образ нового «тоталитаризма». И пугает им читателя: «Без стукачей под дверьми, без наганов, без «черных воронов» и лагерей». Однако — «с технократами во главе и с масонскими ложами в основе системы» («Наш современник», 1988, № 11). Вот и пришли к искомому, если кто-то хочет привлечь иностранный опыт — значит, прокрались вездесущие «масоны». Лучше пусть мы будем «нетривиально» загибаться, чем в стране появится конвертируемый рубль, исчезнет дефицит, остановится инфляция. Пусть и никуда не годная экономика — зато «нетривиальная», своя.

Правда, в такой логике обнаруживается странное, труднообъяснимое противоречие: если в «плановой» экономике и в бедах народа в 20—40-е годы были виноваты какие-то «чуждые» силы, то и в попытке преодоления этих бед тоже, получается, с охотой участвуют пресловутые «масоны»? Уж больно они выглядят непоследовательными...

Если встать на точку зрения А. Казинцева, то, несмотря на все его льстивые заклинания («народ не стал... он не принял... роль кроликов... И был во всех отношениях прав!»), получается, что народ не более чем равнодушное опытное поле для исторических экспериментов: «масонов» или кого там еще.

Я же придерживаюсь совсем иной точки зрения. Полагаю, что от лица народа лучше не вещать. Куда полезнее задуматься и над реальным историческим опытом, и над причинами современной ситуации, о которых наиболее глубоко, на мой взгляд, сказано в статьях В. Селюнина «Истоки» («Новый мир», 1988, № 6) и А. Ципко «Истоки сталинизма» («Наука и жизнь», 1988, №№ 11, 12, 1989, №№ 1, 2).

Одним из самых весомых достижений нового периода нашей жизни стала демифологизация как прошлого, так и настоящего. Развенчание упорно насаждаемых в нашем обществе мифов не только об «отце народов» (хотя этот миф — один из крупнейших), но и о «развитом социализме», в котором мы якобы живем; о несомненно грядущем «светлом будущем», которое по мере нашего приближения к нему все отодвигалось, как впавший в застенчивость горизонт.

Разоблачение старых мифов не помешало, однако, возникновению и пропаганде новой мифологии. Политический миф — это всегда гипноз мысли. И значит, новое ее оцепенение. «Разве не является абсурдом,— пишет А. Ципко,— внушаемая сейчас некоторыми нашими литераторами обществу мысль о том, что мы, русские, созданы не для того, чтобы нормально жить, иметь хорошие больницы и компьютеры, а для того, чтобы строить «уникальную» и «нетривиальную» экономику, удивлять мир своей способностью терпеть лишения и следовать за «идеологами жертвенности»?

Новые «мифотворцы», реанимируя старые мифы, в средствах не стесняются. «Протоколы сионских мудрецов» разоблачены как фальшивка. Но этот факт не останавливает, скажем, В. Бегуна, который в своих статьях опирается на это провокационное сочинение. Но это лишь одно из открытий минского «ученого». Второе («Наш современник» № 11, 1988) меня потрясло несравненно больше: получается, что не было философии, художественной литературы, музыки, не было великих, «которые творили бы на ниве еврейской «национальной культуры». Ничего не было. Сами эти слова — «национальная культура», когда речь идет о еврейской национальной культуре,— берутся почему-то В. Бегуном в кавычки. «А те гениальные люди из числа евреев, которые обогатили мировую культуру,— продолжает он,— создавали свои произведения на национальной почве немецкой, голландской, английской, русской и других культур».

Но я хочу привести хотя бы одну «маленькую деталь» еврейской национальной культуры — Библию. И не только древнееврейский Ветхий Завет, который вобрал в себя множество памятников культуры. В статье С. С. Аверинцева читаем: «...библейские тексты... возникавшие на протяжении более чем тысячелетия (от XIII—XII до II века до н. э.) и впитавшие в себя тексты самого разного характера (в том числе и фольклорного происхождения): мифы, древние народные предания, фрагменты хроник, исторические документы, законодательные памятники, ритуальные предписания, победные, свадебные и другие ритуальные песнопения, сочинения религиозно-философского характера» («Мифы народов мира»). В другом исследовании он же пишет о «тысячелетней сокровищнице иудейской словесности». Переходя к раннехристианской литературе, С. С. Аверинцев замечает: «...неоспоримо, что преклонение перед Библией было сильнейшим фактором литературного процесса этих веков» («История всемирной литературы»). Свидетельствует о еврейской культуре не только Ветхий, но и Новый Завет. Я понимаю, что В. Бегуну это все может быть неприятно, но факт есть факт. Как и то, что все знаменитейшие, талантливейшие немецкие, голландские, английские, русские и т. д. писатели и художники творили на основе библейских сюжетов. И никто, между прочим, не называл их иронически «радетелями этой (читай: еврейской) культуры», не обвинял их при этом в том, что их «старания» неизвестно куда направлены.

Странно, конечно, что приходится напоминать «знатоку» еврейской культуры В. Бегуну столь азбучные истины.

Я уже не говорю о том, что оскорбительный тезис о «жалком остатке» вместо еврейской культуры никак не согласуется с такими известными именами, как Шолом-Алейхем и Михоэлс; что еврейский театр был закрыт вследствие борьбы с «космополитами». Мне как-то неловко напоминать знатоку о лирике Овсея Дриза и Давида Гофштейна, Л. Квитко, С. Галкина и П. Маркиша, стихи которых переводила Ахматова. Это все относится к еврейской культуре, которой — по В. Бегуну — не существует.

Я бы советовала В. Бегуну познакомиться с идеями С. Куняева — он на рязанском пленуме (о котором «Огонек» рассказывал в № 52), во-первых, все-таки назвал «Протоколы сионских мудрецов» «мифическими», а во-вторых, он же, признав-таки существование еврейской культуры, предложил отделять еврейских художников (в качестве примера им приводится «выдающийся еврейский национальный художник» Шагал) от художников русских еврейского происхождения (Левитан). Может быть, все-таки лучше, чтобы своей культурой распоряжался бы сам народ...

Сегодня социальные и политические мифы возникают там, где отсутствует знание. Миф замещает реальную природу вещей. Мифотворчество XX века — опора тоталитаризма во всех его разновидностях.

Мифотворчество в критике, в искусствоведении подменяет действительную проблематику надуманной.

Например, в отличающейся ироническим и даже каким-то ерническим по отношению к Пастернаку и его роману тоном статье П. Горелова о романе «Доктор Живаго» («Вопросы литературы», 1988, № 9) сначала долго и упорно повторяются слова о «честности автора» (то бишь Пастернака, как будто кто-то в его честности сегодня ужасно сомневается), а затем на месте реального произведения заботливо выращивается мифологема, замещающая роман (о котором, кстати, критик роняет, что, мол, «не живет смыслом, а — только апеллирует к нему»; о главном герое говорится — «хорош гусь»). Изъясняясь на квазиученом сленге, перемешанном с вульгаризмами, автор статьи планово подводит несколько усыпленного словами о «честности» Пастернака читателя к главному пункту: оказывается, в романе доминирует «тайный страх утраты, безвозвратной утраты своей национальности (окончательный отказ от нее)»...

Вы удивлены? Вы полагали, что «Доктор Живаго» — роман о революции и судьбах русской интеллигенции? О гражданской войне и культурной катастрофе? Расстаньтесь с этой иллюзией. Роман Пастернака исключительно о национальном. По крайней мере так, видимо, решили в редакции журнала «Вопросы литературы». В девятом номере журнал публикует не только статью П. Горелова — еще одну, американского слависта Д. Гибиана, тоже в основном посвященную национальному вопросу (при этом художник Л. Пастернак без всяких редакционных комментариев объявляется симпатизирующим сионизму)...

Мы давно сочувствуем проблемам североамериканских индейцев. Почти каждый день благодаря программе «Время» переживаем за коренных жителей ЮАР. Средства массовой информации безотлагательно сообщают нам о расовых проблемах в США, вызывая у нас закономерное чувство возмущения расизмом.

Но нас десятилетиями отучали беспокоиться о тех, кто рядом. Близко. О тех, кто численно меньше нас. Более того: ограниченное, бытовое сознание, исполненное предрассудков, склонно именно на них, на соседей, перекладывать свои грехи, персонифицируя зло их в сконструированном образе «чужого».

Вспомним борьбу с так называемыми «космополитами». Спросим себя откровенно: разве не в унисон с нею звучат реанимированные ныне термины «безродность», «инородец», «русофобия»?

Представьте себе на минуту условную картину. Дело происходит, скажем, в одной из наших республик. На протяжении определенного времени во многих публикациях местной прессы в качестве виновных в обнаружившихся бедах и проблемах жизни перечисляются преимущественно лица с фамилиями «малой» (то есть по численности гораздо меньшей, чем в основном населяющая республику) национальности. Вот вам и генезис еще одного Сумгаита.

Ищут «чужих» виновных, ищут «умысел». У В. Распутина читаю: «Словно один преступный замысел пересекся с другим, чтобы лишить народ памяти и чутья...»

Ю. Кузнецов в стихотворении «Откровение обывателя» пишет: «Там котел на полнеба рванет, Там река не туда повернет, Там иуда народ продает. Все как будто по плану идет... По какому-то адскому плану. Кем мы втянуты в дьявольский план? Кто народ превратил в партизан? Что ни шаг, отовсюду опасность». Что ж, нынче в прессе обыватель может найти немало «откровений»...

Приведу для отрезвления слишком горячих голов слова, сказанные Анной Ахматовой 4 марта 1956 года, на следующий день после выступления Хрущева на XX съезде: «Теперь арестанты вернутся, и две России глянут друг другу в глаза: та, что сажала, и та, которую посадили». Эту невыносимую мысль все равно придется додумать до конца — иначе мы рискуем опять оказаться там, откуда мы вроде уже отчалили.

До сих пор, несмотря на большое число неожиданных журнальных публикаций, поток интересных газетных статей, выход новых книг, одним из любимейших чтений моих остается выпущенный в самые «застойные» времена великолепно иллюстрированный двухтомник «Мифы народов мира».

Изучая творчество Искандера, я обращаюсь к абхазским мифам. Читая в модном романе о превращении нашего современника в ворону, ищу многовековую подоплеку на страницах того же издания. Погружаясь в «волчий» мир айтматовской «Плахи», опять снимаю с полки увесистый том, чтобы лучше понять замысел писателя. О каких только мифах не рассказывает это энциклопедическое издание, среди авторов которого крупнейшие наши ученые! Но там отсутствует (да и быть, конечно, не мог) главный, тотальный, разветвленный миф, в опиумной духоте которого страна задыхалась столько десятилетий.

Как известно, не было народа без мифологии. Человек и человечество выражали свое мироощущение в прекрасных, полных поэзии легендах, в которых боги действовали вместе с героями — посредниками между богами и людьми. Но XX век породил мифологию иного типа — политическую, а не поэтическую. Миф насаждался там, где преследовалась мысль. Им были присвоены и использованы замечательные понятия — патриотизм, родина, народ,— понятия, превращенные в жупелы, адаптированные в агрессивные лозунги, направленные в конечном счете против самого народа.

Каковы были опорные знаки этого мифа? Их не так много, и они достаточно примитивны. «Жить стало лучше, жить стало веселее», «Если враг не сдается, его уничтожают», «Я другой такой страны не знаю, где так вольно дышит человек»... Были созданы миф о «врагах народа», миф о «социалистическом реализме», миф о «торжестве советской демократии», о победе советской биологической мысли в лице академика Лысенко, миф о нашей военной мощи. За все эти «малые мифы» расплачиваться пришлось двадцатью миллионами погибших в Великой Отечественной и десятками миллионов репрессированных.

Сегодня на развалинах старых мифов возникают новые.

Попробуем оставить мифологию для энциклопедий.

Вернемся к реальности.

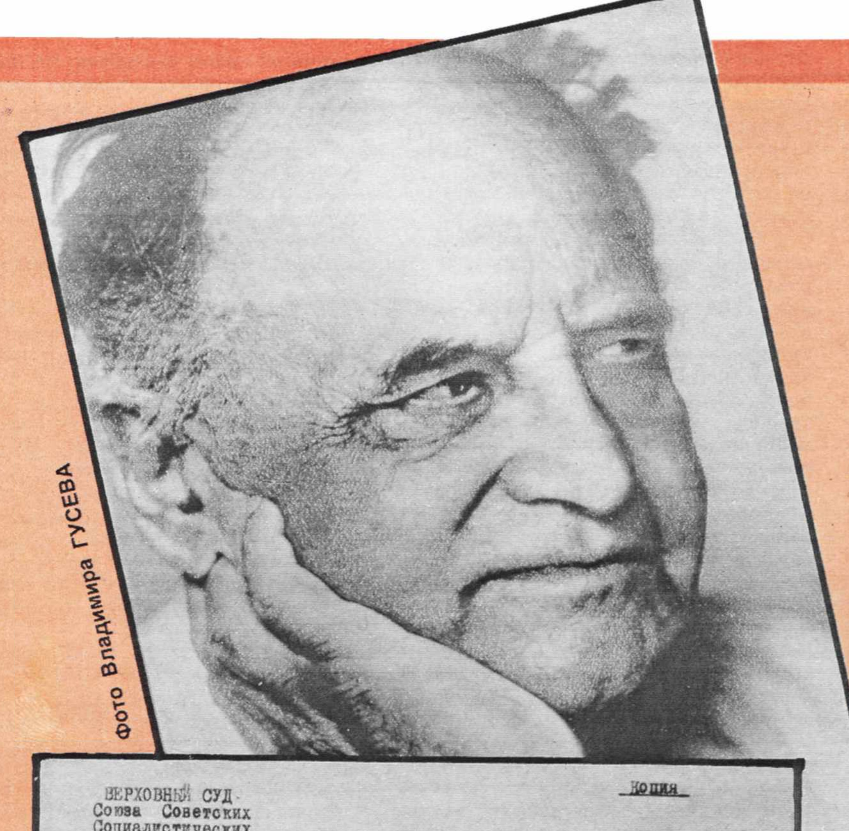

Фото Владимира ГУСЕВА

Копия

ВЕРХОВНЫЙ СУД
Союза Советских
Социалистических
Республик

9 августа 1956 г.

№ 02/ДСП-5667-56

СПРАВКА

Дана гр.ЭФРОИМСОН Владимиру Павловичу, 1908 года рождения, в том, что определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда СССР от 31 июля 1956 года постановление Особого Совещания при Министре государственной безопасности СССР от 24 декабря 1949 года в отношении его отменено и дело производством прекращено за отсутствием состава преступления.-

(Печать
Судебной Коллегии
по уголовным делам
Верховного Суда СССР)

П.п. За Председателя
Судебной Коллегии
по уголовным делам
Верховного Суда СССР (подпись)

5 июня 1957 г. Я, МИРОНОВА Е. Е.
нотариус 1-й Московской Государственной Нотариальной конторы, свидетельствую верность этой копии с подлинником ее.
При сличении [illegible] с подлинником, в последнем: [illegible] других особенностей не оказалось.
Взыскано госпошлины 2 руб.
По реестру № 1к-77548
Нотариус

Имя Владимира Павловича Эфроимсона очень хорошо известно не только отечественным генетикам, но и широкому кругу читателей. До сих пор говорят о его статье «Родословная альтруизма», опубликованной в журнале «Новый мир». Все те, кто хоть в какой-то мере интересуется историей генетики, прекрасно знают профессора Эфроимсона как принципиального и бесстрашного борца с лысенковщиной, как искреннего и честного ученого, немало пострадавшего за отстаивание настоящей науки.

Два ареста по сфабрикованным обвинениям, годы лагерей, ссылок, вынужденной безработицы, травли, преследований — это расплата ученого за честность. Однако, несмотря ни на что, Владимир Павлович сумел внести неоценимый вклад в нашу науку. Он первым в мире вычислил частоту мутирования генов у человека, он был одним из крупнейших отечественных генетиков, разрабатывавших основы генетики и селекции тутового шелкопряда, он является по праву человеком, который в шестидесятых годах принял активное участие в возрождении медицинской генетики и иммуногенетики в нашей стране. По его книгам учатся и сегодня новые поколения наших генетиков.

Владимир Павлович — не только очевидец, но и участник многих трагических событий в истории советской биологии, поэтому его свидетельства особенно важны сегодняшнему читателю, пытающемуся оценить сложные и неоднозначные пути развития советской науки.

В. А. СТРУННИКОВ,
действительный член АН СССР,
Президент Всесоюзного общества генетиков и селекционеров

АВТОРИТЕТ

О ТОМ, КАК РОЖДАЕТСЯ И К ЧЕМУ ПРИВОДИТ МОНОПОЛИЗМ В НАУКЕ, РАЗМЫШЛЯЕТ ДОКТОР БИОЛОГИЧЕСКИХ НАУК ВЛАДИМИР ПАВЛОВИЧ ЭФРОИМСОН В БЕСЕДЕ С КОРРЕСПОНДЕНТОМ «ОГОНЬКА» ЕЛЕНОЙ ИЗЮМОВОЙ

— Владимир Павлович, вы — один из старейших генетиков нашей страны, очевидец, свидетель и участник многих событий, о которых еще не сказана полная правда... Ваше имя неизменно ассоциируется с борьбой против Лысенко и лысенковщины.

— Вы правы: в последнее время меня довольно часто просят высказаться на страницах печати, но интерес этот появился слишком поздно — мне уже восемьдесят... И часто не хватает сил, хотя многое хочется сказать и объяснить. Ведь очень мало тех, кто по-настоящему понимает, что же происходит в нашей науке, в генетике, почему столь катастрофично ее нынешнее состояние, в чем причина нашего чудовищного отставания в биологии, да и не только в ней.

Тяжело осознавать, но большая часть моей жизни отдана совсем не тому, чему должна была быть отдана. Жаль тех лет, что отняли лагеря. Обидно, что многие годы ушли на борьбу с лысенковским бандитизмом; что многие годы пришлось отдать на расчистку «авгиевых конюшен» в отечественной науке. Многое из того, что сейчас становится общепринятым, чуть ли не банальным, было хорошо понятно и двадцать, и тридцать, и пятьдесят лет назад. И — поверьте — не мне одному...

Убежден — лысенковщину не понимали и не хотят понять до сих пор. Это была совершенно наглая, нахальная авантюра, построенная на бесчисленных фальсификациях, очковтирательстве, понятных элементарно подготовленному биологу, начиная примерно со второго или третьего курса... Я авторитетно заявляю, что не было ни одного образованного биолога в тридцатые и сороковые годы, кто мог бы вполне серьезно воспринимать лысенковское «учение». Если грамотный биолог стоял на позициях Лысенко — он врал, выслуживался, он делал карьеру, он имел при этом какие угодно цели, но он не мог не понимать, что лысенковщина — это бред!

— Чем же вы объясняете триумф Трофима Денисовича?

— Видите ли, очень часто отождествляют разгром советской биологии с именем Лысенко. Но лысенковщина — это не только он. Это — явление, корни которого нужно искать не в самой науке, а в обществе, в системе. Авторитарная система в тридцатые годы породила собственную матрицу — авторитарную же систему управления наукой. Было достигнуто огосударствливание, обюрокративание науки, полное подчинение ее тому, что мы теперь называем административно-командной системой. Казарменные методы, коими пытались и подчас иногда пытаются по сей день руководить наукой,— это гибель. Они являются, по существу, главной причиной деградации науки.

— Не слишком ли это тяжкие обвинения?

— Убежден ли я? В нынешнем году в журнале «Вопросы истории естествознания и техники» принята к публикации в четырех номерах моя работа, написанная в 1947—1948 годах и тогда же отданная мной в Отдел науки ЦК КПСС, а затем в 1955 году написанная совершенно заново, потому что текст 1948 года исчез в архивах. Эта двухсотстраничная работа посвящена подробному, аргументированному разбору всех «новаторств» Лысенко. В ней даны подсчеты материального ущерба, нанесенного к 1948 году лысенковщиной нашему народному хозяйству. В 1949 году меня арестовали из-за этой работы. Лысенко знал, что ему нечего возразить на предъявленные в моем труде обвинения. Возразить он мог только одним — засадить меня за решетку. Разве это не уголовщина, когда с научным оппонентом расправляются таким образом?

Руководство науки, руководство страны проявило в лысенковской эпопее невероятное невежество, тупость, дикую самоуверенность, которые еще десятки лет будут давать себя знать. Были подорваны нравственные основы, без которых наука перестает быть наукой.

— Создается впечатление, что Лысенко — чуть ли не «злой гений»...

— Никакой он не гений. И не фанатик, как некоторые хотят его изобразить. Он, безусловно, умный человек и великолепный придворный, знавший, какое когда «открытие» надо преподнести. Однако он абсолютно аморален!

— Владимир Павлович, а если бы не появился Лысенко? Могла ли история нашей науки стать другой?

— Если бы не появился Лысенко, мы бы сейчас говорили те же самые слова о каком-нибудь другом персонаже. Свято место пусто не бывает. Я хочу познакомить читателей «Огонька» с несколькими цитатами из книги «За материализм в отечественной науке», выпущенной в 1931 году Коммунистической академией.

Вот отрывок из выступления на собрании Общества биологов-материалистов Бориса Петровича Токина — впоследствии Героя Социалистического Труда, профессора, заведующего кафедрой Ленинградского университета: «Уже встает во всю величину проблема планирования, рационализации работ в области биологических наук в связи с социалистической переделкой деревни, в связи с тем, что мы уже вступили в полосу социализма. Старые, индивидуалистические способы работы, одиночность, кустарничество ученого, отсутствие коллективного плана, отдельные профессорские школы и направления, подчас конкурирующие между собой, как в любом добропорядочном буржуазном государстве, разобщенность различных кругов биологов, теряющихся в отдельных лабораториях...— весь этот наш быт, все эти старые формы работы уже тормозят развитие науки».

«Пусть тип старого кабинетного запыленного ученого будет чучелом и пугалом для всех биологов!» — так заканчивает свое выступление Б. П. Токин, которого на этом заседании выбрали главой Общества биологов-материалистов...

Ну, что же, программа была очерчена весьма ярко и недвусмысленно. И что науку, рвущуюся к сияющим высотам светлого будущего.

— Владимир Павлович, но ведь это весьма ясно очерченная программа монополизации науки. Ведь, насколько я знаю, развитию науки никогда не мешало существование десятков и даже сотен независимых друг от друга лабораторий, направлений, школ. Недавно я прочитала в еще не опубликованной статье доктора биологических наук С. И. Малецкого такое утверждение: «Творческой единицей в экспериментальной биологии (такова генетика) является отдельный человек либо небольшой коллектив — группа, лаборатория. Среди очень известных современных генетиков есть люди, работающие почти всю жизнь в одиночку или в составе небольшой группы (например, нобелевские лауреаты Б. Мак-Клинток, С. Тонигава и др.)».

— Да, С. И. Малецкий совершенно прав, но в том-то все и дело, что при допущении «конкурирующих между собой профессорских школ» не могло бы быть построено здание управляемой науки!

Воплощенная в жизнь, эта программа стала программой планомерного, беззастенчивого, дикого истребления отечественной интеллигенции. Ведь именно «старые кабинетные ученые» испокон веку в России оставались наиболее преданными демократическим принципам. Именно они в знак протеста против репрессий, обрушившихся на студентов, вышли из состава Московского университета, предпочтя оставаться в тиши своих «буржуазных» кабинетов, но не на кафедре университета, скомпрометировавшего себя полицейскими акциями. Именно они в голод и разруху гражданской войны продолжали свой труд на благо нового общества.

— Приходит на ум сталинский тезис о том, что наиболее квалифицированная часть старой технической интеллигенции заражена болезнью вредительства...

— И правильно приходит на ум, потому что в этом же своем выступлении Токин вопрошает: «А разве у нас нет еще не разоблаченных вредительских теорий в биологии?» И поучает: «Все мы, работники теоретического естествознания и биологии, должны понять, что естествознание и биология партийны». И конечно — «не может быть большего счастья, как работать под руководством пролетариата и его партии». А «эти мелкие буржуа создают себе индивидуалистическую иллюзию все же некоторой самостоятельности и независимости от политики». И приводит пример: «...ученый-ихтиолог Назаровский доказывает, что «естественные законы размножения рыб таковы, что никак нельзя выполнить пятилетку в рыболовстве». Вероятно, Токин считал, что Назаровский должен был бы по-партийному объяснить рыбам, что от них требуется?

— Это звучит сейчас анекдотически.

— Да, это можно было бы назвать скверным анекдотом, если бы авторами вредительских теорий на этом заседании в марте 1931 года не были названы А. Любищев, А. Гурвич, В. Беклемишев, Л. Берг, Н. Кольцов, Н. Вавилов, И. Агол, С. Левит, М. Левин, М. Завадовский, А. Серебровский, И. Павлов, П. Лазарев, Ю. Филипченко...

— Цвет отечественной науки!

— Да, это лучшие представители научной интеллигенции. И судьба многих из них трагична. По-моему, символично, что заседание, о котором я вам рассказал, происходило в анатомическом театре. Но все же самое главное, что я хотел объяснить: в 1931 году Б. Токин и иже с ним не были лысенковцами! Лысенко — агроном, а в Комакадемии велся разговор о теоретическом естествознании. Такие же «дискуссии» проводили медики, физиологи, зоологи.

Я хотел бы, чтобы ясно и четко было понято следующее: под одними и теми же лозунгами разгром отечественной науки шел одновременно с разных направлений. И только через четыре-пять лет был сформирован единый, слаженный, из одного центра управляемый таран, символом которого остался Лысенко. Лысенко оказался всего-навсего нужным человеком на нужном месте. На его месте мог оказаться другой «борец за материализм». Но Сталин хорошо понял, что при помощи Лысенко и таких, как Лысенко, можно легко и быстро привести к полному подчинению и контролю всю советскую науку. Он почувствовал, что можно легко и быстро, натравливая на «врагов» и «вредителей» органы госбезопасности, расправиться со всем мало-мальски самостоятельным в науке.

— Владимир Павлович, согласитесь, что картина, нарисованная вами, не оставляет места для оптимизма. Более того, совсем недавно в журнале «Химия и жизнь» (№ 9, 1988 г.) была опубликована статья покойного ныне ученого И. С. Шкловского, который утверждал, что при современных нравах, царящих в Академии, самым удивительным кажется присутствие в составе Академии небольшого числа, но все же первоклассных ученых и организаторов науки.

— Действительно, очень трудно оставаться оптимистом, зная, что и как происходит в Академии наук, да и в других академиях... Ведь зачастую именно поэтому попытки вырваться на подобающие такому государству, как Советский Союз, позиции в мировой науке оказываются тщетными.

Эра Лысенко закончилась четверть века тому назад. Казалось бы, за это время отечественная генетика могла бы не только восстановить свою былую славу, но и лидировать? Этого не произошло. И не могло произойти. Хотя до сих пор я нигде не встретил — ни в научной, ни в массовой печати ответа на вопрос — почему.

— А вы могли бы ответить на этот вопрос?

— Честно говоря, я не только мог бы — я давно ждал случая сказать правду о послелысенковской генетике.

В любой отрасли науки, в том числе в биологии, должно всегда развиваться несколько направлений. В этом залог успешного развития науки. Как только появляется поддержка одного направления, как только один ученый становится вне критики, получает полноту власти, тут же возникает перекос, зажим других научных направлений, что в целом сказывается на исследованиях губительно. Вот почему монополизм в науке столь страшен — он ведет к неизбежной деградации.

Первой книгой, посвященной истории генетики, оказалась выпущенная в 1973 году в Политиздате автобиография Николая Петровича Дубинина «Вечное движение». Книга вышла и вторым изданием. И я понял, почему Политиздат так расщедрился. Ведь когда убирали Хрущева, Суслов обвинил его в поддержке, оказанной Лысенко. Без этой поддержки Лысенко был бы бессилен.

В книге академика Дубинина история с Лысенко была показана так, что и винить-то, в сущности, было некого. В ней нигде, ни на одной странице вы не найдете слов о самом главном — о мошенничестве и фальсификациях. Такое ощущение, что Лысенко искренне заблуждался. Да еще и некий реверанс — мол-де, Трофим Денисович даже не присваивал себе чужие работы, что другие ученые делали без зазрения совести. Борьба Лысенко с генетиками — вроде как научный спор. Это был прекрасный подарок Суслову, которого при моей постановке вопроса могли бы и лично спросить: «А где же вы сами-то были?» Так начался новый этап отечественной генетики. Место лидера в ней отдали Николаю Петровичу Дубинину.

— Но ведь в то время Николай Петрович Дубинин развернул очень активную деятельность по разоблачению Лысенко?

— Да. Это потом он не выдержал испытания славой, испытания единовластием.

Что же произошло? Ведь посмотрите — к 1964 году у нас было два десятка ученых-генетиков мирового класса: Владимир Владимирович Сахаров, который, работая доцентом на фармакологическом факультете медицинского института, сумел «контрабандно» подготовить там десятки хороших генетиков. Был первоклассный ученый Антон Романович Жебрак. Был имевший два открытия мирового ранга Николай Николаевич Соколов. Была Александра Алексеевна Прокофьева-Бельговская. Зоя Софроньевна Никоро. Иосиф Абрамович Раппопорт, бесстрашно бросившии вызов лысенковщине на сессии ВАСХНИЛ 1948 года. Все эти ученые могли бы создать каждый свое направление в безграничной области генетических исследований.

В 1966 году Николай Петрович Дубинин стал директором Института общей генетики АН СССР. Казалось бы, именно здесь должны были бы быть сосре-

, А НЕ АВТОРИТАРНОСТЬ

страшно — программа эта в значительной степени воплощена в жизнь. Старые, седые кабинетные ученые практически вывелись. А вместе с ними исчезли заодно и те отличительные черты, носителями которых эти «пугала» являлись, о которых «материалист» Токин, вероятно, даже не думал. Как это ни горько, из научной среды стали исчезать уважение к личности, чувство собственного достоинства, сомнение в собственной правоте и внимательное отношение к оппоненту, бескорыстие, осознание себя прежде всего слугой науки, стремление отдать все силы, всю жизнь одной цели — постижению истины...

Бориса Токина и его товарищей-материалистов не устраивала «буржуазная» и даже «социал-демократическая» (да-да!) биология. Самым страшным злом казался тогда индивидуализм в науке! Ученому возбранялось работать вне коллектива. Нужен коллективный план. Никакой самодеятельности — только подотчетно, подконтрольно. И ни в коем случае никакой конкуренции! Старые «индивидуалистические» формы научной работы, которые «всего-то» и смогли к тому времени вывести отечественную науку на передовые позиции даже по сравнению с «добропорядочными буржуазными государствами», провозглашались тормозом, сдерживающим новую, социалистическую

доточены все крупные генетики. Но этого не произошло.

То поколение генетиков почти не создало своих школ, я думаю, потому, что Дубинин сумел все возрождение генетики монополизировать! Вот профессор Лопашов высказывается на страницах «Литературной газеты»: «Думаете, главное в лысенковщине — неверные научные представления? Если бы. Они вполне устранимы. Главное — стремление любыми путями захватить власть, командные высоты в науке...» Дубинин стал захватывать власть. Безусловно, он блестящий лектор и талантливый ученый, безусловно, одаренный человек, безусловно, умеющий разговаривать с начальством на понятном начальству языке, но безгранично честолюбивый.

И система управления наукой оказалась очень удобной для того, чтобы Николай Петрович достиг самых высоких командных постов в отечественной генетике, монополизировав ее.

Основной прием отстранения других крупных ученых был до смешного прост: в созданном Институте общей генетики произошло такое распределение штатов и аспирантов, в результате чего гвардии генетики Сахаров, Соколов, Сидоров, Бельговский и многие другие прекрасные ученые, замечательные организаторы, потенциальные

Академик Т. Д. Лысенко: «Настоящий расцвет науки возможен только в стране социализма, где научная работа следует указаниям великого Сталина. Мы обязаны впитать в себя сталинские методы работы».

Фото Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА

руководители лабораторий и отделов получили по 1—2 лаборанта, а сотни научных сотрудников и более тридцати аспирантов были записаны лично за Дубининым. Он большей частью отдал их в распоряжение довольно пробивных молодых людей, которые принялись разрабатывать банальнейшие темы.

В это время генетическая общественность стала ходатайствовать о присуждении докторских степеней упомянутым мною генетикам-первопризывникам по совокупности печатных работ. Николай Петрович сопротивлялся справедливому решению. Уговаривать Дубинина пришлось даже бывшему лысенковцу Столетову, тогдашнему министру высшего и среднего образования...

— Владимир Павлович, но почему решение о присуждении докторской степени зависело от Дубинина?

— Да потому, что он был тогда единственным членом-корреспондентом АН СССР по генетике и председателем ученого совета, имевшего право присуждать докторские степени по генетике! Это, кстати, прекрасный рычаг, при помощи которого можно управлять своими подчиненными, и не только ими. Это — все та же монополия?

— Вы сказали, что многие старые генетики не смогли перенести диктата Дубинина...

— Да, некоторые перешли работать из Института общей генетики в институт, руководимый Борисом Львовичем Астауровым.

— А вы так никогда и не работали в Институте общей генетики?

— Видите ли, в 1932 году я пришел к мысли о существовании равновесия между мутационным процессом и отбором, а главное — к тому, что на основании этого равновесия можно сделать совершенно неожиданный вывод — определить частоту мутирования у человека.

В декабре 1932 года я был арестован в связи с «раскрытием» небольшой группы — осколка бывшего Общества вольных философов (Вольфил). Три-четыре старых человека вздумали рассказывать юношам о существовании идеалистической философии. Я помню один доклад, в котором доказывалось, что пространство и время — явления имманентные и представляют «вещь в себе». По чистой случайности как-то по дороге в «Ленинку» я забежал в университетскую библиотеку и — то ли в «Сайенс», то ли в «Нэйчер» — прочитал статью Альберта Эйнштейна, в которой как раз вопрос о пространстве и времени анализировался математически. Никакой имманентности не было. Был анализ. И тогда после прослушивания великолепного доклада на этом осколке Вольфила я решил, что на идеалистическую философию меня больше калачом не заманишь. Я перестал посещать кружок, а через три года был арестован именно за посещение этого кружка.

Следствие проходило без избиений, но на сплошном обмане и шантаже. Помню, мне пытались очень настойчиво доказать, что мои убеждения внушил мне либо отец, либо Николай Константинович Кольцов. И поскольку я никаких показаний ни на отца, ни на Кольцова не давал, разыграли сцену, из которой я должен был сделать вывод, что отец мой арестован вторично. Впрочем, это одна тысячная доля того, что мне пришлось наблюдать, сидя во внутренней тюрьме на Лубянке.

А вообще-то, честно говоря, более убедительной школы антисоветизма мне никогда больше проходить не приходилось. При мне прошло несколько «вредительских» процессов, которые строились на пустом месте путем шантажа и обмана.

Особо хочу подчеркнуть, что практически все следователи были настоящими уголовниками, которые без стеснения вписывали в показания подследственного, пользуясь его неимоверной усталостью, все то, что им хотелось. Однако в конце следствия мне заявили, что мои хождения в Вольфил и прочее — мелочь, чепуха и «возрастное явление», что «они не стали бы мной заниматься, если бы я не занял очень вредную позицию в науке». Подразумевался «социал-дарвинизм», признание наличия естественного отбора у человека, имелась в виду евгеника. А евгеника — «служанка фашизма». Доказывать, что никакого фашизма в науке о наследственности человека нет и в помине, было совершенно невозможно.

Но продолжим наш разговор о монополизме, авторитарности в науке. Приведу один, но очень показательный пример. Сотрудник Института цитологии и генетики СО АН СССР Ю. Мирюта сделал открытие огромной важности (того ранга, за который математики и физики человеку любого звания присваивают звание члена-корреспондента или даже академика). Речь шла об особенностях происхождения культурных растений, раскрывавших своеобразие расщепления признаков и повышенный выход урожая. Он отправил статью Дубинину как члену-корреспонденту АН СССР, для представления статьи в Доклады Академии наук, что сразу бы сделало работу известной широкому кругу ученых, поскольку ДАН издаются и на русском, и на английском языках. Но Дубинин работу задержал.

Прошло несколько лет. В Москву впервые после десятилетий разрыва научных связей приехал шведский генетик О. Густафссон. На встречу с ним пришло полтора десятка генетиков. В ходе рассказа Густафссона Дубинин одним вопросом раскрыл перед ним идею Мирюты. Густафссон буквально рухнул на стол и на несколько минут совершенно выключился из разговора. Потом встряхнулся и сказал: «Я этого не делал, но, приехав в Швецию, начну делать».

Меня Николай Петрович Дубинин в свой институт не взял, так как понимал, что управлять мною будет очень трудно. По той же причине он ничего не сделал, чтобы остался в Москве Николай Владимирович Тимофеев-Ресовский, тоже блестящий лектор, первоклассный исследователь и чрезвычайно привлекательная личность...

— То есть в результате и создался тот вакуум, который так ощущается сейчас в генетике?

— Да, это мое глубокое убеждение. Однако и это еще не все. Сама по себе иерархическая структура в науке порождает груду уродливых и вредоноснейших явлений. Ведь те люди, которые сосредоточивают в своих руках власть,— они же крепко держат множество приводных ремней, а иногда и самых элементарных плеток, коими можно подстегивать и «направлять» деятельность массы подчиненных им людей. Я не преувеличу, если скажу, что в нашей науке существует почти феодальная зависимость огромной армии хороших, но по титулу рядовых ученых от возвышающихся над ними хозяев, царьков и настоящих царей. Дикость ситуации усугубляется тем, что для рядового сотрудника практически нет никаких путей освободиться от этой зависимости. Если даже в Москве «строптивые» ученые иногда по два-три года ходят без работы, то что происходит в небольших городах, где часто существует лишь один институт, одна лаборатория, в которой разрабатывается то или иное направление? Изгнанный из науки ученый должен уезжать, но куда? А если он и решится бросить свой дом, кто его примет на работу в другом городе? Ведь шеф, с которым произошел конфликт, дает характеристику... А кроме характеристики, в науке существует еще и телефонное право, когда участь ученого решается на уровне начальников первого отдела...

— Владимир Павлович, методы расправы с неугодными или непослушными учеными весьма разнообразны — об этом в последнее время все чаще и чаще пишут...

— Еще бы! В нашей науке лозунг «ты — мне, я — тебе» стал чуть ли не основным! Возвращусь еще ненадолго к академику Дубинину. В его последней книге, посвященной истории отечественной генетики, я прочел следующие строки: «По моему мнению, только три работы современных 50-летних ученых можно признать кандидатами на то, чтобы остаться в истории советской генетики. Первая — обоснование биотехнологии (Ю. А. Овчинников); вторая — разработка принципов экологической генетики как основы адаптивной интенсификации сельского хозяйства (А. А. Жученко); третья — открытие мобильных диспергированных генов (Г. П. Георгиев, В. А. Гвоздев)».

Я хорошо знаком с работами Г. П. Георгиева — это действительно высококачественная наука. Работы школы Ю. А. Овчинникова известны мне мало. Что же касается работ А. А. Жученко, то я потратил несколько дней на изучение его трудов — список его статей в научных изданиях обширен, но они написаны в подавляющем числе случаев в соавторстве, причем меня настораживает соавторство с одними и теми же людьми. Экологическая генетика существовала и существует в мировой науке, а не создана Жученко. Что же касается его рассуждений о филогенезе и онтогенезе, то взаимосвязь филогенеза и онтогенеза показана еще Геккелем. Энергичная реклама его работ и всемерная поддержка Дубининым самого Жученко в его продвижении по иерархической лестнице нашей Академии меня не только не успокаивают, но особенно настораживают... Вспоминается, как в семидесятые годы на очередных выборах на съезд Всесоюзного общества генетиков и селекционеров московские генетики «провалили» Дубинина. Он все же был выбран на съезд — но молдавскими генетиками, то есть при помощи... А. А. Жученко.

— Ситуации, возникшей в генетике, пресса уделяла уже много внимания. Но есть ли какой-то путь ее решения?

— Я думаю, что единственный путь — принципиальное изменение всей академической системы. Настало время отказаться от стереотипов, которые сложились за последние четыре-пять десятилетий. Настало время понять, что лидер в той или иной области знаний — это не звание, не должность, это прежде всего нетривиально, нестандартно мыслящий ученый, способный увлечь за собой единомышленников. Настало время отказаться от вассальной зависимости в науке, когда место работы в том или ином институте — это как прописка в том или ином населенном пункте: без разрешения властей ты не смеешь переезжать с места на место. Пора в корне менять сам принцип

оценки научного труда — мы являемся составной частью мирового научного сообщества, и пусть труды наших ученых выходят за границей,— наши зарубежные коллеги в серьезных журналах и издательствах, невзирая ни на какие звания и чины, прекрасно оценивают уровень научных результатов.

— Владимир Павлович, но ведь сейчас в нашей науке началась перестройка, идут процессы демократизации, практикуются выборы директоров институтов, членов ученого совета... Может быть, эти первые шаги в конце концов благотворно повлияют на всю систему в целом?

— Все то, о чем вы говорите, в какой-то мере дает надежду... Однако я боюсь, что еще жива застарелая и скомпрометировавшая себя система продвижения на высшие этажи власти, когда выдвижение, обсуждение и рекомендации тех или иных кандидатов идут как бы двумя путями: один путь — когда за человеком стоит только его научный труд, его вклад в ту или иную область знания, и другой — когда за ним поддержка высокопоставленных академиков, парторганизации, администрации, чиновничьего аппарата, по-прежнему всемогущего и очень сплоченного.

Я очень хорошо помню, как в 1964 году произошла история с лысенковцем Н. И. Нуждиным — его тогда Отделение общей биологии избрало академиком. Но на общем собрании за него голосовало лишь двадцать процентов действительных членов. Н. С. Хрущев был разгневан. Именно тогда он сказал свои убийственные слова: «Нам не нужна Академия, которая не подчиняется решениям ЦК!» Тогда же у Никиты Сергеевича появился план слить Академию наук СССР с ВАСХНИЛ. Многие помнят ту волну жесточайших проверок и комиссий, которая прокатилась по всем биологическим институтам Академии...

Сначала, чтобы получить хоть мало-мальскую независимость для себя и своей школы, человек тратит колоссальные силы, чтобы стать академиком,— и чего это часто стоит, вам может рассказать почти каждый, прошедший через «кухню» выборов. А потом все по той же причине — ученики, школа — соглашаются или по крайней мере не протестуют против несправедливости. А в результате теряется самое главное — чистая совесть, чувство собственного достоинства. Все же нам нельзя забывать, что никакая благая цель не оправдывает дурные средства. И, пойдя на компромисс с собственной совестью, нам будет стыдно потом смотреть в глаза наших учеников.

Нередко даже оставаться просто порядочным человеком — трудно. Порядочность высоко «ценится», платить за нее приходится слишком дорого. Но я убежден, что порядочность — это основное свойство человека, выкованное спецификой естественного отбора.

Я вижу, что в настоящее время (может быть, как никогда раньше) решающей силой, определяющей мощь и безопасность нации, становится интеллигенция — то есть как раз та часть нашего народа, которая всегда поднимала этику, нравственность и мораль на самый высокий уровень. Прежде всего каждому следует решить вопрос: или я — за себя, или я — за других. Если я за других, то мне предстоит нелегкая жизнь. С бесчисленными разочарованиями, обидами, несправедливостями. Но выбор надо сделать... В конце концов от этого зависит, сдвинемся ли мы с мертвой точки.

Я старый человек. Я даже не боюсь говорить правду. Может быть, это вообще самая главная цель для нашего общества — сделать так, чтобы никто не боялся говорить правду.

ПРОШУ СЛОВА!

ЧТО ЗА ВЗЯТКОЙ?

РАЗМЫШЛЕНИЯ ВРАЧА

Хочу сказать о мздоимстве в медицине, заранее понимая, что касаюсь сложной морально-этической темы. Недавно мне пришлось бывать довольно часто в клинике, в которой лежал мой друг, предстояла серьезная операция. Так вот, люди, находившиеся рядом с ним в палате, четко знали, кому из врачей доверить свою жизнь. Беспроволочный телеграф работает среди пациентов с исключительной точностью и почти всегда объективен. Как хитроумны и изощренны были их планы отблагодарить того, кто умеет лечить! Изменилась и психология дающего: «Не берет, значит, не уверен в своих знаниях...»

Проблема благодарности врачу значительно глубже и разносторонней, чем нам кажется. Командно-административным методом ее не разрешить.

В связи с этим хочу поделиться одной «крамольной» мыслью. Почему не организовать в медицинском учреждении кассу, куда после лечения каждый желающий мог бы сдать для конкретного медика любую сумму? Кстати, это может сделать и предприятие, рабочие и служащие которого остались довольны лечением. 80 или 70 процентов из поступающих сумм могло бы идти конкретным врачам, а 30 или 20 процентов — в фонд медицинского учреждения.

Сегодня в некоторых регионах страны проходит эксперимент, заключающийся в том, что поликлиника платит стационарам за лечение прикрепленных к ней пациентов. Что ж, время покажет, оправдает ли он себя или нет. Однако уже сейчас возникает вопрос: почему медики должны платить медикам? Не разумнее ли это делать тем предприятиям и учреждениям, работники которых проходят лечение в поликлиниках и больницах, в научно-практических центрах?

В свое время в больнице Черноморского пароходства мне показали счет, выданный в связи с лечением по поводу травмы нашего моряка в зарубежной клинике. В нем было учтено буквально все — от вызова перевозочной машины до числа швов и салфеток при перевязках. Все это имеет цену и у нас. Ведь любой автолюбитель знает, сколько стоит, к примеру, бензонасос или распредвал. Однако ни больному, ни его родственникам, ни учреждению или предприятию, на котором он работает, неизвестно, в какую сумму обходятся больнице операция, медикаменты или консервативное лечение тяжелых заболеваний. А стоят они довольно дорого, и не всегда есть возможность уложиться в рамки выделяемых ныне финансовых отчислений.

Мы, медики, знаем, что выделяемые сегодня для здравоохранения средства недостаточны. Где же взять дополнительные? Думаю, что сегодня у учреждений, предприятий и ведомств есть крепкая материальная база, чтобы помочь здравоохранению, а в его лице своим работникам. Видимо, им необходимо перечислять часть прибыли в фонд здравоохранения, который находился бы в ведении профсоюзов. Уверен, что администрация и профсоюзная организация предприятий кровно заинтересованы в качественном лечении и скорейшем выздоровлении своих сотрудников. Здравоохранение должно в основном авансировать лечение, а затем выставлять счет, который бы оплатила заинтересованная организация. Это значительно дисциплинировало бы и медиков, и пациентов.

Несколько слов об инициативе. К сожалению, сегодня она пока что наказуема. Но смог же главврач городской клинической больницы № 24 В. Б. Александров добиться того, что ведущие предприятия Свердловского района столицы стали заинтересованы в его высококвалифицированном коллективе. Совет директоров этих предприятий проводит свои совещания прямо в больнице, и многие проблемы, которые для других медицинских учреждений являются порой неразрешимыми, здесь быстро воплощаются в жизнь. Да, инициатива и еще раз инициатива без мелочной опеки — вот что должно стать основным в перестройке здравоохранения.

Видимо, настало время для принятия Закона о медицинском учреждении, подобного Закону о государственном предприятии, который мог бы стать действительно поворотным этапом для нашего здравоохранения. Ведь смогли же это сделать, правда, в единичном варианте, в МНТК «Микрохирургия глаза», где основным показателем деятельности является хозрасчет. От качества и интенсивности каждого члена бригады зависит доход всего учреждения и соответственно заработная плата всех участников лечебного процесса.

Хотел бы отметить, что ни главный врач (особенно современной многопрофильной больницы), ни ее общественные организации не в силах оценить работу конкретного медика. Это возможно лишь в небольшом коллективе отделения. Здесь точно известно, что конкретно может тот или иной специалист. Ни степень, ни стаж, ни категория не смогут стать щитом в случае отсутствия мастерства и таланта.

Мы сетуем на то, что в практическом здравоохранении не хватает врачей, не заполнены имеющиеся штатные единицы. Но если убрать «потолок», соединяющий пенсию и зарплату большой армии трудоспособных высококвалифицированных специалистов, то этот вопрос будет попросту снят с повестки дня.

Улучшение практического здравоохранения — это проблема, касающаяся не только Минздрава СССР, АМН и АН СССР, но и всех министерств и ведомств, каждого партийного и советского работника. К великому сожалению, в столицах некоторых республик при довольно неприглядном состоянии медицинских учреждений выросли облицованные мрамором, оснащенные по последнему слову медицинской техники, обеспеченные дефицитными лекарствами спецполиклиники и больницы. А ведь финансируются они из фондов Минздрава. Уверен, что если бы руководящие работники лечились в поликлиниках и больницах своих здравотделов, то дело от этого выиграло бы значительно.

И. БАРАХ,
кандидат медицинских наук
Москва

Фото Марка ШТЕЙНБОКА

ФОТОВЕРНИСАЖ

Земля у нас одна

Фото Бориса МИХАЛЕВКИНА

Деревенская свадьба ●

После баньки ●

Первое утро ●

День Победы ●

«Экзерсис» ●

Литейщик опытного литейно-механического завода Элдур Миттус и его товарищи давно ждут, когда начнется реконструкция предприятия, но только сейчас благодаря коммерческому банку появилась реальная возможность найти деньги для сооружения литейного цеха.

Решение принимает совет банка.

Пайщики получают деньги.

ПЕРЕСТРОЙКА: ПРОВЕРКА ДЕЛОМ

СВОЙ БАНК

Димитрий КЛЕНСКИЙ, собственный корреспондент «Огонька»
Сергей ПЕТРУХИН (фото)

ПЕРВЫХ КЛИЕНТОВ ОБСЛУЖИЛ ТАРТУСКИЙ КОММЕРЧЕСКИЙ БАНК, ЕДИНСТВЕННЫЙ ПОКА ИЗ ДЕЙСТВУЮЩИХ В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ.
ВЫПУСТИЛО АКЦИИ КРЕДИТНО-РАСЧЕТНОЕ ОБЩЕСТВО ГОССТРОЯ ЭСТОНСКОЙ ССР.
В ОБИХОД ХОЗЯЙСТВЕННИКОВ, СОВЕТСКИХ ЛЮДЕЙ ВОЗВРАЩАЮТСЯ НИКЧЕМНЫЕ С ТРИДЦАТЫХ ГОДОВ ПОНЯТИЯ «АКЦИЯ», «ВЕКСЕЛЬ», «ДИВИДЕНДЫ», «ФАКТОРИНГ»...

Монополия душит развитие. Как и в хирургии, при операции по совершенствованию экономики понадобились свежая кровь и надежное сердце, которое выдюжит это нелегкое испытание. Надо было срочно децентрализовать кредитно-финансовое хозяйство, раскрепостить банковское дело.

Еще в семидесятые годы меня поразил впервые услышанный тогда факт «ареста» денег на счету сильного эстонского совхоза имени Пяльсона. Его директор Вальтер Лехтла только руками разводил: «Пять миллионов в банке имеем, а распорядиться ими не можем — не выделяют наверху лимиты: «Не вам одним развиваться!» Мало того, наши же кровные рубли прогоревшим хозяйствам отдавали: «Не вам одним жить!» Не экономика, а собес».

Помнит такие времена и председатель совета Тартуского банка, или, как его в обиходе кличут, «президент», Олари Таал.

— Банк душил нашу смекалку,— поясняет он,— хуже того, банк стал выполнять у нас в стране роль милиции в экономике, он стал всемогущим контролером-ревизором, способным запретить что угодно — «пущать — не пущать». А мне нужен партнер.

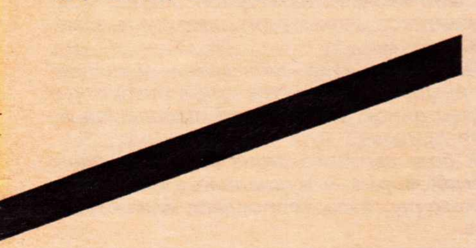
И, действительно, многие пайщики нового Тартуского коммерческого банка заявляли, не сговариваясь, о том же: «у нас не банк был, а касса взаимопомощи», «ощущение, что ползаешь в ногах, выпрашивая самую малость», «банк

должен подставлять нам свое плечо».

Ссуда потеряла стимулирующее значение в развитии производства, деловой активности. Кредитование превратилось в бесплатное финансирование. С годами мышление банковского работника стало стереотипным — он исполнял все пункты инструкций, наказывая любую деловую активность. Банк как экономический институт переставал существовать.

— Потому и мечтали мы о «своем» банке, который для нас и помощник, и советчик,— рассказывает Олари Таал.— Первое, он взял бы на себя, разумеется, за плату, все хлопоты по оформлению наших счетов с клиентами и другими банками. Второе — «мой» банк выделит деньги не по замшелой инструкции, а как конъюнктура рыночная диктует: надо срочно деньги занять? — пожалуйста, пусть даже с высоким процентом. Эстонцы говорят, что ложка нужна, пока суп горячий.

Банковская реформа назревала, жизнь заставляла, напирала со всех сторон. Ускорение оборачиваемости денег, так же, как и вагонов на железной

дороге, способно при той же денежной массе увеличивать их отдачу. Но для этого нужно было изменить хозяйственный механизм.

Вместо действующих повсюду отделений Госбанка и Стройбанка СССР создали Промстройбанк, Агропромбанк, Жилсоцбанк, Сбербанк, Внешэкономбанк. Теперь на Госбанк возложено лишь общее руководство остальными, фактически своими «дочерними фирмами». Одновременно предполагалось, что по городам и районам обслуживание предприятий и организаций будет комплексное и в одном банке. Но...

Преобразования осуществили без ведома не только местных властей. В детали реформы не были посвящены даже служащие банковских учреждений. Их мнением стали интересоваться тогда, когда прежняя структура была напрочь сломана, а новая не сработала.

Реорганизация скомпрометированной в годы застоя банковской системы осуществлялась в лучших традициях застойного мышления. Отсюда и половинчатость, и противоречивость каждого конкретного шага реформаторов.

До реформы банками в республике верховодили около десяти начальников. Теперь их в два раза больше. Понять можно, банков-то стало больше! Все так, но если бы их специализация проявила хоть какое-то оживление в финансировании и кредитовании! Этого как раз и не произошло. Зато кабинетов прибавилось.

Многие высшего ранга функционеры утверждают, что банки стали доступнее, уменьшился и документооборот. Но это как посмотреть. На республиканском уровне банковского бумаготворчества поубавилось, на местах сократили штаты. Но, спрашивается, что дало ведомственное новшество Тартускому горисполкому? Для финансирования капитальных вложений ему теперь приходится открывать почти двадцать отдельных счетов по каждой отрасли — торговле, здравоохранению, культуре и так далее. Хотя самому исполкому сверху спускается лишь общая сумма капвложений. Для учета новых документов исполком создал дополнительную должность. А сколько таких исполкомов по стране наберется!

Или разве не чехарда получилась от замены в районных центрах отделений Госбанка на филиалы Агропромбанка? Теперь они посылают в столицу республики четыре отдельных отчета в конторы новых, специализированных банков, чьих клиентов в Тарту обслуживает местное отделение Агропромбанка. Госбанк, Промстройбанк, Жилсоцбанк, в свою очередь, спускают ценные указания и строгие предписания. То есть чужие начальники фактически контролируют деятельность этого несчастного районного отделения Агропромбанка. Такова же участь тартуского отделения Жилсоцбанка. «Все смешалось в доме Гаретовского»,— шутят остряки, имея в виду председателя Совета банков СССР.

В Тарту же создан банк, работающий на хозрасчете и самофинансировании. Вытолкнула его на свет божий именно неудача — нет худа без добра — с банковской реформой. Есть еще одно обстоятельство. В этом городке действует старинный университет. Он определяет всю жизнь Тарту. Но духовность его не согласуется с провинциальным обликом. Безнадежно отстала инфраструктура. Второй по величине город республики оказался на последнем месте по обеспеченности благоустроенным жильем, местами в гостиницах, по телефонизации, качеству дорог и даже озеленению. Это бьет по самолюбию жителей. Чтобы изменить ситуацию, нужны крупные капвложения. А ведь есть деньги, и немалые, только надо их пустить в оборот.

Нетерпение было столь велико, что не стали ждать постановления правительства о выпуске акций и других ценных бумаг на фабрике Гознака. Решили ограничиться денежными взносами. Пятьдесят тысяч рублей — размер одного пая. Каждый дает право на один голос. Число взносов, составляющих уставный фонд, ограничено: ни один пайщик не может иметь более пяти голосов. Это исключает чью-либо монополию, чтобы никто не диктовал своей воли остальным, в прямом смысле, не скупив большинства голосов. Например, колхоз «Ыйтсенг» внес два миллиона рублей, но получил столько же голосов, сколько другие, внесшие в уставный фонд по четверти миллиона. Демократия этим не ограничивается. Все услуги оказываются только на договорной основе — исключается навязывание воли, давление на клиентов. Все решения принимаются в правлении и совете банка большинством голосов, а при их равенстве мнение председателя считается решающим. Годовой баланс и отчет о прибылях-убытках подлежат по уставу публикации в печати. Внеочередные ревизии проводятся по требованию пайщиков, владеющих хотя бы десятой частью всех акций банка.

Планы разносторонние. Председатель правления Антс Веэтыусме возглавлял до прихода на новую должность тартуское отделение Жилсоцбанка, считается опытным и деятельным финансистом — неохотно его отпускали. Антс Михкелевич — оптимист. Так увлеченно он рисовал перспективы, будто наяву все происходит. Изучается возможность выпуска своего информационно-рекламного издания, что-то вроде «Биржевых ведомостей». Анализируются возможности сотрудничества с банками нашей страны и за рубежом. Контакты налажены с коллегами от Риги до Алма-Аты, а также с банками ФРГ, Италии, Югославии и Швеции.

В Тарту собираются вкладывать собственные средства в хозяйственную деятельность предприятий и кооперативов и продавать их акции. Продумано, как перейти на операции с ценными бумагами, что в условиях создания рынка акций в республике позволит вести дела более гибко. Сумели отстоять и право на использование векселей. Эта забытая форма денежного обязательства облегчает жизнь клиентов, оказавшихся на мели или в другой сложной ситуации. Выгоду имеет тут и банк, который за проценты может выкупить у кредитора вексель должника, применить оплату векселем третьему лицу. А еще вводятся чеки, аккредитивы...

— Настоящий банк, а наш видится таковым,— уверенно говорил советский банкир Антс Веэтыусме,— располагает огромными возможностями в оказании услуг клиентам и честно заработать на этом. Мы уже применяем операцию с таким загадочным названием, как взятие риска. Представьте (и особенно это вероятно у сельскохозяйственных производителей, например, фермеров), клиент хочет затеять рисковое дело и рассчитывает все же на минимальную гарантированную прибыль. Наши эксперты взвешивают доводы и могут ударить по рукам, дав добро на кредит. Эту минимальную прибыль мы выплатим при любом исходе, но если она оказалась выше условленной нормы, то навар — наш.

И таких вариантов предостаточно. Банк может представлять интересы клиентов в финансовых и хозяйственных органах, во внешнеэкономической деятельности, оказывать посредничество, давать консультации, осуществлять кредитное и расчетное обслуживание предприятий, кооперативов и граждан, а еще — приобретение на условиях аренды оборудования и транспорта или анализ финансовой деятельности, рекомендации по ее улучшению.

Банк заработал на всю катушку. Хотя своих помещений еще нет. С их арендой проблем особых не существует — персонал-то небольшой, значительно меньше, чем предусматривалось бы по штатному расписанию в том же Жилсоцбанке. В новом дармоеды не нужны. Зато подобраны лучшие специалисты — зарабатывают они значительно больше, чем прежде. Сегодня насчитывается 126 пайщиков, открыты два филиала в других районах Эстонии. Среди учредителей «своего» банка — почти полсотни предприятий и организаций. Среди них — Госстрах, Сбербанк, университет, театр, горисполком, колхозы и совхозы, заводы и кооперативы. Мобилизация их свободных средств позволит кредитовать те организации, которые в первую очередь — это цель создания банка — заинтересованы в оживлении хозяйственной жизни и решении «узких» мест в социальной сфере региона — медицине, образовании, организации досуга...

Но все это стало возможным не со дня утверждения Устава банка в Москве, не с устроенного по этому поводу городского бала. Нет, самым памятным событием для председателя правления стало официальное признание самостоятельности, когда банку присвоили свой номер счета межфилиального оборота: МФО 806022.

На вкладах числится сейчас около пятнадцати миллионов рублей. Первым, кто обратился за займом, оказался совхоз «Хайба». По его территории согласно международному проекту «Балтиклинк» будет проложена автострада Хельсинки — Рига — Варшава, а на 37-м километре от Таллинна предусмотрен мотель. Вот и зашевелились в хозяйстве, предвкушая солидные барыши. Дело стояло только за ссудой. Раньше ни один банк ее не дал бы. Тартуский, коммерческий — с ходу. Деловая активность уже пробуждается от долгой спячки застоя.

Эстонская ССР

УНИЖАЮЩЕЕ НЕДОВЕРИЕ

Были планы, надежды, подбирался коллектив единомышленников, делались соответствующие экономические расчеты по организации кооперативной общеобразовательной школы. Она мыслилась как дополнение к государственной городской школе с 40 классами по 40 учеников в каждом. Планировалось организовать ее по договору с районо, с тем чтобы дополнительно к государственному финансированию из расчета 300 рублей в год на ученика привлечь средства родителей в размере еще 300 рублей в год. Возросший таким образом в два раза объем финансирования школы позволил бы сократить количество учеников в классе, укрепить материальную базу, повысить оплату учителей. А самое главное, кооперативный статус школы, уверен, раскрепостил бы учебно-воспитательный процесс. В конечном счете все это дало бы возможность на деле осуществить индивидуальный подход в обучении, значительно улучшить общеобразовательную подготовку учащихся. Предварительная агитационная работа показала, что родителей, желающих обучать своих детей в такой школе, достаточно много.

Думалось, что вслед за первой кооперативной школой возникнут и другие и таким образом будет подорвана государственно-бюрократическая монополия на одну из важнейших сфер человеческой деятельности, духовно-воспитательную. Но все это оказалось, увы, мечтой кучки городских интеллигентов.

Под новый, 1989 год вышло постановление Совета Министров СССР, в котором черным по белому дан перечень видов деятельности, которыми не вправе заниматься кооперативы. Наряду с видами деятельности, которыми, безусловно, должны заниматься только государственные органы (изготовление оружия, наркотиков, винно-водочных изделий и пр.), в перечень запрещенных для кооперативов незаслуженно попали: организация общеобразовательных школ, издательская деятельность по выпуску произведений науки, литературы и искусства, производство кино- и видеопродукции и ряд других. Выходит, в кооперативах можно работать торговцам, поварам, портным и людям других профессий обслуживающего и технического труда, а части интеллигенции страны оказано унижающее ее недоверие.

Что ж, остается надеяться, что это еще одна досадная ошибка (типа ограничения подписки, мер по борьбе с пьянством и др.) в ходе революционного процесса перестройки.

В. БУШ,
доцент, кандидат экономических наук
Волгоград

Мих. ЗОЩЕНКО

РАНН
РАС

В 1929 году Госиздат — через посредство К. И. Чуковского — предложил Михаилу Зощенко издать трехтомное собрание его рассказов. Передавая Зощенко это в высшей степени лестное предложение издательства, Чуковский не сомневался, что тот будет не только польщен, но и от души обрадован: издание трехтомника — это ведь не только признание заслуг писателя перед литературой, это еще и немалая материальная выгода. А какой писатель не дорожит возможностью получить хороший гонорар! Помимо чисто житейских радостей, это ведь еще и возможность спокойно работать, не размениваясь на мелочи, на обязательную литературную поденщину. Благословенная и столь редко достижимая возможность писать для себя, для души,— так, как хочется, не думая о заработке, о хлебе насущном.

Короче говоря, Чуковский имел все основания полагать, что Зощенко, узнав, какой он приготовил ему нынче сюрприз, будет счастлив. Но Зощенко не только не выразил по этому поводу никакого восторга, но даже не проявил ни малейшей заинтересованности. Он сказал:

— Это мне не любопытно. Получишь пятнадцать тысяч и разленишься, ничего делать не захочешь. Писать бросишь. Да и не хочется мне в красивых коленкоровых переплетах выходить. Я еще хочу года два на воле погулять — с диким читателем дело иметь.

Кто же он такой — этот дикий читатель, контакт с которым был ему дороже и денег, и почета, и красивых коленкоровых переплетов?

На этот вопрос Зощенко ответил книгой «Письма к писателю», в которой он собрал и опубликовал читательские письма, полученные им в разное время. В предисловии к этой книге он писал:

«Здесь, так сказать, дыхание нашей жизни. Дыхание тех людей, которых мы, писатели, стараемся изобразить в так называемых «художественных» произведениях... Здесь, в этой книге, можно видеть настоящую трагедию, незаурядный ум, наивное добродушие, жалкий лепет, глупость, энтузиазм, мещанство, жульничество и ужасающую неграмотность».

Имя Зощенко обычно связывают с определенной стилевой манерой, с неповторимым зощенковским языком. О языке Зощенко уже в 20-е годы писались специальные статьи и исследования. Некоторые словесные обороты, придуманные Михаилом Зощенко, давно уже воспринимаются нами не как цитаты, а как существовавшие в нашем языке всегда, как бы принадлежащие самому языку. («Старушка — божий одуванчик».) Самое имя Зощенко стало нарицательным. До сих пор, услышав особенно колоритную малограмотную фразу какого-нибудь незадачливого оратора, мы говорим: «Чистый Зощенко!»

Для чего же понадобилась писателю эта языковая «маска»?

Критика отвечала на этот вопрос однозначно: чтобы как можно резче, выразительнее разоблачить своего героя. Критика воспринимала Зощенко как сатирика. Его «мелкая журнальная юмористика» рассматривалась как своего рода коллекция казусов, курьезов. Его персонажи воспринимались как некое сборище монстров.

Но сам Зощенко глядел на это иначе. Он говорил, что эта самая «маска» понадобилась ему совсем для другой цели. «...Мне хочется,— объяснил он,— передать нужный мне тип, тип, который почти что не фигурировал раньше в русской литературе».

Создание этого типа было главным художественным открытием Михаила Зощенко. И самое поразительное, что вопреки единодушному мнению критики, в основе изображения этого нового художественного типа у Зощенко было не глумление, не сатирический, разоблачительный пафос, а сочувствие. Чаще всего этот самый зощенковский герой предстает перед нами как фигура страдательная. «У меня,— писал Зощенко в предисловии к «Письмам к писателю»,— не было, конечно, ни малейшего желания поиздеваться над неграмотностью моих читателей. Я не ради смеха собрал эту книгу. Я эту книгу собрал для того, чтобы показать подлинную и неприкрытую жизнь, подлинных живых людей с их желаниями, вкусом, мыслями».

Прочитав один, другой рассказ Зощенко, мы смеемся. Но по мере того как все эти «мелкие» юмористические рассказы складываются в нашем сознании в некую единую и цельную картину жизни, совсем иное чувство овладевает нами. Происходит нечто очень похожее на ту реакцию, которую вызвало у Пушкина чтение ему Гоголем «Мертвых душ».

«Когда я начал читать... первые главы,— вспоминал Гоголь,— то Пушкин, который всегда смеялся при моем чтении (он же был охотник до смеха), начал понемногу становиться все сумрачней, сумрачней, а наконец сделался совершенно мрачен. Когда же чтенье кончилось, он произнес голосом тоски: «Боже, как грустна наша Россия!»

Пухлые романы, сочиненные писателями, которым критики дружно прочили славу «красных Толстых» и «красных Тургеневых», давным-давно пылятся на полках библиотек. А «мелкая журнальная юмористика» Михаила Зощенко, обращенная к «дикому», далекому от литературы читателю, с которым он предпочел тогда «гулять на воле», сегодня по праву воспринимается нами как одно из высших художественных достижений русской прозы XX века.

Эти рассказы, написанные более полувека тому назад, не просто «выдержали испытание временем». Воспринимавшиеся тогда как бытовые фельетоны, написанные по частным, конкретным поводам, сегодня они обрели символический и даже провидческий смысл.

Относительно моей литературной работы сейчас среди критиков происходит некоторое замешательство.

Критики не знают, куда собственно меня причалить — к высокой литературе или к литературе мелкой, недостойной, быть может, просвещенного внимания критики.

А так как большая часть моих вещей сделаны в неуважаемой форме — журнального фельетона и коротенького рассказа, то и судьба моя обычно предрешена.

Обо мне критики обычно говорят как о юмористе, о писателе, который смешит и который ради самого смеха согласен сделать черт знает что из родного русского языка.

Это, конечно, не так.

Если я искажаю иногда язык, то условно, поскольку мне хочется передать нужный мне тип, тип, который почти что не фигурировал раньше в русской литературе.

А относительно мелкой литературы я не протестую. Еще неизвестно, что значит сейчас мелкая литература.

Вот в литературе существует так называемый «социальный заказ». Предполагаю, что заказ этот в настоящее время сделан неверно.

Есть мнение, что сейчас заказан красный Лев Толстой.

Видимо, заказ этот сделан каким-нибудь неосторожным издательством. Ибо вся жизнь, обще-

ИЕ СКАЗЫ

О СЕБЕ, О КРИТИКАХ И О СВОЕЙ РАБОТЕ

ственность и все окружение, в котором живет сейчас писатель, заказывают, конечно же, не красного Льва Толстого. И если говорить о заказе, то заказана вещь в той неуважаемой, мелкой форме, с которой, по крайней мере раньше, связывались самые плохие литературные традиции.

Я взял подряд на этот заказ.

Я предполагаю, что не ошибся.

В высокую литературу я не собираюсь лезть. В высокой литературе и так достаточно писателей.

Но когда критики, а это бывает часто, делят мою работу на две части: вот, дескать, мои повести — это действительно высокая литература, а вот это мелкие рассказики — журнальная юмористика, сатирикон, собачья ерунда, это не верно.

И повести, и мелкие рассказы я пишу одной и той же рукой. И у меня нет такого тонкого подразделения; вот, дескать, сейчас я напишу собачью ерунду, а вот повесть для потомства.

Правда, по внешней форме, повесть моя ближе подходит к образцам так называемой высокой литературы. В ней, я бы сказал, больше литературных традиций, чем в моем юмористическом рассказе. Но качественность их, лично для меня, одинакова.

А дело в том, что в повестях («Сентиментальные повести») я беру человека исключительно интеллигентного. В мелких же рассказах я пишу о человеке более простом. И само задание, сама тема и типы диктуют мне форму.

Вот отчего, так казалось бы резко, делится моя работа на две части.

Но критика обманута внешними признаками.

А беда вся в том, что особенно последние два года, в силу некоторой усталости, отчаянной хандры и еженедельной обязательной работы, я ухитрился написать много плохих мелких вещей, которые на самом деле не поднимаются выше обычного журнального рассказа. Это еще больше сбивает критиков, которые с большой охотой и чтоб впредь не возиться со мной, загоняют меня чуть не в репортеры.

Но я опять-таки не протестую.

Я только хочу сделать одно признание. Может быть, оно покажется странным и неожиданным. Дело в том, что я — пролетарский писатель. Вернее, я пародирую своими вещами того воображаемого, но подлинного пролетарского писателя, который существовал бы в теперешних условиях жизни и в теперешней среде. Конечно, такого писателя не может существовать, по крайней мере, сейчас. А когда будет существовать, то его общественность, его среда значительно повысятся во всех отношениях.

Я только пародирую. Я временно замещаю пролетарского писателя. Оттого темы моих рассказов проникнуты наивной философией, которая как раз по плечу моим читателям.

В больших вещах я опять-таки пародирую неуклюжий, громоздкий (карамзиновский стиль) современного красного Льва Толстого или Рабиндраната Тагора, и сантиментальную тему, которая сейчас характерна. Я пародирую теперешнего интеллигентского писателя, которого, может быть, и нет сейчас, но который должен бы существовать, если б он точно выполнял социальный заказ не издательства, а той среды и той общественности, которая сейчас выдвинута на первый план...

Еще я хотел сказать об языке. Мне просто трудно читать сейчас книги большинства современных писателей. Их язык для меня — почти карамзиновский. Их фразы — карамзиновские периоды.

Может быть, какому-нибудь современнику Пушкина так же трудно было читать Карамзина, как сейчас мне читать современного писателя старой литературной школы.

Может быть, единственный человек в русской литературе, который понял это,— Виктор Шкловский.

Он первый порвал старую форму литературного языка. Он укоротил фразу. Он «ввел воздух» в свои статьи. Стало удобно и легко читать.

Я сделал то же самое.

Я пишу очень сжато. Фраза у меня короткая. Доступная бедным.

Может быть, поэтому у меня много читателей.

ПОЛЕТЕЛИ

Девятая объединенная артель кустарей два года собирала деньги на аэроплан.

И в газетах воззвания печатала, и особые красочные плакаты вывешивала, и дружескую провокацию устраивала. И чего-чего только не делала! Одних специальных собраний устроено было не меньше десятка.

А какой был подъем! Какие были мечты! Планы какие! Сколько фантазии и крови было истрачено на одно лишь название аэроплана!

На собраниях председателя артели буквально закидывали вопросами. Кустари главным образом интересовались: будет ли аэроплан принадлежать всецело Добролету, или же он будет являться собственностью артели? И может ли каждый кустарь, внесший некоторую сумму, летать на нем по воздуху?

Председатель, счастливый и возбужденный, говорил охрипшим голосом:

— Товарищи, можно! Конечно, можно! Летайте себе на здоровье... Дайте только вот собрать деньги... Эх, красота! Простор...

— Главное, что на собственном полетим,— восхищались в артели.— На чужом-то, братцы, и лететь как-то неохота. Скучно на чужом лететь...

— Да уж какое там летанье на чужом,— подтверждали кустари.— На своем, братцы, и смерть красна.

Председатель обрывал отдельные восхищенные выкрики и просил организованно выражать свои чувства.

И все кустари, восхищенные новой идеей и возможностью летать по воздуху, наперерыв просили слова, яркими красками расписывали ближайшие возможности и клеймили несмываемым позором малодушных, не внесших еще на аппарат.

Даже секретарь артели, несколько унылый и меланхолический субъект, дважды отравленный газами в царскую войну, на вопрос председателя высказаться по существу, говорил:

— Без аэроплана, товарищи, как без рук. Ну, на чем лететь прикажете? На столе не полетишь. А тут захотел кудалибудь полететь — сел и полетел. Только и делов.

Два года артель с жаром и пылом собирала деньги и на третий год стала подсчитывать собранные капиталы.

Оказалось — семнадцать рублей с небольшими копейками.

На экстренном, чрезвычайном собрании председатель сказал короткую, но сильную речь.

— В рассуждении того,— сказал председатель,— что аэроплан стоит неизмеримо дороже, куда предполагают уважаемые товарищи девать эти вышеуказанные суммы? Передать ли эти суммы Добролету, или есть еще какие предложения? Прошу зафиксировать вопрос путем голосования рук.

Голоса разделились.

Одни предлагали деньги внести в Добролет, другие предлагали купить небольшой, но прочный пропеллер из карельской березы и повесить его на стене клуба над портретами вождей. Третьи советовали закупить некоторое количество бензину и держать его всегда наготове. Четвертые указывали на необходимость произвести ремонт в помещении кухни.

И только несколько человек, из числа малодушных, затребовали деньги назад.

Им было возвращено семь рублей.

Остальные десять рублей с копейками решено было передать в Добролет. Однако казначей распорядился иначе.

В один ненастный осенний вечер казначей артели, Иван Бобриков, проиграл в карты эти деньги.

На экстренном, чрезвычайном собрании было доложено, что собаку-казначея арестуют, имущество конфискуют и вырученные деньги передадут Добролету с отличным письменным пожеланием.

Председатель артели говорил несколько удивленным тоном:

— А на что нам, братцы, собственный аэроплан? В сущности, на кой шут он нам сдался? И куда на нем лететь?

— Да лететь-то действительно как будто и некуда,— соглашались в артели.

— Да я ж и говорю,— подтверждал председатель.— Некуда лететь. Передадим деньги в такую мощную организацию, как Добролет. А собственных аппаратов нам не надо.

— Конечное дело, не надо,— говорили кустари.— Одна мука с этими аэропланами.

— Аэроплан не лошадь,— уныло заявлял секретарь,— на лошадь сел и поехал, а тут поди попробуй. И бензин наливай, и пропеллер закручивай... Да еще не в ту дыру плеснуть бензин — и пропала машина, пропали народные денежки...

— А, главное, лететь-то, братцы, некуда,— с удивлением бормотал председатель.

Закончив вопрос о воздушном флоте и решив деньги передать Добролету, кустари перешли к обсуждению текущих дел.

Собрание заволновалось.

Рисунки Левона ХАЧАТРЯНА

ТУМАН

А ведь сейчас, граждане, ни черта не разберешь — кто грамотный, а кто неграмотный.

Один, например, гражданин знает свою фамилию с закорючкой подписывать, а писать вообще не знает. Другой гражданин писать знает, а прочесть, чего написал,— не может. Да и не только он не может, а дайте ученому профессору — и ученый профессор ни черта не разберется! Даром, что профессор. Такое написано — будто кура наследила или дохлая муха нагадила.

Ну, а теперь, дорогие товарищи, как же этих граждан считать прикажете? Грамотные эти граждане или неграмотные? Одни говорят: да, грамотные. Другие говорят: да нет! Вот тут и разбирайся.

Или, например, Василий Иванович Головешечкин. Да он и сам не знает, грамотный он или нет. Человек, можно сказать, совсем сбился в этом тумане просвещения.

Председатель однажды чуть даже не убил его за это. Главное, что два дня всего осталось до полной ликвидации неграмотности. Скажем, к Первому мая велено было в губернии начисто ликвидировать неграмотность. А за два дня до этого бежит Василий Иванович в сельсовет и докладывает, запыхавшись, дескать — неграмотный он.

Председатель чуть не укокошил его на месте.

— Да ты,— говорит,— что ж это, сукин сын? Да как же ты ходишь, не ликвидировавшись, раз два дни осталось?

Василий Иванович разъясняет положение: дескать, неспособен, способностей, дескать, к наукам нету.

Председатель говорит:

— Ну что, говорит, я с тобой, с чучелой, делать буду? Кругом, говорит, начисто ликвидировано, а ты один декреты нарушаешь. Беги, говорит, поскорей в тройку, проси и умоляй. Может, они тебя в два дни как-нибудь обернут. Пущай хотя гласные буквы объяснят.

Василий Иванович говорит:

— Гласные, говорит, буквы я знаю. Чего их всякий раз показывать! Голова заболит.

Тут председатель обратно чуть не убил Василия Ивановича.

— Как,— говорит,— знаешь? Может, ты и фамилию писать знаешь?

— Да,— говорит,— и фамилию.

— Значит, ты, сукин сын, грамотный?

— Да выходит, что грамотный,— говорит Василий Иванович.— Да только какой же я грамотный? Смешно.

Председатель опять чуть не убил Василия Ивановича после этих слов.

— Нет,— говорит,— у меня инструкций разбираться в ваших образованиях, чучело, говорит, ты окаянное! Только, говорит, людей пугаешь перед праздником. А еще грамотный!

И опять чуть не убил Василия Ивановича.

А теперь Василий Иванович сильно задается. И говорит, что он грамотный. И вообще с высшим образованием. Даже может в вузах преподавать, а только неохота ему преподавать — и жена вообще не пущает да и детишки, между прочим, плачут — пугаются, что папашку в вузах убьют.

Так и живет теперь человек с высшим образованием. И ведь чудно как случилось! Еще неделю назад скулил человек, что неграмотный, а теперь этакое образование ему выпало. Как говорится — не было гроша, а вдруг пуговица.

В СУДЕ

Судья пристально смотрит на обвиняемых. Их двое — муж и жена. Самогонщики.

— Так как же,— спрашивает судья,— значит, вы, обвиняемый, не признаете себя виноватым?

— Нету,— говорит подсудимый,— не признаю... Она во всем виновата. Она пущай и расплачивается. Я ничего не знаю про это...

— Позвольте,— удивляется судья,— как же так? Вы живете с женой в одной квартире и ничего не знаете. Не знаете даже, чем занимается ваша жена.

— Не знаю, гражданин судья... Она во всем...

— Странно,— говорит судья,— подсудимая, что вы скажете?

— Верно уж, начальник-судья, верно... Я во всем виновата... Меня и казните... Он не касается...

— Гражданка,— говорит судья,— если вы хотите выгородить своего мужа, то напрасно. Суд все равно разберет... Вы только задерживаете дело... Вы сами посудите: не могу же я вам поверить, что муж живет в одной квартире и ничего не знает. Что вы, не живете с ним, что ли?

Подсудимая молчит. Муж радостно кивает головой.

— Не живу я с ней,— говорит он,— вот именно: не живу. Некоторые думают, что я живу, а я нет... Она во всем виновата...

— Верно это? — спрашивает судья у подсудимой.

— Уж верно... Меня одну казните, он не причастен.

— Вот как? — говорит судья.— Не живете... Что ж, вы характером не сошлись?

— Характером, гражданин судья, и вообще... Она и старше меня, и...

— То есть как это старше? — спрашивает подсудимая.— Ровесники мы с ним, гражданин судья... На месяц-то всего я и старше.

— Это верно,— говорит подсудимый,— на месяц только... Это она правильно, гражданин судья... Ну, а для бабы каждый месяц, что год... В сорок то лет...

— И нету сорока. Врет он, гражданин судья.

— Ну хоть и нету, а для бабы и тридцать девять — возраст. И волос все-таки седой к сорока-то и вообще...

— Что вообще? — возмущается под-

судимая.— Ты договаривай! Нечего меня перед судом страмить. Что вообще?

Судья улыбается.

— Ничего, Марусечка... Я только так. Я говорю: вообще... И кожа уж не та, и морщинки, ежели, скажем, в сорок-то лет... Не живу я с ней, гражданин судья...

— Ах, вот как! — кричит подсудимая.— Кожа тебе не по вкусу? Морщинки тебе, морда собачья, не нравятся? Перед народом меня страмить выдумал... Врет он, граждане судьи! Живет он со мной, сукин сын. Живет. И самогонный аппарат сам покупал... Я ж для него, для сукиного сына, кровь порчу, спасаю его, а он вот что! Страмить... Пущай вместе казнят...

Подсудимая плачет, громко сморкаясь в платок. Подсудимый оторопело смотрит на жену. Потом с отчаянием машет рукой.

— Баба, баба и есть, чертова баба... Пущай уж, гражданин судья... Я тоже... И я виновный. Пущай уж... У-у, стерва.

Судья совещается с заседателями.

ЛЕГКАЯ ЖИЗНЬ

Вчера пришлось мне в одно учреждение смотаться. По своим личным делам.

Перед этим, конечно, позавтракал поплотнее для укрепления духа. И пошел.

Прихожу в это самое учреждение. Отворяю дверь.

Вытираю ноги. Вхожу по лестнице! Вдруг сзади какой-то гражданин в тужурке назад кличет. Велит обратно спущаться.

Спустился обратно.

— Куда,— говорит,— идешь, козлиная твоя голова?

— Так что,— говорю,— по делам иду.

— А ежели,— говорит,— по делам, то, может быть, пропуск надо взять. Потом наверх соваться. Это,— говорит,— тут тебе не Андреевский рынок. Пора бы на одиннадцатый год понимать. Несознательность какая.

— Я,— говорю,— может быть, не знал. Где,— говорю,— пропуска берутся?

— Эвон,— говорит,— направо в окне.

Подхожу до этого маленького окна. Стучу пальцем. Голос, значит, раздается:

— Чего надо?

— Так что,— говорю,— пропуск.

— Сейчас.

В другом каком-нибудь заграничном учреждении на этой почве развели бы форменную волокиту, потребовали бы документы, засняли бы морду на фотографическую карточку. А тут даже в личность не посмотрели. Просто голая рука высунулась, помахала и подает пропуск.

Господи, думаю, как у нас легко и свободно жить и дела обделывать! А говорят: волокита. Многие беспочвенные интеллигенты на этом даже упадочные теории строят. Черт их побери! Ничего подобного.

Выдали мне пропуск.

Который в тужурке, говорит:

— Вот теперича проходи. А то прет без пропуска. Мало ли, лишний элемент может пройти. Учреждение опять же могут взорвать на воздух.

— Где бы,— говорю,— мне товарища Щукина увидеть?

Который за столом, подозрительно говорит:

— А пропуск у вас имеется?

— Пожалуйста,— говорю,— вот пропуск.

Поглядел он на пропуск и говорит более вежливо:

— Так что товарищ Щукин сейчас на заседании. Зайдите лучше всего на той неделе. А то он всю эту неделю заседает.

— Можно,— говорю.— Дело не волк — в лес не убежит.

Спущаюсь обратно по лестнице. Который в тужурке, говорит:

— Куда идешь? Стой!

Я говорю:

— Братишка, я домой иду. На улицу хочу пройти из этого учреждения.

— Предъяви пропуск.

— Пожалуйста,— говорю,— вот он.

— Вот,— говорит,— теперича проходи.

Вышел на улицу, съел французскую булку для подкрепления организма и пошел в другое учреждение по своим личным делам.

СОЗНАТЕЛЬНЫЕ ЛЮДИ

Со станции «Лески» повез меня Егорка Глазов.

Разговорились.

— Ну как,— спросил я Егорку.— Народ-то у вас в уезде сознательный?

— Народ-то? — сказал Егорка.— Народ-то сознательный. Чего ему делается?

— Ну, а бабы как?

— Бабы-то? Да бабы тоже сознательные. Чего им делается?

— И много их, баб-то, сознательных?

— Да хватает,— сказал Егорка.— Хотя ежели начисто говорить, то не горазд много. Глаза не разбегаются. Маловато вообще... Одна вот тут была в уезде... Да и то неизвестно как... Может, кончится...

— Чего же с ней?

— Да так,— неопределенно сказал Егорка...

— Супруг у ней дюже бешеный. Клопов, Василий Иванович. Трепач, одним словом. Чуть что, в морду поленом лезет. Дерется.

— Ну, а она что, молчит?

— Катерина-то? Зачем молчит? Она отвечает: «Это, говорит, вредно. Вы, говорит, Василий Иванович, полегче поленьями махайте. Эпоха, говорит,— не такая».

— Так она бы в совет пошла.

— Что ж совет? Ходила в совет. Там говорят: это хорошо, бабочка, что ты пришла. Женский вопрос — это, говорят, теперича три кита нашей жизни. Разводись, милая, с этим твоим скобарем, и вся недолга... Ну, а она не хочет. Погожу, говорит, маленько. Потому — неохота, говорит, разводиться... После терпела, терпела — и в город поехала. И привозит пилюлю. И одну сама принимает, а другую ему подсыпает. Она подсыпает, а он на нее наседает, дерется. Не действует ему пилюля. Стала она по две пилюли подсыпать и по две принимать. Ни в какую — дерется. А то враз шесть приняла и свалилась. И лежит плошкой. До чего ее жалко! Главное, одна бабочка на уезд сознательная, и та может кончиться.

— Ну, а другие бабы,— спросил я,— неужели еще темней?

— Другие еще темней,— сказал Егорка.— Другие совсем малосознательные... Одна это после драки в суд подала на мужа. Мужика к ногтю. Штраф на него. Пять целковых — не дерись, мол, бродяга... Ну, а теперича баба плачет, горюет... Платить-то ей чем? Дура такая несознательная... А другая тоже в развод пошла. Мужик-то рад, время зимнее, а она голодует. Дура такая темная...

— Плохо,— сказал я.

— Конечное дело, плохо,— подтвердил Егорыч.— Мужики-то у нас все насквозь знают, все-то понимают, что к чему и почему, ну а бабы маленько действительно отстают в развитии.

— Плохо,— сказал я и посмотрел на Егоркину спину.

А спина была худая, рваная. И желтая вата торчала кусками.

ЗЕЛЕНАЯ ПРОДУКЦИЯ

Вот и осень наступила. Строительный сезон, можно сказать, заканчивается.

Неизвестно, как в других домах, а у нас в доме небольшой ремонтик все же произвели. У нас на лестнице перила выкрасили.

Конечно, сделали это не за счет квартирной платы: у нас народ небогатый. А сделали это за счет одного жильца. Он, курицын сын, по займу 500 рублей выиграл. И с перепугу пять червонцев отвалил на ремонт дома. Потомто, когда пришел в себя, страсть жалел. Но было поздно. Перильца уже выкрасили.

А выкрасили перила зеленой краской. Получилось красиво. Благородный такой темно-зеленый цвет. Даже, как бы сказать, краснотой отдает. Или это ржавчина выступает сквозь краску? Неизвестно.

Но только получилось довольно красиво. Не безобразно, одним словом. Морда инстинктивно не отворачивается.

Так вот покрасили. Полюбовались этими перилами. Председатель даже небольшую речь сказал насчет пользы крашеных перил. А после через три дня жильцы обижаться стали: зачем эти перила плохо сохнут? Дескать, квартирные детишки пачкаются и ходят зебрами.

Председатель резонно говорит:

— Товарищи, нельзя до этой краски предъявлять немыслимые требования. Дайте срок — высохнет и тогда, может быть, не будет пачкать.

Начали жильцы терпеливо ждать.

Две недели прошло — не сохнет.

Позвали маляра. Маляр попробовал краску на язык, побледнел и говорит:

— Краска, говорит, обыкновенно какая — масляная. А почему она не сохнет, это я вам скажу. Она определенно имеет добавочно льняное масло, заместо оливкового. А льняное масло не имеет права скоро сохнуть. Но, говорит, через это убиваться не следует. Через месяц, оно, даст Бог, слегка не то чтобы усохнет, но испарится. Хотя, говорит, навряд ли перильца будут зеленые. Они будут скорей всего голубые. А, может, скорей всего серые с прожилками.

Председатель говорит:

— Оно, знаете, и к лучшему. Если с прожилками — грязь не так будет заметна.

Начали жильцы опять любоваться на эти перила.

Месяц или два любовались, смотрят — начало подсыхать. Хотя, по совести говоря, и подсыхать было нечего. Квартирные детишки и неопытные приходящие гости приняли на себя почти всю краску.

Но надо быть оптимистом и надо в каждом печальном явлении находить хорошие стороны. Краска, говорю, все же оказалась неплохой и доступной небогатым. С костюмов она сходила, как угодно. Даже можно было не стирать. Сама исчезла.

И черт ее знает, из чего она была сделана? Бродяга изобретатель держит, небось, свое изобретение в строжайшей тайне. Боится, небось, как бы его самого не побили.

НЕПРЕДВИДЕННОЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВО

Можно меня поздравить. Нашел квартиру. Одна комната и кухня. С небольшим ремонтом.

Ремонтик совершенно ерундовый — потолок слегка побелить, а то балки оттуда виднеются и известка вместе с верхними жильцами на башку сыпется. А так остальное все исправно.

Я взял и побелил этот потолок. Починил и побелил.

Гляжу, при таком ослепительном потолке — стены стали нехороши. Очень уж грязные и ободранные.

Купил дешевенькие шпалеры. Наклеил. Стало как будто немного интеллигентней. Единственно, пол подгулял. При плохих стенах он не так в глаза бросался. А теперь на пол посмотреть страшно. Ямы. Колдобины. Ну прямо, идешь, как по панели, до того неровно.

Купил бракованную клеенку. Покрыл пол. Стала комнатка хоть куда. Веселенькая. Дверь вот только жуткая. Не дверь, а черт знает что.

Починил дверь. Ручку для красоты вставил. Краской подновил. И надо было бы мне дверь с одной стороны только окрасить. Со стороны комнаты. А я дурака свалял — и со стороны кухни подмалевал. Прямо в кухню стало невозможно входить. Потому дверь хороша, а рядом сплошная дрянь. Стены аховые. Плита стоит развалившись. Крантик оторван, еле держится. Пола почти нет. Потолок жутковатый, все время на тебя валится.

Начал ремонт производить. После бросил. Потрохов, думаю, не хвати. Кухню, думаю, отделаю — уборная не хороша. Бака нету. Четвертой стены не хватает. Уборную, скажем, отделаю — в коридор не войдешь. Коридор отделаю — входная дверь не годится. Входную отделаю — лестница плохая. Перил нету. Лестницу отделаю — дом худой. Не дом, а горе.

А дом, товарищ, я не могу отделывать. Я 47 рублей жалованья получаю.

Так и живу, как на вулкане. И о ремонте больше не думаю. К этому делу надо подходить осторожно и задумчиво.

С ВОСХИЩЕНИЕМ ЖИВУ

Недавно в издательстве «Художественная литература» вышла книга И. Одоевцевой «На берегах Невы» — первая после возвращения ее автора на родину.

В 1921 году Ирина Одоевцева, как она сама говорила о себе — единственный «женский элемент» гумилевского 2-го Цеха поэтов (тогда это звучало как чин или титул),— покинула Россию.

В 1987 году — спустя шестьдесят шесть лет, прожив большую часть из них во Франции,— Одоевцева осуществила свое желание вернуться. Навсегда покинув Петербург, она приехала в Ленинград, где живет сейчас в квартире на Невском. Недавно я встретился с Ириной Владимировной в Переделкино в писательском Доме творчества. Вот что она рассказала.

— Я всю жизнь хотела вернуться, страшно тосковала по России. Своим успехам во Франции и Америке я придавала мало значения, вот русский успех был бы настоящим. Но думаю, если бы я осталась, вряд ли бы дожила до сегодняшних дней. Хватило бы и того, что мои стихи чрезвычайно любил Троцкий, а одно упоминание в связи с ним сулило большие неприятности. Это вы знаете не хуже меня.

Позднее, в 60—70-е годы, у меня даже не было переписки с моим родным братом, жившим в России,— в последнем его письме содержалась просьба больше не писать ему, были смутные времена. Даже не знаю, когда он умер...

— Интересно знать ваше отношение к тому новому, что сейчас происходит в нашем обществе...

— Меня чрезвычайно устраивают те изменения, которые я вижу. Очень понравилась публикация моего мужа Георгия Иванова в «Огоньке». Вообще довольна, что Евтушенко в своей антологии воскрешает забытых поэтов — и эмигрантов, и других незаслуженно забытых. Это разделение и не нужно. Есть одна великая и неделимая русская литература, без различия: тут ли, там ли она создавалась — двух литератур не существует.

У эмигрировавших русских писателей не было ничего, кроме желания, чтобы их читали на родине. Георгий Адамович, замечательный критик и литературовед — лучший в эмиграции! — и недооцененный поэт, говорил: «Я все делаю только для будущей славки в России, все пишу, пишу, а надо бы и отдохнуть».

Георгий Иванов обожал Россию и безумно страдал от разлуки с ней. Он говорил, что хороши только русские, к моим французским знакомым не ходил, отговаривался, что голова болит, нос, уши, что угодно. Хотя много переводил французов — и переводил замечательно! — стихи для него существовали только русские.

Когда я уезжала из Петербурга, Федор Сологуб советовал мне непременно писать по-английски или по-французски, потому что иначе никакого признания т а м не получить. Я попыталась писать по-французски. Это страшно возмутило Георгия Иванова: «Тургенев говорил, что нельзя русскому писателю писать не по-русски!»

— В годы, проведенные в эмиграции, вы встречались и дружили со многими выдающимися русскими писателями. Об их жизни вне родины мы до сих пор знаем до обидного мало. Не могли бы вы рассказать о некоторых из них — например, о Марине Цветаевой, с которой у вас, насколько мне известно, были непростые отношения?

— Никаких сложностей с Цветаевой у нас не было. Просто она терпеть нас не могла (меня, Георгия Иванова и Адамовича) — считала эстетами.

Больше остальных Цветаева невзлюбила Георгия Иванова — после того, как он приписал посвященное ей стихотворение Мандельштама «Как скоро ты смуглянкой стала» некой «хорошенькой, вульгарной зубоврачихе».

Мандельштама звали «златозуб». Для всех вставка зубов — процесс мучительный, а он рассказывал об этом с восторгом: «зубодралочка» была так очаровательна, что когда она наклонялась над ним, он не чувствовал никакой боли, а только волнение. О «зубодралочке» Мандельштам вспоминал с удовольствием, а вот имя Цветаевой в разговорах не упоминал. Вообще о романе Цветаевой и Мандельштама никто в Петербурге не слышал... Вот мы и решили, что «Смуглянка» написана не о ней. Сама Цветаева как будто не очень дорожила посвящением, она говорила: «Хорошенькой была, вульгарной — никогда!»...

Марина была невероятно самолюбива. Но во время нашей последней встречи она мне страшно понравилась.

Марина Цветаева — восхитительная женщина с тяжелым характером, тяжелым даже для нее самой. И в эмиграции она была как бы и белой, и красной, всегда ощетиненной, всегда готовой принять и дать бой. Мы тогда жили состоятельно, помогали многим, устраивали балы... Очень жалею, что мне никогда даже в голову не приходило дать ей денег. Может быть, потому, что она могла и не принять.

— Слышал, вы испытывали неприязнь к Набокову и он отвечал вам взаимностью...

— Я Набокова терпеть не могу. Из-за чего? Во-первых, не люблю снобов, а Набоков страшный сноб. Кроме того, он опубликовал обо мне очень плохую статью (мой муж его так за это разделал, что наши молодые писатели отвернулись от Набокова). А мое знакомство с Набоковым состоялось в Париже. Увидев меня, он сказал: «Эта Одоевцева, оказывается, такая хорошенькая! Зачем только она пишет?»

Единственным человеком, к кому он испытывал настоящую привязанность, был, по-видимому, его сын. Воспитывал он его своеобразно. Однажды тот бросал стаканы на пол и смотрел, как они разбиваются. Набоков ему сказал только: «Ты ведешь себя вульгарно, так нельзя».

Впрочем, внешне он был неплох. И картавил точно как я...

— Ирина Владимировна, в своей книге «На берегах Сены» вы много пишете о Бунине...

— Бунин дружески относился к нам, и мы с ним часто встречались после 1926 года, когда я увидела Бунина впервые. Это было на юбилее Бориса Зайцева — удивительного писателя! — где Бунин сам казался юбиляром.

При встрече Бунин оказался именно таким, каким я его представляла: необычайно величественным, гордым, даже надменным. А вместе с тем он был очень нервен и впечатлителен.

Бунин единственный из крупных русских писателей не имел за границей почти никакого успеха. Немного поправила его положение Нобелевская премия, которую он принял из рук короля Швеции, как равный ему, как король Литературы. Но и после этого его «Митину любовь» и «Жизнь Арсеньева» целиком никто не хотел печатать.

Характерно то, что сказал мне Бунин, когда я написала свой первый роман, «Ангел смерти»: «Ну вот, не имела баба хлопот... Набегаетесь вы теперь! Пусть даже вы сейчас напечатаетесь... Впрочем, желаю успехов».

Мне самой у Бунина кажутся скучными и затянутыми некоторые описания — вот Чехов объяснял все двумя строками. Больше всего люблю у Бунина «Темные аллеи».

— А поэзия Бунина? Многие считают, что он последний крупный поэт XIX века (несмотря на то, что родился позже И. Анненского, входящего в антологии XX века!) и предтеча Ходасевича, жившего с ним в одно время...

— Совершенно не согласна, что он последний крупный поэт. Для меня Бунин — прозаик. Хотя отношусь к его стихам значительно лучше, чем Гумилев и Г. Иванов, которые терпеть их не могли.

Сам Бунин считал себя прежде всего поэтом. Его жена Вера Николаевна, очень любившая Георгия Иванова, просила его («Ну пожалуйста!») сказать Бунину хоть что-нибудь доброе о его стихах. Жорж отказывался: «При всем уважении к вам — не могу...»

— Я читал о романе, который вы собирались писать вместе с Г. Ивановым, а написали в конце концов вы одна. Есть ли произведения, которые подписаны именем Георгия Иванова, а написаны вами, и наоборот?

— Именно после того, как я завершила «Оставь надежду навсегда», Георгий Иванов начал просить меня дописывать за него некоторые популярные статьи, воспоминания — например, его предисловие к Есенину писала я. Дело в том, что Георгий Иванов прекрасный стилист (не хуже Набокова), но безумно медленно работал (это не касается стихов, стихи у него появлялись из ничего). Впрочем, критические статьи он всегда писал сам, и писал блестяще. Так же, как и единственное, во что вкладывал всю свою душу, книгу «Распад атома».

А править стихи считал безумием — все равно, что делать операцию человеку, резать по живому.

— Ирина Владимировна, наверно, с Георгием Ивановым вы прожили самые счастливые свои годы?

— Нет, почему же? Я была много раз счастлива и после смерти Георгия Иванова.

Сначала после смерти мужа мне было очень тяжело. На меня стали странно смотреть в старческом доме, где мы с Жоржем жили последние годы, потому что я слишком молодо выглядела, хотя по возрасту не подходила совсем немного. К тому же обо мне завистники говорили, что писать я не умею,— считалось, что все писал за меня Георгий Иванов, а я с трудом могу подписаться. Я расстроилась. Решила бросить литературу, стать художницей. На мое счастье, мне встретился поэт Юрий Терапиано. Именно благодаря ему появились мои воспоминания. А потом — снова стихи, статьи...

Я бесконечно благодарна Терапиано: он был единственным человеком, который мне помогал в литературе.

— А Гумилев и Георгий Иванов?

— Это другое. Георгий Иванов и Гумилев сделали меня человеком, читателем. У меня были вкусы восемнадцатого века. Они буквально заставляли меня читать, причем на нескольких языках. Когда я входила в гумилевский Цех поэтов, каждый день писала по стихотворению.

А вот писать прозу никогда не училась, ни разу не была ни на одной лекции о прозе — «записала» сразу.

Свой первый роман, «Ангел смерти», я писала в кафе — дома не могла: Георгий Иванов ходил по комнатам и разговаривал. Рано утром я приходила в кафе, располагалась у окна и писала, а потом мы с Георгием Ивановым шли в ресторан завтракать, ходили вечером в гости. Все спрашивали, когда же я написала роман. За «Ангела смерти» меня приходил благодарить Керенский... Кстати, Керенский был очень приятный, но слишком любил спорить. Тогда он начинал быстро ходить по комнате... Однажды в пылу спора он сказал Георгию Иванову: «С такими взглядами вы никогда не будете править Россией!»

«О, Господи! Неужели никогда? — пришел в ужас Жорж,— а я так надеялся!»

— Ирина Владимировна, давайте вернемся к Гумилеву,— не в первый раз в нашем разговоре возникает его имя, да иначе, наверно, и не может быть. Сейчас много пишут и говорят об обстоятельствах его ареста, всплывают документы, из которых явствует, что ни к какому контрреволюционному заговору Гумилев причастен не был. А вот в интервью «Неделе» вы говорите иначе. Что вы помните о последних днях жизни Гумилева?

— Гумилев был страшно легкомысленным. Когда говорят, что он отказался от участия в заговоре, никаких денег не брал, я ничего не могу возразить. Но и сейчас повторяю: как я писала в книге, так и было, деньги у него были, лежали в шкафу. Что я могу с этим поделать?

— Может быть, это были какие-то другие деньги?

— Не думаю, откуда так много? Вот никакого револьвера я не видела, это точно, а деньги в большом количестве — тогда они были обесценены, и это было много пачек — видела у Гумилева своими глазами.

Как-то, когда мы возвращались с поэтического вечера, Гумилев сказал, что достал револьвер — «пять дней охотился». Об этом я рассказывала, но то, что «Гумилев всем показывал револьвер», не говорила и не писала никогда — мне напрасно приписывают эти слова. Я думала, что с револьвером — это игра Гумилева в солдатики. Может быть, все было игрой...

В те дни Гумилев часто надевал шапку и выходил на Васильевский. Происходил примерно такой разговор.

Гумилев: «Иду вести пропаганду».

Мы хохотали.

Гумилев: «Так женщины провожают героя на смерть?»

Мы снова хохотали. А Кузмин однажды сказал: «Доиграетесь, Коленька, до беды!»

Гумилев уверял меня: «Это совсем неопасно — они не посмеют меня тронуть»...

Если бы Гумилев остался жив, его поэзия пошла бы совсем по другой дороге. Он был в самом расцвете, много работал, был такой счастливый, так верил в будущее!

— Наряду с Гумилевым и Георгием Ивановым к нашему читателю вернулся еще один крупный поэт и, быть может, самый из них значительный, во всяком случае, наиболее сильно повлиявший на советскую поэзию, действительно прививший «классическую розу советскому дичку»,— Владислав Ходасевич. Расскажите, пожалуйста, о своих отношениях с ним.

— Я не встречала более остроумных людей, чем Ходасевич и Георгий Иванов. Поначалу это качество, которым оба были наделены в избытке, их очень сближало, они дружили, вместе очень хорошо разговаривали. Ходасевич мог быть желчным, язвительным, но и милым. Ходасевич печатался в «Возрождении», где сотрудничал Георгий Иванов. Но позднее дружба обернулась враждой. Ходасевич презрительно отозвался о «Петербургских зимах» Георгия Иванова, Жорж был оскорблен...

— Как Ходасевич относился к вашим стихам?

— Однажды, кажется, похвалил... Меня не очень интересовало его мнение.

— А кого вы знаете и читаете из современных советских поэтов?

— К сожалению, еще никого. Я совсем не знаю пока современную советскую литературу... Хотя нет. У вас есть знаменитый певец... поэт...

— Высоцкий?

— Нет, нет... Окуджава! Мне он очень понравился. И проза его произвела на меня хорошее впечатление. Но лично с ним не знакома. Жалею об этом.

— Ирина Владимировна, а о чем вы жалеете из того, что осталось в прошлом? Мир на ваших глазах так сильно изменился!..

— Жалею отношения к литературе, к поэзии, которое раньше было даже там, на Западе.

Хотя, конечно, с Россией оно не идет ни в какое сравнение. В 10—20-е годы люди шли на наши вечера в мороз и под дождем в «Дом литераторов» и в «Дом искусств», часто через весь Петербург.

...Однажды я читала «Балладу об извозчике» и сделала паузу — вдруг мне из четырех мест стали подсказывать. Так зачем же было идти на вечер этим людям, если они и без меня все знали?!

Но вообще, я считаю, что любить прошлое — «ах, как я тогда была счастлива!» — не следует. Что было хорошо, то было хорошо, что плохо, то плохо.

Время изменилось ни к худшему, ни к лучшему — оно стало другим. А мне всегда больше нравится завтра, чем вчера.

И я искренне желаю вам успехов, чтобы вы помогли соединить в единое целое русскую литературу. Одна из целей моего приезда сюда — как-то этому способствовать. Не может быть отдельной «эмигрантской литературы», я уже говорила, есть только одна великая русская литература. Есть еще поэты, которые незаслуженно неизвестны в России,— Поплавский, Смоленский, Елагин... Их тоже надо открыть русскому читателю.

А еще всем желаю счастья!

Я сама всегда старалась жить счастливо. У меня есть такие строчки:

И во сне и наяву
С восхищением живу...

Я уходил от Одоевцевой со сложным чувством. Осталось удивительное ощущение присутствия в переделкинской комнате тех, кого мы еще недавно читали только из-под полы,— Г. Иванова, Ходасевича, Гумилева, Адамовича, Набокова — тех, кто казался, несмотря на бесспорную современность, дальше и «нереальнее» писателей XIX века, быть может, из-за невозможности встретиться не только во времени, но и в пространстве. И те, о ком мы узнаем в последние годы все больше и больше (а нам все мало),— Бунин, Цветаева, Мандельштам — тоже, пусть на миг, ожили — не как поэты, в этом смысле они и не умирали — как люди со своими слабостями, без которых невозможно представить живого человека.

Мне бы хотелось поспорить с некоторыми оценками моей собеседницы. Но дело не в моем согласии или несогласии с Одоевцевой. Дорога и ее субъективность — она, по-моему, сама по себе воссоздает атмосферу неизвестной нам жизни людей, без которых — соглашусь с Одоевцевой — единая и неделимая великая русская литература немыслима. Остается чувство, что споры еще не закончены, что после выхода этого номера кто-то из упомянутых писателей захочет возразить и напишет нам. Увы, не напишет. Одоевцева — последняя из них, из тех, кого лично я хотел бы спросить о многом.

Олег ХЛЕБНИКОВ

Ирина ОДОЕВЦЕВА

* * *

Нет, я не буду знаменита,
Меня не увенчает слава,
Я — как на сан архимандрита —
На это не имею права.

Ни Гумилев, ни злая пресса
Не назовут меня талантом.
Я маленькая поэтесса
С огромным бантом.

1918

* * *

Сияет дорога райская,
Сияет небесный сад,
Гуляют святые угодники,
На райские розы глядят.

Идет Иван Иванович
В люстриновом пиджаке,
С ним рядом Марья Филипповна
С французской книжкой в руке.

Прищурясь на солнце райское,
С улыбкой она говорит:
— Ты помнишь, у нас в Кургановке
Такой же прелестный вид.

И пахнет совсем по-нашему
Черемухой и резедой,
Сорвав золотое яблоко,
Кивает он головой.

— Да, все, как у нас в Кургановке,
Манюрочка, ручку дай,
Подумать, мы в Бога не верили,
А вот и попали в рай.

1923

БАЛЛАДА О ПЛОЩАДИ ВИЛЛЕТ

Роману Гулю

Ложатся добрые в кровать,
Жену целуя перед сном,
А злые будут ревновать
Под занавешенным окном.

А злые будут воровать —
Не может злой не делать зла.

А злые будут убивать
Прохожего из-за угла.
И окровавленной полой
Нож осторожно вытрет злой.

А в спальне доброго луна
Глядит бледна и зелена,
И злые снятся сны ему
Про гильотину и тюрьму.
Он просыпается крича,
Отталкивая палача.

А злой сидит в кафе ночном,
Над рюмкой терпкого вина,
И засыпает легким сном,
Хотя ему и не до сна.
Во сне ему двенадцать лет,
Он в школу весело бежит.

И там на площади Виллет
Никто убитый не лежит.

1923

* * *

Дни считать напрасный труд.
Дни бегут,
Часы летят,
превращаются в года.

В тихий сад, на сонный пруд
Принесли топить котят.
Глубока в пруду вода —
Хоть котята не хотят,
Как уж не утонешь тут?

И кошачья та беда,
Намяукавшись в эфире,
В милосердном этом мире
Исчезает без следа.

Разве что блеснет звезда
Светляком, осколком льда,
Острым лезвием секиры
Над безмолвием пруда.

Мне ж до Страшного суда
(Если будет Страшный суд)
Погрешить еще дадут.

1948

* * *

Но была ли на самом деле
Эта встреча в Летнем саду
В понедельник, на Вербной неделе,
В девятьсот двадцать первом году?

Я пришла не в четверть второго,
Как условлено было, а в пять.
Он с улыбкой сказал: — Гумилева
Вы бы вряд ли заставили ждать.

Я смутилась. Он поднял высоко,
Чуть прищурившись, левую бровь.
И ни жалобы, ни упрека.
Я подумала: это любовь.

Я сказала: — Я страшно жалею,
Но я раньше прийти не могла.
Мне почудилось вдруг — на аллею
Муза с цоколя плавно сошла.

И бела, холодна и прекрасна,
Величаво прошла мимо нас,
И все стало до странности ясно
В этот незабываемый час.

Мы о будущем не говорили,
Мы зашли в Казанский собор,
И потом в эстетическом стиле
Мы болтали забавный вздор.

А весна расцветала и пела,
И теряли значенье слова,
И так трогательно зеленела
Меж торцов на Невском трава.

1964

* * *

Г. И.

В рассветный час метаморфоз
Шиповник, что здесь ночью рос,
Орлицей в тучи улетел
И лепестки ширасских роз —
Душистой прелести предел —
Как рифмы падают попарно
На волны озера Локарно,
Вернее, на Лаго Маджоре,
Вдруг превратившееся в море.

А я — не знаю я иль ты? —
С междупланетной высоты,
Волнуясь, мучась и любя,
Твоими жадными глазами
Гляжу прищурясь на себя,
Как на портрет в зеркальной раме.

1968

В то время, как наш корреспондент служил в армии США, в СССР в соответствии с договоренностью «Лайф» — «Огонек» в одной из частей Советских Вооруженных Сил находились американские журналисты Рой Роуэн и Джеймс Нахтвей. Сегодня мы предлагаем вашему вниманию рассказ корреспондента «Огонька», сопровождавшего их в этой поездке. Репортаж Роя Роуэна, опубликованный в журнале «Лайф», можно прочитать в «Комсомольской правде» за 21 января этого года.

Вьетнаме... В Никарагуа он влюблен и может часами рассказывать о гостеприимстве, благородстве и мужестве этого маленького народа. Холост. Не устал ли от такой жизни? Наоборот, только вошел во вкус. Одиночество кажущееся. Практически в каждой стране встречается знакомый коллега, иногда спустя долгие годы после предыдущей встречи. Встречи на чужбине сближают людей, как нигде. Да и потом работа очень интересная, некогда копаться в своих чувствах.

Рой Роуэн встретил конец второй мировой войны на Филиппинах, уже как военный корреспондент. А начинал в действующей армии артиллеристом. В конце сороковых работал собкором «Лайфа» в Китае. Он автор около десятка публицистических книг, последняя из которых (Рой закончил ее незадолго до отъезда в Москву) посвящена проблеме американской мафии. Рой неоднократно бывал в Советском Союзе (в отличие от Джеймса), в 1978 году пересек страну по железной дороге с Запада на Восток. Таковы краткие сведения о журналистах, которых мне предстояло сопровождать.

Мы закинули вещи в гостиницу и сразу же поспешили в часть. В тот же день американцы тактично, но категорично отказались от обширной культурной программы, подготовленной нами, и на следующее утро Рой уже бежал на зарядку в кирзовых сапогах впереди одного из подразделений, рядом с командиром полка, подполковником Александром Белоусовым. Так начались наши будни в полку. Мы разместились в казарме, правда, в отдельной комнате, чтобы после отбоя иметь возможность работать. В военную форму нас не переодели. Сказали, что маскарад ни к чему. Питались в солдатской столовой. К удивлению «завсегдатаев» солдатский харч пришелся по вкусу, а особенно понравился хлеб. На него налегали так, словно это был деликатес, «гвоздь программы», который нигде больше отведать не доведется. Солдаты поглядывали на американцев с недоумением и, как мне казалось, с особенным энтузиазмом принимались за свои пайки.

Джеймс бесперебойно щелкал фотокамерой. Словно работали две пружины: одна — в фотокамере, другая — в нем самом. Вскоре он стал забывать о еде и опаздывать в столовую. Лицо его удлинилось, и под глазами появилась тень. На третий день Джеймс поставил личный профессиональный рекорд. Отснял тридцать катушек пленки. Но на вопросы о том, как идут дела, он только пожимал плечами. Пристрелився. Вернее, прищелкивался.

Рой ни на шаг не отходил от командира полка. Блокнот его не закрывался. Туда сыпались специфические русские слова, употребляемые в армии, своего рода армейский жаргон: «глобус», «дедушка», «мужики», «давить на массу» (то есть «спать».— **Прим. авт.**) и др. Несколько разочаровался, узнав, что у нас не дают ласкательных кличек боевой технике, а используют только холодные аббревиатуры.

Полк готовился к принятию присяги. Накануне проходили занятия в танках. Над танкодромом густым облаком висела пыль, смешанная с гулом моторов, дымом и резкими звуками команд. Вокруг траншеи горели старые покрышки. Копоть лезла в глаза. Танк замирал за двадцать метров до траншеи. Потом начинал медленно ползти, угрожающе урча и подминая под себя дым. Не умолкал башенный пулемет. Рвались взрывпакеты, проверяя прочность наших барабанных перепонок. Солдаты встречали танк гранатами, падали на дно окопа, когда махина гремела над ними, и кидали оставшиеся гранаты вдогонку.

Джеймс преобразился. В его темных глазах мерцал диковатый огонек. Тень с фотоаппаратами металась в самом центре происходящего. Джеймс каким-то чудом успевал и пробежать вровень с надвигающимся танком, и упасть на дно траншеи, и, вскочив, снять тот момент, когда солдаты выхватывают гранаты. Тщетно офицеры пытались урезонить Джеймса, опасаясь за его безопасность. По мере того как росло число отснятых пленок, лицо Джеймса, его белоснежный воротничок покрывались сажей. Сажа была волшебная. Чем больше ее оказывалось на лице Джеймса, тем счастливее и добрее оно становилось.

Рой ловил ушами грохот эмитаций.

— Я старый артиллерист,— улыбался он.— Уши соскучились по грохоту. У меня артиллерийские уши...

В этом аду он выглядел помолодевшим. Может быть, вспомнил «большую» войну. Или корейскую. Или как в 1975 году улетал из Вьетнама на последнем американском самолете... Я не спрашивал. Но подумалось: «А ведь мужчин почему-то очень часто тянет в экстремальные ситуации, туда, где стреляют. Настоящих мужчин. Вот и Хемингуэй об этом. Вернее, в этом. У человечества до крайности милитаризовано сознание. Никаких пистолетов не существовало и в помине, а из поколения в поколение уже передавалось: «Хочешь мира — готовься к войне». Можно посчитать, сколько тебе будет, когда исчезнет последняя боеголовка, и сколько — когда последний танк. Но как спланировать, в какие протоколы поместить и как проконтролировать разоружение, демилитаризацию человеческого сознания? Как ее начать? Кто ее начнет? Возможно ли начать уже сейчас, когда где-то еще живут люди, убивавшие наших дедов? Надо бы предложить Рою спросить, кого представляет себе эти ребята, когда поднимаются с учебной гранатой на танк».

У самых наших ног рванули один за другим два взрывпакета. Мы едва успели отскочить на три метра назад. Со стороны это, наверное, выглядело комично, но майору, руководившему занятиями, было не до смеха.

— Горин!.. — крикнул он куда-то в дым.

— Что он сказал? — оживился Рой, и блокнот в его руках насторожился.

— Он его упрекнул.

— Очень выразительно, очень!— восхитился Рой, как будто мог что-либо понять и склонился над блокнотом, но командир полка отвлек его внимание на видневшиеся за деревьями парашютные вышки и стал что-то объяснять.

Воскресенье. День принятия присяги. В полк приехали родители, жены, друзья новобранцев. Солдаты надели парадную форму, может, в первый раз после призыва, и подолгу простаивали

ХОЧЕШЬ МИРА — ГОТОВЬСЯ К

Михаил МАМАЕВ

Когда у нас в редакции узнали, что одному из американских «новобранцев» исполнилось шестьдесят восемь лет, а другому — сорок, оживились шутники. Сначала-то думали, что гостей переоденут в советскую военную форму и «поставят в строй». Досталось и мне. Мол, раз ты один из троих соответствуешь возрастному цензу, то и отдуваться за всех придется тебе. Так что подумай, как лучше разместить на себе три автомата, три каски и т. д.

«Упаднические настроения» поколебало пришедшее из Нью-Йорка известие: «старший» Рой Роуэн каждое утро пробегает по 4—5 миль. Это меня насторожило. Не успокоился, пока на следующее утро не пробежал восемь километров. Слава богу, в случае чего не опозорюсь.

Оба корреспондента журнала «Лайф» — люди, достаточно искушенные в своем деле. «Младший» — Джеймс Нахтвей, как у нас говорят,— на вольных хлебах. Живет исключительно на гонорары от публикуемых фотографий. Два-три месяца находится дома — в Нью-Йорке, все остальное время в году отдано дороге, которая уже неоднократно обогнула земной шар. Сфера его репортерских пристрастий — «горячие точки». Работал и в Корее, и во

у зеркала, наводя лоск. Мы с Роем ходим по ротам, разговариваем с солдатами и их близкими.

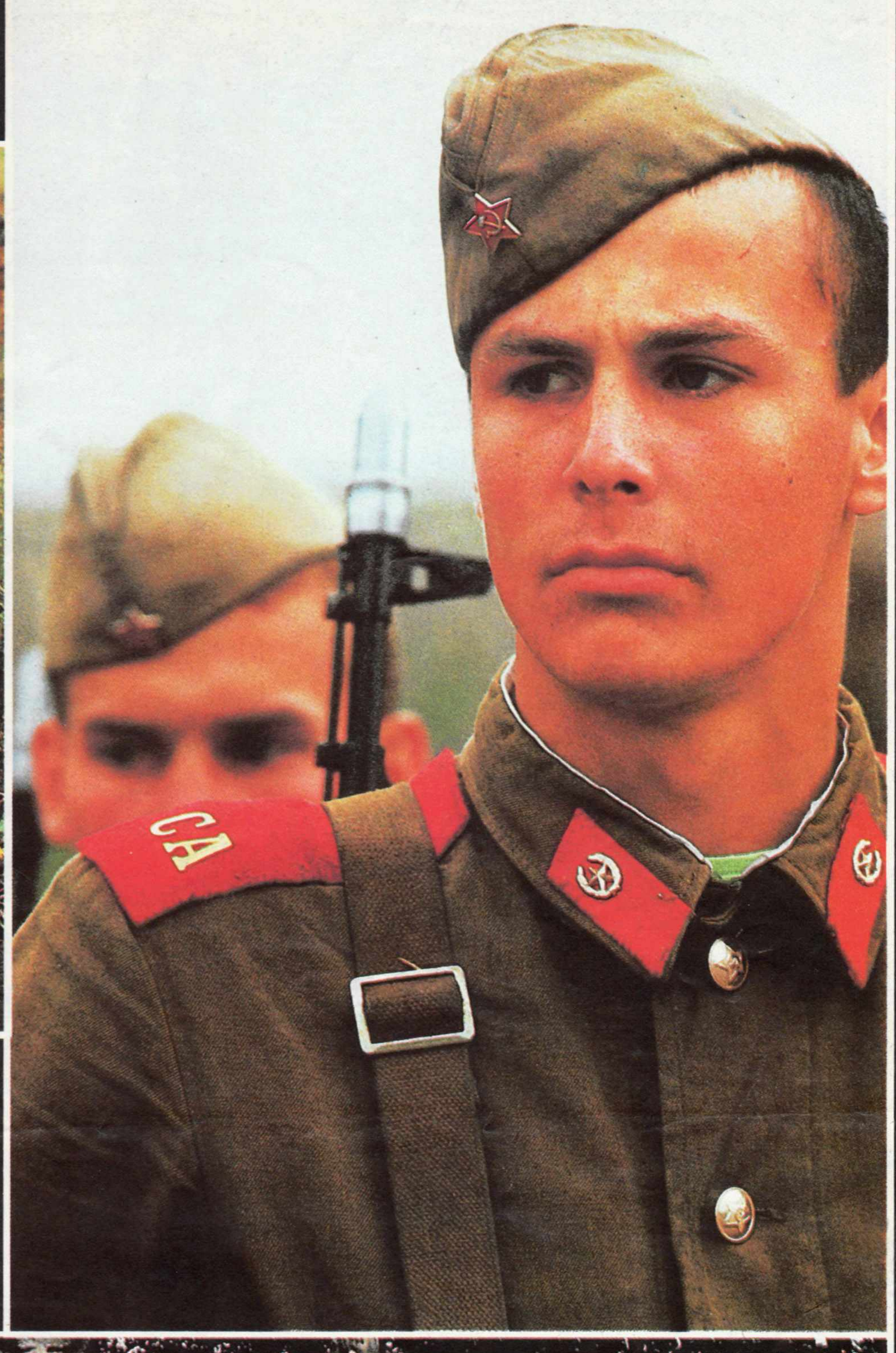
Андрющук Лариса Александровна. Приехала к сыну Саше из Нальчика. Издалека?— Есть такие, кто еще больший путь проделали. Зачем?— Как же, ведь сегодня сын становится защитником. Помогаю Рою по буквам записать это слово в блокнот. «Защитник». Да, так у нас в народе называют своих солдат. Да, испокон века. Да, очень старое слово. Образовано от слова «щит». А еще есть слово «меч». «Кто с мечом к нам...» Впрочем, нет. Незачем лишний раз вспоминать это выражение. Во всем мире, наверное, и так давно успели его запомнить. Просто, знаешь, Рой, в русском языке слово «щит» всегда ставят перед словом «меч». Вот так: «щит и меч». Наоборот выходит невнятно. Не звучит.

«К торжественному маршу, поротно, на одного линейного дистанция, управление полка прямо, остальные налево, равнение налево, шаго-о-м марш!»

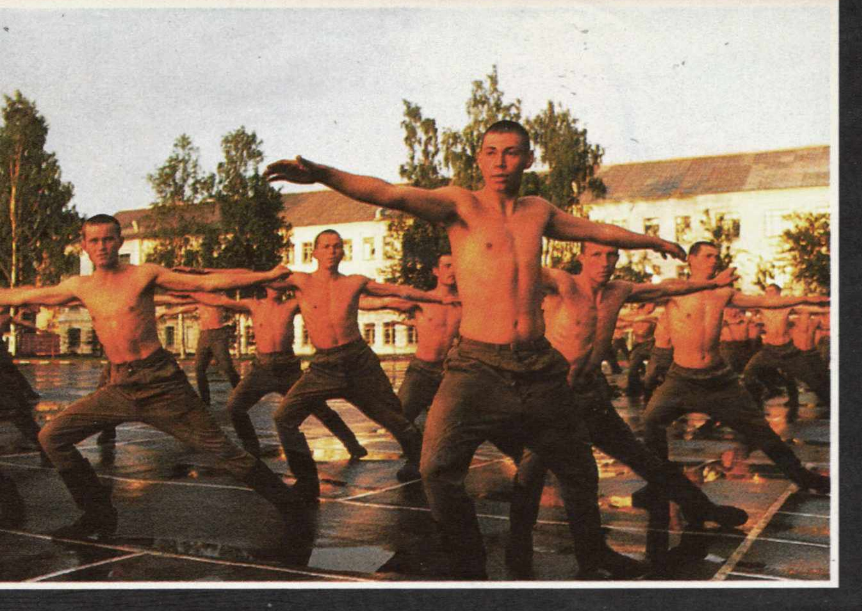
В небо взвивается эхо, отраженное от стен казарм, обступивших плац. Музыка духового оркестра наполняет сердце радостью, тревогой, нежностью и мужеством.

Очередной учебный день по программе военнослужащих, принявших присягу. Действия отделения в обороне.

...МИРУ

С утра копали окопы. Быстро пустели фляги. Наконец, все готово к бою. Перекурили. Солдаты пытаются разговаривать с Роем по-английски. Джеймс опять куда-то пропал. На сегодняшний день он, наверное, самая подвижная «боевая единица» в полку. И вот над головами зажигается сигнальная ракета. Зеленая. «Условный противник предпринял атаку на участке. Отделение! К бою!» Щелчки снимаемых с предохранителей автоматов. Двое суток назад мы стреляли из них. По три выстрела каждый в две грудные мишени. Рой и я уложили свои без проблем. Джеймс три раза промазал. «Это не моя чашка чая»,— улыбнулся он, поднимаясь с земли и бережно подхватывая фотоаппарат.

Условный противник приближался. У самых окопов, как из-под земли, выросли человеческие фигуры в десантных комбезах. Рукопашный бой. Вернее, его имитация,— фигуры-то набиты сеном. И снова ловлю себя на мысли: «Кого представляют перед собой ребята, когда бросаются со штыком-ножом на соломенные фигуры?» Очень уж неопределенно звучит «условный противник». Но, как говорится, «хочешь мира — готовься к войне». И мы, и «они» слишком долго твердили об угрозе извне. Иногда это помогало сплотиться внутри страны. Но сегодня, кажется, вместе начинаем понимать, что такая психология неприемлема для нового тысячелетия. С ней мы до него можем просто не дожить. Очевидно, сегодня и другое: слишком долго готовились к войне, чтобы в одночасье встать под радикально новый лозунг — «Хочешь мира — готовься к миру». Побеждать «условного» противника оказалось намного легче, чем изгнать из собственного сознания образ «коварного внешнего врага».

Позднее будет трудно поверить, что такое могло произойти, что американские журналисты жили в советской военной казарме, что я оказался тем советским журналистом, которому суждено было помогать американцам во всем — от организации интервью до расчета на «первый, второй». Появится и чувство неудовлетворенности. Американцам всюду пытались дать понять, что наша армия — это воспитатель, который за два года перевоспитывает хулиганов и разгильдяев, большое внимание уделяет нравственным вопросам. Хотелось спросить: армия что — детский сад, школа? Но не спросил, зря. Не вчера у нас стали называть армию «школой жизни». А почему, собственно, школа? И если все-таки школа, то почему жизни? Тогда уж — «школа защиты Родины». Почему бы нам, наконец, открыто не признать, что некоторые положения общевойскового Устава для жизни вообще не только не полезны, но и противопоказаны. Например, беспрекословно выполнять приказ — положение, на котором строятся армейские отношения. Ведь «на гражданке» это означает лишение права голоса, права собственного мнения и самостоятельного поступка. Но что станет с армией, если из Устава исключить это положение? Пока на Земле существует опасность какой-бы то ни было войны, армия должна оставаться армией, а не спорт-клубом, где торжествует полный плюрализм мнений, а солдаты — защитниками, а не воспитанниками.

...Бой закончился. Мы идем вдоль цепочки зарывшихся в землю воинов. Ребята перекурили и стали закапывать отрытые несколько часов назад окопы. Делают они это аккуратно, со знанием. Сначала ссыпают землю с бруствера, потом покрывают ее отложенным в сторону дерном. Командир полка наклонился к моему уху и шепнул: «Обрати внимание. Это уже не боевая учеба. В бою им это не понадобится». Я поворачиваюсь и иду назад искать Джеймса. Его фигурка маячит невдалеке. Джеймс — хороший профессионал. Он уже снимает.

ПРОШУ СЛОВА!

КАК СТРОИТЬ БУДЕМ?

От декабря пятьдесят четвертого, когда Н. С. Хрущев произнес знаменательную речь с трибуны кремлевского Совещания строителей, повергшую в прах достоинство архитектуры, и до сентября восемьдесят седьмого, отмеченного партийно-правительственным постановлением о дальнейшем ее развитии, прошло, как в сказке, тридцать лет и три года. Не касаясь сегодня положительных и отрицательных итогов пройденного этапа, отметим иное — очевидный ущерб, понесенный архитектурой в эти годы. Есть поразительный, еще до конца не исследованный феномен, понуждающий массы неглупых и образованных людей в течение многих лет думать и действовать вопреки здравому смыслу, безоглядно нагромождая одну на другую социальные, экономические, организационные и эстетические нелепости. И все это делается до некоего счастливого момента всеобщего отрезвления, когда — в свете гласности — все вдруг становится на свои места и прозревшее в одночасье общество возвращается к здравому суждению. Вот тут поневоле приходит в голову мысль, почему-то не осенившая до сих пор просвещенных медиков, что и психические заболевания могут носить инфекционный характер, заражая собой миллионы людей, населяющих гигантские территории.

Феликс НОВИКОВ, секретарь правления Союза архитекторов СССР

Чем же мы «болели» все эти годы? Конечно, мы знаем, что всегда, во все времена, в любых человеческих поселениях наряду с уникальными творениями присутствовал элемент стандарта, характеризующий то, что мы теперь зовем массовым строительством. Но еще никогда и нигде господство стандарта не обретало столь чудовищные размеры. Это явление еще подлежит изучению. Как оно могло сочетаться — гуманное демократическое стремление дать жилище людям с беспрецедентной централизацией — всем одно и то же? А ведь теперь стало известно: даже такая степень типизации не привела нас к первенству в жилищной обеспеченности. Дело ведь не в абсолютных числах, а в относительных: по количеству ежегодного прироста жилья на тысячу жителей мы далеко за пределами первой десятки. (Между прочим, любопытный факт: в США есть законодательство, запрещающее строительство одинаковых зданий.)

Должно быть, и наши потомки продолжат поиск причин всего сложившегося в прошедшем тридцатитрехлетии. Жаль только, что, пока мы доискиваемся истины, расходуем мысль, энергию, эмоции на преодоление всего, что нам досталось от прошлого, другие, чей современный опыт свободен от подобных явлений, оторвутся от нас на значительное расстояние, окажутся куда ближе к идеалам грядущего. Жизнь подтверждает: перестраиваться куда сложнее, чем строить что-либо заново. Нужны ведь усилия на обследование действующей конструкции, на ее демонтаж, на решение каждого перестраиваемого узла, на наладку преоб-

Фото Игоря ГАВРИЛОВА

разованной системы. Но разве кто-нибудь знает другой путь?

Сегодня нередко ведется речь о виновниках происходившего, без чьей решающей роли не случилось бы всего случившегося. Однако в любом рассуждении на эту тему неизбежно звучит местоимение «мы». Истец невольно приобщается к ответчику, жертва — к палачу, безвинный — к виновному. Есть немалое число людей, которых я позволю себе именовать «главными послевоенными преступниками». Среди них найдутся и мои собратья по профессии. Я думаю, что так дóлжно назвать тех, кто поставил экономику, науку, технику, культуру и, в частности, градостроительство победившей страны в арьергард побежденным. Но все же, как бы то ни было, без нашего общего взаимного соответствия ничего подобного быть не могло. Ведь мы только в пору наступившей гласности избавляемся от безоглядного оптимизма и языческой веры в бессмысленные призывы, приглашавшие нас «верным путем» следовать в будущее.

В своих публикациях я сознательно избегал употребления цитат, принадлежавших высшим руководителям. И все же однажды привел понравившееся мне, кем-то ему составленное, изречение Л. И. Брежнева: «Мы должны работать сегодня так, чтобы наши дети и внуки могли возводить все новые и новые этажи того здания, которое мы строим, а не переделывали бы то, что уже сделано». А поскольку мы все по иронии судьбы заняты теперь как раз тем, чем, согласно данной рекомендации, заниматься не следовало, я, во искупление, привожу ее вторично...

Кафе «Атриум», на московском Ленинском проспекте сделано руками молодых архитекторов, тех самых, что прослыли победителями международных конкурсов на абстрактные темы концептуального содержания. Руками в прямом смысле этого слова. А как же сделаешь такое иначе? В столице сегодня не сыщешь подрядчика, способного это исполнить. Где они, мастера по искусственному мрамору, где лепщики, что некогда (тридцать три года назад) по эскизу архитектора могли «сработать» капитель любой сложности?.. Во всем наимощнейшем образовании Мосстройкомитета не найдется сегодня подобного мастера. Говорят, будто архитекторы немного взяли с заказчиков-кооператоров за строительство «Атриума». А между тем было бы вполне справедливо, если бы с каждого блюда, проданного по кооперативной цене, свой процент полагался и архитектору. Ведь, закусывая, клиент «ест» глазами архитектуру, а запивая закуску, «упивается» ею же. Можно ведь точно выяснить, какая часть посетителей привлекается в «Атриум» его интерьером. В этой полушутке есть своя доля полуправды. Но архитекторы, предлагающие идеи, не реализуемые силами своего подрядчика, не оцененные своим заказчиком, могут в конечном счете найти и других, способных должным образом оплатить и исполнить оригинальные авторские замыслы. Ведь уже сегодня, в иной сфере, мы реально сталкиваемся с явлением подобного характера. Заказчики с серьезными намерениями и возможностями откровенно предпочитают иметь дело с инофирмой как гарантом краткосрочности и качества любой реализации. Известно, что в процессе передачи работ по завершению затянувшегося на многие годы строительства здания Президиума Академии наук югославскому подрядчику представители фирмы недвусмысленно намекнули: чем скорее уйдет с площадки «Академстрой», тем меньше будет переделок и тем скорее будет закончен объект. Мы уже привыкли к тому, что для любой уникальной или срочной задачи нужны иностранные материалы, иностранное оборудование, руки иностранца. И ничего дурного в этой форме экономического сотрудничества не было бы, если бы она чем дальше, тем больше не становилась панацеей от долгостроя и дурного качества работ.

Похоже, что сегодня развелось слишком много желающих создать с кем-либо совместное предприятие и таким путем на чьем-либо «горбу», что называется, «въехать в экономический рай». И хотя разносторонние деловые связи, бесспорно,— благое занятие, все же есть только два способа привести мир к единству и гармонии. Либо раз и навсегда отучить работать общество капитала, а это представляется непосильной задачей, либо — и это тоже выход — начать самим трудиться столь же эффективно, как они. А пока что своему подрядчику мы оставляем массовое, типовое, где требования во всех ипостасях заведомо принижены. И вот «совершенствуется» с годами отработанный примитив стандарта с доморощенным представлением об эталоне качества, о классе архитектурной детали. А в ответ на авторскую претензию строитель расскажет о том, как А. Н. Косыгин, осмотрев объект, исполненный теми же югославами, и поинтересовавшись мерой оплаты их труда, заметил, что за такие деньги и наш рабочий хорошо бы справился со своим делом. Но только я не думаю, что иностранный специалист, услышав упрек в том, что он исполняет работу не по проекту, ответит, подобно нашему, широко распространенной фразой — «это не моя проблема». Деградация культуры подряда свелась сегодня к крайней степени. И даже у знаменитых в прошлом мощных московских трестов, возводивших в конце пятидесятых, в шестидесятые годы самые престижные по тем временам объекты, и у тех сегодня все из рук валится — и сроки, и качество. Кто хочет убедиться, пусть посетит любую «оперативку» на любой стройке.

И когда говорится о необходимости конкуренции, о договорной цене, о торгах на подряд, о различии самих форм подряда, то в этом видится реальный выход из создавшегося тупика. А между тем на фоне рассуждений о пользе децентрализации в столице динамично развернулся «антипроцесс» создания, невиданного по степени централизации и хищно поглощающего проектные мощности Главмосархитектуры. И хотя руководство комитета провозглашает новую суперорганизацию гарантом выполнения программы двухтысячного года, происходящий на наших глазах раздел столичных творческих образований скорее всего приведет нас к такому ее исполнению, что потребует новой перестройки, которая будет уже бесполезной. А пока что ленинградские коллеги, выражая сочувствие москвичам, с тревогой смотрят на свое руководство, готовое по столичному образцу создать своего подрядного монстра.

В четырнадцатиэтажном доме, что стоит близ зеленой московской магистрали, живут причастные к искусству люди, считающие себя носителями подлинной культуры. Нечасто, но случается, что в том доме одновременно выходят из строя оба лифта и тогда жильцам поневоле приходится пользоваться так называемой незадымляемой лестницей, связанной с каждым этажом через открытую лоджию и тем самым обеспечивающую безопасность пожарной эвакуации. Так вот, вынужденный однажды пройти по ней, я обнаружил, что на всех двадцати восьми ее площадках разбиты плафоны освещения, на всех вывинчены лампочки, а по меньшей мере на половине вместе с проводами вырваны патроны. Подъезд, как нынче заведено, оборудован кодовым замком, но тем не менее нельзя утверждать, что этот погром учинен жильцами дома. Речь, впрочем, не о факте — о явлении. Лестница ничья, и потому она разорена. Поэтажные лестничные холлы примыкают к квартирам. Там светильники целы. Но я лишь в одном доме видел ухоженный вестибюль с бассейном и озеленением, в том, что круглосуточно охранялся милицией вместе с проживавшим в нем в ту пору Председателем Совета Министров.

Что же до обычных домов, там оберегаемый мир человеческих интересов, ценимого имущества и покоя начинается за квартирной дверью. Остальное не наше. Никому не принадлежит и, как теперь говорят, никого «не колышет». Это равнодушие распространяется на дворы, подъезды, улицы, площади, и подчас диву даешься, даже в центре столицы, специально предназначенном для ее украшения.

Всем недосуг стереть накопившуюся за годы грязь на плитах полированного

гранита маленького фонтана, что сделан «для красоты» на Пушкинской площади напротив памятника поэту. И, возможно, пыль будет копиться и впредь, пока кому-либо не придет в голову окрасить гранит масляной краской, как это сделано с полированным цоколем входных арок метрополитена на площади Дзержинского. Варварство обретает все более опустошительные размеры. Оно начинается с такой мелочи, как телефонные автоматы, и кончается центральными районами исторических городов, где дома и дворы доведены до такого состояния, что уже никакие вложения не способны поддержать их дальнейшее существование, а строительных мощностей и ресурсов не хватает даже на те объекты, которые олицетворяют собой престиж города и страны. Ведь и в этом деле Москва и Ленинград не в силах обойтись без иностранного подряда. И, кажется, уже недалеко время, когда объекты нового строительства окажутся не в состоянии покрыть «естественную» убыль старого жилого фонда.

Однако и в тех случаях, когда ремонт производится, мы неизменно обнаруживаем контраст между качеством первичного исполнения и вновь воспроизведенного объекта. Там вместо старых резных дверей устанавливаются типовые, облицованные рейкой, куда-то исчезают бронзовые ручки, фасонные ограждения и т. п.

Есть принципиальная разница творческой миссии архитектора и художника. Художник, завершивший исполнение изображения на холсте или листе бумаги, может считать себя свободным, в то время как для архитектора, начертившего проект на том же листе, неотвратимо наступают многолетние неприятности. И мне множество раз случалось видеть вновь возведенные объекты, где за небрежностью исполнения, равнодушием заказчика и подрядчика с трудом угадывались добрые намерения архитекторов. И потому я с сочувствием вспоминаю горькую сентенцию автора, сказавшего в сердцах при виде своей изуродованной постройки: «Если метание бисера посчитать видом спорта, то я заслуженный мастер».

В книге Андрея Бурова «Об архитектуре» есть остроумный рассказ о населяющих доисторический океан хищных ихтиозаврах, внушающих страх всему живому в его водах. Страх был наследственным инстинктом у всех рептилий, а сознание превосходства — инстинктом хищников. Спустя века рептилия, утратившая наследственное почтение, напала на ихтиозавра. Тот гневно кинулся на врага с раскрытой пастью, в которой не было... зубов. Они атрофировались.

Похоже, что нечто подобное произошло с архитектором, что тридцать три года жаловался на засилье «типового», а получив свободу индивидуального творческого самовыражения, оказался неспособным предложить что-либо достойное. За эти десятилетия почти перевелись люди, искренне увлеченные, способные беззаветно отдать ум, талант, энергию великому делу градостроительства. В равнодушии к нему воспитано едва ли не все действующее поколение созидателей. Не так уж редко мы сталкиваемся теперь с предпочтением продолжать все по-старому — по типовому. Насколько такая жизнь проще, чем риск участия в конкурсе, борьба творческих позиций, необходимость публичной защиты своих идей... Ведь теперь архитектор, сетовавший в недавнем прошлом на волевые установки сверху, сплошь и рядом встречает столь же императивные проявления снизу. Им тоже не следует потакать. В конечном счете волюнтаризм любого толка — что сверху, что снизу — одного поля ягоды. За ним всегда стоит невежество, неспособность обосновать решение, отсутствие логических доводов. И доказать общественности свою правоту можно только активной творческой позицией, убедительной аргументацией, объективными достоинствами градостроительной идеи.

Оценивая сегодня профессиональный опыт прошедших лет, можно без особой натяжки утверждать, что в массовом своем проявлении он был по преимуществу отрицательным.

Однако каким же образом объяснить отдельные успехи архитектуры, которые ни профессионалы и никто другой не ставят под сомнение? Ведь есть же признанное мастерство и объекты, его олицетворяющие. Что здесь сказать? В семье не без урода. Едва ли не каждый лебедь зодчества нежданно вырастал из запланированного гадкого утенка. Архитекторы, фанатично преданные профессиональному долгу, обходясь по большей части без поддержки заказчика, увлекая своей идеей строителя, так или иначе достигали цели. И хотя можно говорить о более благоприятственной атмосфере творчества в Литве или Армении, относительно лучшем качестве строительства на Украине и в Белоруссии, тем не менее в подавляющем числе случаев успех архитектора есть аномалия, явление, называемое на транспорте противопотоком. И как же могло быть иначе, если вся государственная машина контроля во имя защиты ложно понимаемых интересов общества тридцать три года бдительно охраняла наши города и села от индивидуальных творческих проявлений. И как же можно было с ней бороться, если еще в прошлом веке архитектор Модюи в обращении к французскому послу в России проницательно подметил: «В этой стране человек, состоящий на государственной службе, неуязвим».

Разные авторы, со ссылкой на разные авторитеты, утверждают, будто и заказчику необходим талант, без коего недостанет таланта архитектора на реализацию творческого замысла. Я теперь не разделяю такого суждения. Не модное у нас понятие «меценатство» — то самое общественное явление, на которое надежно опирается любая строительная программа. Меценатство императорского дома, духовенства, дворянства, купечества — вот те дрожжи, на коих всходила отечественная архитектура, чью славу мы теперь тщимся сохранить и приумножить. Но это никак не дается нам, ибо полагаем, что кнутом да пряником побудим зодчего к дисциплинированному творчеству и, стукнув кулаком по столу, добьемся от подрядчика исполнения объекта в срок.

А между тем в меценатстве сливались воедино интересы всех созидателей. И когда от автора требовалась уникальность решения, а подрядчик знал, что, сотворив все точно по проекту, и он не останется внакладе, тогда, само собой, разделял с ними славу и заказчик, ставший вместе с тем еще и владельцем уникального творения.

Что же мы-то с заказчиком сделали? А мы лишили его имени собственного, обозначив аббревиатурой «УКС». Создали единого заказчика — равнодушного ко всему, чему он должен покровительствовать. Он — единый — обезличенно представляет все коллективы, все общественные интересы, безразличные ему в одинаковой степени. Отвечая за сроки вместе со строителем, он спешит сбыть объект с рук, побуждает зодчего к профессиональному примитивизму, и антиархитектурное слово «привязка» тридцать три года было главным в его лексиконе.

Все пока происходит по ясной и давно определенной схеме. Средствами сложившейся строительной базы создаются стандартные формы, а затем жизнь — хочет она того или нет — вынуждена вписываться в эти формы. А между тем все должно складываться противоположным образом. Вопрос о приоритете целей над средствами есть тот корень, из которого должна прорасти перестройка в градостроительстве. Либо мы будем только наращивать количество — городов, домов, этажей, квартир,— либо во главу угла встанут подлинные долговременные интересы людей, и тогда к двухтысячному году мы обретем новый образ городской и сельской жизни и вместе с тем — новый облик городов и сел.

И, должно быть, следует условиться еще об одном. Надо бы избавить архитектуру от навязываемой ей миссии олицетворения мнимого величия эпохи, демонстрации ложного торжества и неподдельного самодовольства — всего, что олицетворяется в гипертрофии масштабов, в дутом пафосе так называемого синтеза искусств. И разве не эти качества послужили поводом к беспрецедентному в истории человечества творческому краху проекта монумента на Поклонной горе?..

Вся власть Советам! Общество вторично стремится реализовать этот призыв. А какие формы власти надобно применить к автору, к заказчику, к строителю?

Если вместо единого заказчика выступит непосредственно заинтересованная кредитоспособная организация, выражающая волю своего коллектива; если она при этом будет освобождена от жесткой власти норматива и заимеет право самостоятельного определения своих социальных целей, это будет первая степень свободы для архитектуры.

Если мы освободим проектные фирмы от подчинения ведомствам или местной власти, если архитектор будет избавлен от необходимости выполнять указания чиновного министра или мэра и если избавление распространится от Москвы до самых до окраин, это будет второй степенью свободы для архитектуры.

Надо бы еще освободить подрядчика от той же ведомственной или местной зависимости, чтобы и строитель был свободен от волевых сроков, от переброски с объекта на объект, от председательствующих на «оперативках» и путающих все «карты» представителей директивных органов. Надо бы к тому же освободить автора от диктата освобожденного строителя. И если подрядчик будет занят собственным самоуправлением, устранившись от управления зодчеством, это будет третьей степенью свободы для архитектуры, которая в этих условиях выступит перед обществом во всем спектре своих возможностей.

ПУТИ-ДОРОГИ РЕПОРТЕРА

На центральный аэродром имени М. В. Фрунзе (где сейчас Центральный аэровокзал) были приглашены генералы и офицеры для ознакомления с необычным в ту пору летающим аппаратом без крыльев. Это был первый вертолет конструкции М. Л. Миля, трехместный «Ми-1». Вертолет специально завис над полем, и желающие могли испытать себя. Рябчиков, решительности которому было не занимать, ринулся к трапу. Именно в это мгновение и сфотографировал его Дмитрий Бальтерманц. Василий Сталин, устроивший эти смотрины, приговаривал стоящим военным чинам: «Как видите, даже гражданские лица смогут при необходимости забраться по трапу».

Через восемь лет корреспондент «Огонька» Евгений Рябчиков рассказывал на страницах журнала уже о вертолетной станции и вертолетах, которые доставляли авиапассажиров в Шереметьево. Однажды в числе их был и Н. С. Хрущев.

Евгений Иванович Рябчиков... Маэстро советского классического репортажа, способный «все успевать, работать точно и быстро, на тех необходимых журналисту скоростях, которые составляют неотъемлемую часть его мастерства». Ему позавидовал даже сам Константин Симонов, которому принадлежат эти слова.

Неукротимая энергия и жажда познания жизни влекли Рябчикова на дальневосточную заставу к знаменитому Карацупе, в Арктику и в Антарктиду; в путешествия на плотах по Ангаре и порогам Енисея; на трассу будущего канала Волго-Дон; к месту взрыва атомной бомбы... Героем первой книги Рябчикова, вышедшей в 1935 году, когда он работал еще в «Комсомольской правде», стал летчик Михаил Громов. И эта тема станет для него главной на многие десятилетия, он создаст галерею документальных очерков о советских авиаторах и конструкторах.

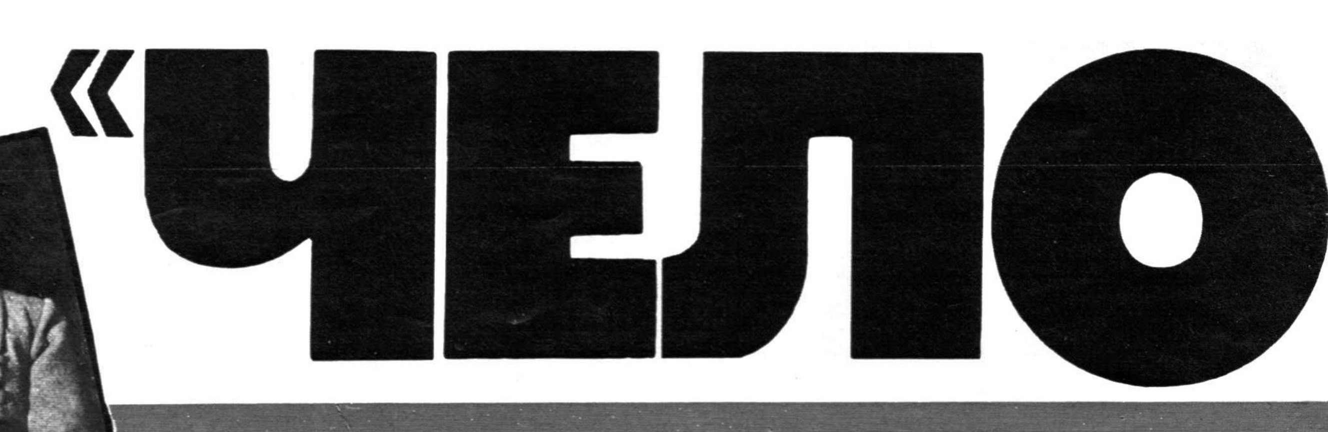
Неуемная жажда жизни помогала выстоять Рябчикову в мрачную пору сталинщины. После того как была сфабрикована версия об убийстве С. М. Кирова ставленниками «объединенной троцкистско-бухаринской банды» и началось истребление неугодных политических деятелей, репрессиям подверглись и журналисты. Корреспондента «Комсомолки» Рябчикова арестовали в сентябре 1937 года. В обвинение ему ставились встречи с Тухачевским, серия репортажей с Дальнего Востока, с той самой пограничной заставы, где он, изучая труд следопытов, пробыл полгода — «не иначе как общался с японцами». Даже учеба в аэроклубе ставилась ему в вину: значит, собирался улететь... в Англию?!

«Нас повезут по тюрьмам и лагерям. Мне много лет. Ты молодой, береги себя, держись»...— напутствовал его в Бутырке старый большевик Иван Ротченко. «Ты должен выжить, чтоб рассказать о мужестве советских людей»,— наставлял Рябчикова Александр Иванович Тодорский, известный военачальник, участник еще первой мировой войны, автор книги «Год с винтовкой и плугом. 1917», получившей положительную оценку Ленина.

И журналист Рябчиков, познавший допросы и тюрьмы, бараки лагерей и каторжный труд, выжил. Выстоял! И снова он берется за самые трудные темы. В КБ Яковлева созданы первые реактивные самолеты. Казалось, и речи не может быть о том, чтоб о них написать. И все же Рябчиков летит. Перед полетом он оставляет заявление, в котором просит в случае его смерти никого не винить...

В светлый день 80-летия огоньковцы желают Евгению Рябчикову доброго здоровья и творческих удач!

Галина КУЛИКОВСКАЯ

ЭТА ФРАЗА ЯВЛЯЕТСЯ ПОДЗАГОЛОВКОМ КНИГИ ПРОФЕССОРА МИЧИГАНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА РОБЕРТА ШЛАССЕРА «СТАЛИН В ОКТЯБРЕ», ИЗДАННОЙ В США В 1987 ГОДУ. ЕЕ СОДЕРЖАНИЕ ШИРЕ ЭТОГО НАЗВАНИЯ — ОХВАТЫВАЕТ СОБЫТИЯ ОТ МАРТА ДО ОКТЯБРЯ 1917 ГОДА, ТО ЕСТЬ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СТАЛИНА НА ПРОТЯЖЕНИИ ВСЕГО ПЕРИОДА ПЕРЕРАСТАНИЯ БУРЖУАЗНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В СОЦИАЛИСТИЧЕСКУЮ. ЕСТЕСТВЕННО, ВЗГЛЯДЫ АВТОРА ВО МНОГОМ ТРЕБУЮТ КРИТИЧЕСКОГО К НИМ ОТНОШЕНИЯ.

«ОГОНЕК» УЖЕ ПУБЛИКОВАЛ (1988, № 45) ОТРЫВОК ИЗ КНИГИ С. КОЭНА «БУХАРИН», КОТОРАЯ НА ДНЯХ ВЫХОДИТ В СВЕТ. СЕГОДНЯ ПРЕДЛАГАЕМ ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ ОТРЫВОК ИЗ ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЙ ЧАСТИ КНИГИ Р. ШЛАССЕРА, ВЫПУСК КОТОРОЙ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ ГОТОВИТСЯ СЕЙЧАС ИЗДАТЕЛЬСТВОМ «ПРОГРЕСС».

Роберт ШЛАССЕР

Сталина, разумеется, никак нельзя упрекнуть в недостатке ума. Но порой он с трудом воспринимал новую для него ситуацию. Он мог допускать грубые просчеты, впервые сталкиваясь с непривычными для него проблемами, но он также умел учиться на ошибках. Наиболее успешно он добивался осуществления своих целей тогда, когда действовал осторожно, обдуманно и энергично в ситуации, досконально изученной им на основании прошлого опыта. Осуществленная большевиками операция по взятию власти представляла собой уникальную акцию, не оставлявшую больших шансов на успех тем, кто, подобно Сталину, не умел схватывать все на лету, а, напротив, готовясь к тем или иным событиям, нуждался в предварительных прикидках и примерках. Так что большевистская революция оказалась для Сталина операцией, в которой он заранее был поставлен в весьма неблагоприятные условия. Трудно при этом выделить какой-то один фактор; судьбу Сталина решило роковое стечение целого ряда субъективных обстоятельств, а также низкая оценка способностей Сталина в глазах других руководителей и, наконец, просто элементарное невезение — зайди он случайно в Смольный утром 24 октября, и все дело могло обернуться для него совершенно иначе.

Что может быть более позорным для человека, претендовавшего на место в руководстве партии и уже грезившего о том, чтобы стать ее единственным вождем,— чем упустить великий и неповторимый момент триумфа, момент взятия власти? Потребуются многие километры печатного текста, реки чернил и крови, пока Сталин наконец не успокоится, уверившись, что его отсутствие среди тех, кто руководил революцией 1917 года, навсегда стерто из памяти людей.

Но как же все-таки случилось, что Сталин прозевал Октябрьскую революцию? Простейшим ответом на этот вопрос — и ответом, в котором, пожалуй, кроется три четверти истины,— будет следующий: взятие большевиками власти — дело рук слаженного коллектива, а Сталин отнюдь не отличался умением работать в общей упряжке. Если прибавить, что об отсутствии у него способностей участвовать в коллективных акциях догадывались и те, кто организовывал и руководил этой операцией, то это увеличит вероятность нашего утверждения. Чтобы еще ближе подойти к объяснению, сфокусируем внимание на двух группах важных фактов, сыгравших свою роль в ходе развития событий, участником которых оказался Сталин: это структура руководства Октябрьской революцией и характер участия Ленина в обеспечении победы большевиков.

Структура большевистского и советского руководства в Петрограде накануне Октябрьской революции была уникальной во всей большевистской истории. Начнем с самой партии и ее Центрального Комитета. В первые три с половиной недели октября 1917 года в ЦК обострились разногласия, причина которых — требование Ленина о немедленном восстании, с одной стороны, и различная реакция на это требование со стороны остальных членов ЦК — с другой. Двумя наиболее явными и последовательными оппонентами Ленина оказались Каменев и Зиновьев, ранее считавшиеся наиболее верными и надежными его соратниками.

Признанный вождь партии, Ленин был вплоть до последней недели октября вынужден скрываться, и почти все это время ему приходилось доводить свои замыслы до сведения ЦК с помощью писем и директив. Из всех регулярных заседаний ЦК, проведенных до взятия власти, он лично присутствовал лишь на двух — 10 и 16 октября. Речь в данном случае вовсе не о том, что он в этот период не осуществлял руководства — нет, он по-прежнему руководил партией. И все-таки между присутствующим Лениным и Лениным отсутствующим была большая разница.

Для Сталина стремительное изменение расстановки сил в руководстве партии (прекращение деятельности образованного сразу после VI съезда партии «узкого состава» ЦК, в который входил Сталин, переход в открытую оппозицию Каменева и Зиновьева, отсутствие Ленина и возвышение Троцкого, избранного в сентябре по предложению ЦК большевистской партии председателем Петроградского Совета), создавало ситуацию, в которой ему становилось все труднее обрести твердую точку опоры. Насколько мало он понимал,

ВЕК, КОТОРЫЙ ПРОЗЕВАЛ РЕВОЛЮЦИЮ»

что происходит, показывает его неподписанное примечание от редакции, опубликованное в «Рабочем пути» 20 октября, в котором он высказал сожаления по поводу резкости ленинских нападок на двух «штрейкбрехеров» и заявил, что «в основном мы (включая Каменева и Зиновьева.— **Р.Ш.**) остаемся единомышленниками».

По собственной воле и собственному выбору — из-за своей обычной осторожности перед непривычными проблемами, объясняющей многие его поступки, Сталин уклонился от активной работы в двух органах, сыгравших ведущую роль в осуществлении взятия власти. Речь идет о созданном при руководимом Троцким Петроградском Совете Военно-Революционном Комитете (ВРК), а также большевистской Военной организации (ВО), которая служила для ВРК резервуаром людских ресурсов, но тесные связи с которой у Сталина нарушились вследствие его высокомерного отношения к ней еще в августе. Конечно, ко 2 октября он не мог не знать о существовании ВРК и при желании имел все возможности принять активное участие в его деятельности, но Сталин не оценил скрытого потенциала, который был заложен в ВРК. На стороне Сталина были осторожность и недоверие, на стороне ВРК и ВО — полная концентрация сил на решении неотложных задач, не оставлявшая им времени для забот о том, как бы Сталин не оказался вне игры...

После смерти Сталина и атак Хрущева на культ личности советские историки и их патроны в Центральном Комитете партии оказались перед весьма серьезной проблемой: если уж необходимо заново переписать партийную историю, то кто же тогда займет в ней центральное место, которое ранее в течение многих лет занимал Сталин, изображающийся как правая рука Ленина? Следовало ли для этого реабилитировать Троцкого, вернув ему позиции, которые бы более или менее соответствовали его истинной исторической роли, или лучше по-прежнему отрицать ту ведущую роль, которую он сыграл в операции по взятию власти? Ответ партийных идеологов был ясным и не допускал ни малейших сомнений: позор, которым было покрыто имя Троцкого как врага, если оно вообще удостаивалось упоминания, должен был тяготеть над ним и дальше, а его роль в октябрьских событиях следовало отрицать столь же яростно, как это было при Сталине.

Снижение роли Сталина при упорном отрицании значения Троцкого не оставляло партийным идеологам никакого иного выбора, кроме как еще больше возвеличивать роль Ленина. В результате его фигура, уже и без того занимавшая центральное место, после 1956 года обрела поистине гигантские размеры. Ленин, в соответствии с новой советской историографией, явился не только инициатором и создателем теоретических основ большевистской стратегии, но и непосредственно руководил повседневной подготовкой победы революции.

Непреодолимым препятствием на пути признания интерпретации событий в духе такой версии служит страстное письмо в ЦК, написанное Лениным вечером 24 октября 1917 года, накануне взятия власти. Оно проникнуто мучительной тревогой, что ничего не делается для свержения Временного правительства и может оказаться безрассудно упущенным шанс на победу. И это написано в тот момент, когда ВРК уже предпринимал все возможное, чтобы обеспечить окончательную победу над одряхлевшим правительством Керенского. Просто невозможно представить, чтобы Ленин написал это письмо, датированное вечером 24 октября, если бы он действительно лично руководил деятельностью ВРК. Такой страстный призыв к действию мог написать только человек, сжатый в тисках почти физического ощущения надвигавшейся катастрофы. Не исключено, что существенный вклад в то, что Ленин оказался в таком положении, внес и Сталин, который с лета был одним из связных, в чьи функции входило держать вождя партии в курсе текущего состояния дел. Совершенно утратив к 24 октября связь со стремительно разворачивавшейся драмой восстания, Сталин вряд ли мог служить для Ленина действительно достоверным источником информации.

Еще одной причиной, заставляющей усомниться в правомерности указанной интерпретации событий, служит то, что выдвинутая Лениным стратегия — всенародное вооруженное восстание — так фактически и не осуществилась. То, что произошло на самом деле, оказалось хорошо скоординированным захватом власти в столице, вслед за которым через различные промежутки времени произошли аналогичные события в Москве и других крупных городах по всей Российской империи. Я далек от мысли отрицать важность крестьянских волнений и мятежа в войсках — ведь именно они-то в конечном счете и обеспечили основу для смены власти в Петрограде. Однако как крестьянские волнения, так и мятеж в войсках находились в то время уже в стадии развития, а вовсе не носили характера внезапного резкого взрыва.

Задача, которую поставили в 60—70-е годы перед советскими историками партийные идеологи, оказалась практически невыполнимой. С одной стороны, предписывалось рисовать образ Ленина как главной фигуры в операции по захвату власти. С другой — требовалось выставлять Троцкого как некоего коварного злоумышленника, который, настаивая на том, чтобы оттянуть восстание и приурочить его к созыву II Всероссийского съезда Советов, едва не погубил всю ленинскую стратегию. Для Ленина ждать съезда Советов было равносильно предательству — отсрочка может оказаться роковой, уникальная возможность будет безвозвратно упущена. Однако не настаивай Троцкий на том, чтобы оттянуть действия и приурочить их к съезду,— и октябрьские события не вышли бы по своей значимости за рамки обыкновенной попытки захватить власть, воспользовавшись моментом смертельного недуга находившегося у власти правительства.

И все-таки вклад Ленина в победу большевиков оказался решающим в двух отношениях. Прежде всего, неустанно требуя от партии подготовки к захвату власти, Ленин привносил то нагнетание напряженности, важность которого ни в коем случае не следует недооценивать. Под мощным давлением его страстных призывов к немедленным действиям взорвалась и распалась на части старая руководящая группа — Каменев и Зиновьев перешли в открытую оппозицию, Сталин пребывал в нерешительности. Не будь энергии и энтузиазма двух новых лидеров — Свердлова и Троцкого,— ленинские упорные призывы могли бы так и не воплотиться ни в какие конкретные действия.

Сталин тем временем пытался сориентироваться в новой обстановке, исходя из прежних, не таких лихорадочных времен. Его стремление заслонить Зиновьева от ленинского гнева, а также безуспешная попытка притупить остроту ситуации, вызванной заявлением Каменева о намерении выйти из состава ЦК, со всей наглядностью демонстрируют, сколь мало понимал он новую обстановку, сложившуюся к 24 октября.

Как это ни парадоксально, но еще одним важным вкладом Ленина в триумфальную победу большевиков явилось то, что он привнес мысль о вооруженном восстании, которая позволила превратить захват власти в один из наиболее глубокочтимых и мощных символов марксизма. Время действия — а оно совпало не только с созывом II съезда Советов, но и с одновременным развалом дисциплины в армии, поддержкой со стороны петроградских рабочих и стремительным углублением и расширением крестьянских волнений — давало представителям партии основания утверждать, что события, которые произошли в Петрограде 24—25 октября, на деле были тем самым вооруженным восстанием, на необходимости которого настаивал Ленин.

Для Сталина последствия этой ситуации оказались весьма неблагоприятными. К 24 октября он уже рассматривал вооруженное восстание как очередную задачу партии и в своей редакционной статье, опубликованной в тот день, выдвинул свою собственную интерпретацию ленинской платформы. Однако поскольку Ленин так и не видоизменил свою стратегическую цель, чтобы привести ее в соответствие с изменившимся «текущим моментом», Сталин оказался в результате без руля и без ветрил. Внешнее совпадение между стратегическими предвидениями Ленина и эпохальными событиями 24—25 октября 1917 года неизмеримо усилило позиции Ленина как в партии, так и в истории — совершенно независимо от того факта, что выбор времени и условий захвата власти был отнюдь не в его власти. Не обладая ни ленинским авторитетом, ни его способностями к предвидению, Сталин не смог с той же легкостью оправиться от последствий собственных просчетов. И в будущем его постоянно станет преследовать мысль, что он так или иначе прозевал революцию.

В сущности, так ли уж это важно, что Сталин пропустил революцию? Можно ведь, как это делают некоторые западные историки, представить Сталина честолюбивым и подававшим надежды партийным деятелем, чей вклад в общий успех большевистской политики в 1917 году оказался если и не выдающимся, то, во всяком случае, вполне весомым. Нисколько не подвергая сомнению аргументы, которые при этом приводятся в защиту послужного списка Сталина в 1917 году, можно тем не менее заметить, что этот список не имеет ничего общего с теми деяниями, которых требовало сталинское «я». Осознание Сталиным несоответствия между его честолюбивыми планами и реальными событиями 1917 года привело к целому ряду важных последствий.

Первой и необходимой предпосылкой создания хоть сколь-нибудь приемлемой для Сталина летописи событий той поры были дискредитация, разрушение и искоренение образа Троцкого как одного из двух главных вождей, который наравне с Лениным обеспечил победу большевиков. Эта задача — оказавшаяся не такой уж сложной благодаря промахам самого Троцкого и его недооценке личности Сталина — была завершена к 1929 году, когда Троцкий, лишившись власти, был выслан из страны. Однако поверженный Троцкий, подобно легендарному призраку, упорно отказывался смириться со своим поражением и послушно уйти в небытие — потребовалось еще целых одиннадцать лет, прежде чем Сталину наконец удалось уничтожить его самого и заставить замолчать его обличающий голос.

Гораздо более трудным оказалось для Сталина переписать по своему вкусу историю революции. В известном смысле эту проблему Сталин так до конца и не решил. Общие контуры истории революции были уже слишком четко обозначены, чтобы дать возможность для какой бы то ни было ее переориентации в соответствии с постав-

ленными им целями. Даже в написанной в конце 30-х годов по его указанию истории партии, знаменитом «Кратком курсе», Сталину и выполняющим его волю историкам так и не удалось создать хоть мало-мальски правдоподобный образ Сталина как равного Ленину вождя большевистской партии в 1917 году.

Но Сталину требовалось нечто большее, ему надо было продемонстрировать, что он, Сталин, способен спланировать и возглавить революцию еще более радикальную, еще более грандиозную по масштабам, чем триумфальная победа Ленина в 1917 году. Проводимая под руководством Сталина в 30-х годах «революция сверху» — коллективизация сельского хозяйства, создание основ тяжелой индустрии и сопровождавшая все эти сдвиги глубокая социальная перестройка — явилась среди всего прочего еще и демонстрацией Сталиным своих способностей «делать революцию», по которым он не только оставил далеко позади Троцкого, но даже «превзошел» самого Ленина.

Однако это еще не все, впереди была сталинская «вторая революция», которой предстояло решить другую важную для него задачу. Сталин никак не мог смириться с существованием живых свидетелей событий 1917 года, знавших действительность его притязаний на лидирующую роль в революции. Среди мотивов, побудивших Сталина развязать «великую чистку», в числе жертв которой оказалось очень много старых большевиков, далеко не последнее место занимала эта острая потребность уничтожить и заставить замолчать неудобных свидетелей. Та садистская жестокость, с которой он преследовал и уничтожал тех, кто не удосуживался «вспомнить» его роль такой, какой бы он желал запечатлеть ее в истории, явилась следствием горьких воспоминаний о своих промахах и просчетах 1917 года.

Итак, именно осознание Сталиным допущенной им ошибки 1917 года в конечном счете толкнуло его к высотам и безднам его собственной революции, результатом которой стали новое общество, новая Коммунистическая партия и новая нация.

ВСЕГДА ЛИ МОЖНО КЛИН ВЫШИБАТЬ КЛИНОМ?

Дмитрий ШЕЛЕСТОВ, доктор исторических наук

Нетрудно заметить, что сквозь строки публикуемого текста пробивается и вполне определенный подтекст. В его основе — «образ Троцкого как одного из двух главных вождей, который наравне с Лениным обеспечил победу большевиков». Скажем сразу, такой подтекст понадобился Р. Шлассеру не только для того, чтобы обосновать положение о «прозевавшем революцию» Сталине. Он определил, во-первых, своеобразную (сдержанно выражаясь) трактовку автором решающего, по его же признанию, вклада Ленина в победу революции и, во-вторых, общую оценку событий 24—25 октября 1917 года в Петрограде. Их он, в отличие от советских, да и большинства западных историков, характеризует не как вооруженное восстание рабочих и солдат, а как «дело рук слаженного коллектива» большевиков, «хорошо скоординированный захват власти», не отрицая, впрочем, важности выступления масс — «ведь они-то в конечном счете и обеспечили основу для смены власти в Петрограде».

В общем-то эти суждения американского историка не новы. Они являются интерпретацией ряда положений Троцкого, особенно тех, что были изложены в статье «Уроки Октября» (1924), написанной как введение к третьему, октябрьскому тому собрания его сочинений и вызвавших в то время острую дискуссию.

Ее исход общеизвестен. Притязания Троцкого на место «одного из двух главных вождей» и связанная с этим его концепция октябрьских событий не выдержали огня критики, были отвергнуты. Общеизвестно и то, что Сталин наряду с Каменевым, Зиновьевым и рядом других партийных руководителей принял деятельное участие в критике притязаний Троцкого. Но общеизвестность не исчерпывает знание. В данном случае она надолго заслонила тот факт, что сам Сталин сразу после победы Октября исподволь приступил к, так сказать, расчистке места рядом с Лениным.

Р. Шлассер, надо полагать, будет немало удивлен, узнав, что еще за несколько лет до дискуссии 20-х годов тезис о «двух вождях» революции в зачаточном виде сформулировал не кто иной, как... Сталин. 6 ноября 1918 года «Правда» опубликовала его статью «Октябрьский переворот». Отметив, что «вдохновителем переворота с начала до конца был ЦК партии во главе с тов. Лениным», Сталин далее утверждал:

«Вся работа по практической организации восстания проходила под непосредственным руководством председателя Петроградского Совета т. Троцкого. Можно с уверенностью сказать, что быстрым переходом гарнизона на сторону Совета и умелой постановкой работы Военно-Революционного Комитета партия обязана прежде всего и главным образом тов. Троцкому».

Не правда ли, неожиданный для Сталина, каким он десятилетиями представлялся, пассаж? И надо ли удивляться, что на такую его оценку впоследствии был намертво накинут покров тайны. Кажется, первым приоткрыл этот покров историк В. Поликарпов в одной из «огоньковских» статей (1987, № 26, с. 7), чуть позже его коллеги В. Логинов и Г. Иоффе опубликовали полностью это сталинское утверждение («Новый мир», 1987, № 11, с. 190).

Понятно, извлечено оно из забвения не ради сенсации. Это — одно из свидетельств эпохи и соответственно должно быть учтено и изучено в контексте других ее данных. В пределах лаконичной заметки ограничусь лишь некоторыми соображениями, преимущественно в плоскости тех вопросов, которые затронуты Р. Шлассером.

В современном нам историческом сознании представления о Сталине закрепились по его делам и значению, относящимся к 30-м — началу 50-х годов. Вольно или невольно они как бы опрокидываются и в предшествующее время. Приведенные выше несколько ранее утаивавшихся сталинских строчек тем и важны для историков, что помогают преодолеть инерцию закрепившихся представлений и как бы увидеть иного Сталина, во всяком случае, услышать, что он считал нужным сказать об октябрьских событиях по еще не остывшим их следам.

Его статья «Октябрьский переворот», известная теперь в первоначальном виде, написана с позиций одного из активных участников событий, который отнюдь не «прозевал революцию», но вместе с тем и не претендовал (тогда!) на какую-либо исключительную роль в этих событиях, больше того, подчеркнуто отводил ее коллективному руководству во главе с Лениным и председателю Петросовета Троцкому.

Думаю, и позже Сталин не считал, что «прозевал революцию», и, перетряхивая прошлое, исправлял не свой «зевок», как склонен полагать Р. Шлассер, а всю подлинную историю Октября. Он был реальным и жестоким политиком, всегда сугубо утилитарно подходившим к освещению истории как «дальней», так и «ближней», особенно «самой ближней». В связи с последним еще предстоит выяснить: почему Сталин счел нужным фактически сразу после Октября «выпятить» фигуру Троцкого. Здесь могло быть разное: стремление прикрыть ею собственные октябрьские колебания, попытка заигрывания с Троцким в первые послеоктябрьские месяцы, сознание своей несамостоятельности в руководстве партии и страны и т. д.

Опуская сейчас эту проблему, подчеркну другое, на мой взгляд, главное — в основе такой позиции Сталина лежало скрытое стремление умалить роль и значение Ленина в победе революции. Уже тогда, в ноябре 1918 года, был, таким образом, сделан сталинский шаг к искажению истории Октября, рассчитанный не на ближнюю дорогу.

Иное дело, что этот шаг он сделал, как затем показало время, не совсем в ту для себя сторону. Это объяснимо. Сталин, естественно, не мог знать, как шесть лет спустя развернется внутрипартийная борьба после кончины Ленина и что ему предстоит вступить в соперничество прежде всего именно с Троцким.

Но и потом, в борьбе с Троцким в 20-е годы, он не оставил ту скрытую линию в отношении Ленина, которую наметил еще в 1918 году. Приведу в этой связи только один факт, не подмеченный в нашей литературе и игнорируемый западными авторами. При чтении работы Р. Шлассера меня поначалу удивила такая ее странность: автор ни разу не упомянул широко известную книгу своего великого соотечественника Джона Рида «Десять дней, которые потрясли мир». Она вышла ровно семьдесят лет назад, в марте 1919 года, и в том же году получила высокую оценку Ленина за правдивое изложение событий.

Русский перевод книги встал на библиотечные полки в 1923 году, и Сталин сразу невзлюбил ее. Наиболее просто это можно было бы объяснить тем, что Рид немало говорит о Троцком и ничего не написал о Сталине. Что же, это, возможно, имело свое значение, но вряд ли было для Сталина самым существенным. Он сразу понял, что правдивое и живо написанное повествование Рида, раскрывающее Ленина как «необыкновенного народного вождя» — по точному определению автора, не оставляет места для представлений о «двух вождях» революции, с чьими бы именами они ни связывались. И вместо того, чтобы использовать книгу в как раз тогда развернувшейся борьбе с Троцким, Сталин подверг ее критике, а позже замуровал в спецфондах.

Не по той ли же причине ее, образно говоря, замуровал и Р. Шлассер? Предлагая свой взгляд на деятельность Сталина в 1917 году, он развенчивает легенду о нем как об одном из двух вождей революции. И здесь американскому историку не откажешь в ряде интересных наблюдений. Однако одновременно на «освобожденное место» он подсаживает Троцкого. Такой его прием вышибания клина клином не может быть признан состоятельным. Весь предшествующий опыт изучения Октября убеждает, что вбивание любого из этих «клиньев» сопровождалось разрушением подлинной картины истории революции.

Ее восстановление — на совсем ином пути, русло которого определяется глубиной проникновения в ленинскую методологию исследования революционных событий, творческим применением ее к переосмысливанию и дальнейшему изучению всей многообразной конкретики судьбоносного 1917 года.

Далеко не во всем соглашаясь с критикой Р. Шлассером движения советской науки по этому непростому пути, нельзя не признать, что он тем не менее нащупал и одну из действительных брешей в нашем освещении революции — одностороннюю, чисто негативную оценку деятельности Троцкого в 1917 году. Конечно, за последнее время и здесь кое-что меняется. От традиционных эпитетов типа «иудушка» начался постепенный переход к трудному признанию, что в годы работы с Лениным, да и какое-то время позже Троцкий не был врагом революции и социализма. Но раз он таковым не был, то кем был? — и прежде всего в том, изначальном для всей нашей эпохи семнадцатом. Вопрос не праздный и поставлен совсем не только «ради самого Троцкого». Без научно взвешенного ответа на него нам не раскрыть исчерпывающе и правдиво совсем не однозначную ситуацию кануна и победы Октября, в том числе и не дать обоснованную критику его различных концепций, включая вышедшую из-под пера Троцкого, которая, как это видно из книги Р. Шлассера, реанимируется и сегодня.

Подчеркнем, что речь при этом идет, конечно, не о том, чтобы «перекрашивать иудушку», от одной крайности ринуться в другую. Именно так в известной мере поступил Р. Шлассер. И это сказалось на основной теме его книги — критическом рассмотрении деятельности Сталина, привело автора к внешне сенсационному, но, как мне представляется, односторонне мотивированному выводу о «человеке, который прозевал революцию», а главное — к ряду искажений самой революции.

НА ВОПРОСЫ «ОГОНЬКА» ОТВЕЧАЕТ ИГРОК КОМАНДЫ ЦСКА И СБОРНОЙ СССР ПО ХОККЕЮ С ШАЙБОЙ ИГОРЬ ЛАРИОНОВ

НИЧЕГО НЕ ПРОИСХОДИТ?

ПОСЛЕ ПУБЛИКАЦИИ ОТКРЫТОГО ПИСЬМА ИГОРЯ ЛАРИОНОВА ТРЕНЕРУ ВИКТОРУ ТИХОНОВУ «В ДОЛГУ ПЕРЕД ХОККЕЕМ...» («ОГОНЕК» № 42 1988 г.) В РЕДАКЦИИ НЕ СМОЛКАЛ ТЕЛЕФОН, ПРИШЛИ СОТНИ ПИСЕМ ОТ БОЛЕЛЬЩИКОВ, ЧИТАТЕЛЕЙ, КОТОРЫХ БЕСПОКОЯТ СУДЬБЫ СОВЕТСКОГО СПОРТА.

«Скандал, разразившийся в хоккейной команде ЦСКА,— считает педагог Е. Г. Мухин,— вышел за пределы профессионального хоккейного вопроса. В нем нашли отражение и социальные, и правовые, и морально-этические, и педагогические аспекты нашей жизни. Причин конфликта, по моему мнению, несколько. Во-первых, утверждение насчет того, что наш спорт любительский, есть обман. На этом обмане воспитывались целые поколения спортсменов. Кто виноват? Прежде всего бюрократический аппарат, тренеры-воспитатели, каким лишь числится, но не является В. Тихонов.

Во-вторых, неодинаковые соревновательные условия у команд одной лиги. Привилегии получили армейские и динамовские коллективы, пользуясь правом призыва. Призыв на службу в армию спортсменов также является обманом, поскольку всем известно, что их «служба» — это игра в футбол, хоккей и так далее. Тихонов же, собирая под свои ведомственные знамена цвет нашего хоккея, делает услугу не хоккею, а сам себе: создает рекламу «тренера-максималиста». Сейчас, в период перестройки и гласности, все должно быть расставлено по местам. Это касается и Виктора Тихонова, поскольку в конфликте с хоккеистами он не выдержал испытания на зрелость, мудрость, компетентность педагога — воспитателя молодежи. Это факт».

Любопытно, что «Огонек» не получил ни одного письма, в котором бы не выражалась горячая поддержка Игорю Ларионову. Но объективности ради процитируем еще одну выдержку из тех откликов на выступление «Огонька», которые нам любезно переслал редактор отдела физкультуры и спорта газеты «Красная звезда» полковник О. Вихрев.

«Я до глубины души возмутился, когда прочитал открытое письмо Ларионова, где он грубо оскорбляет своего тренера В. В. Тихонова, и не только его! — написал в газету ветеран Великой Отечественной войны полковник в отставке С. Т. Шаталов.— Ведь Ларионов пишет, что даже офицерское звание в команде присваивается не по желанию игрока! Он позорит всю команду ведущего клуба в нашем хоккее. Более того, он своей статьей... разлагает молодых спортсменов армии. Надо подробно обсудить Ларионова. Как же мог написать такое офицер Советской Армии?!»

«Огонек» последовательно отстаивает гласность и плюрализм мнений. Учитывая, что В. В. Тихонов время от времени высказывается в советской и зарубежной прессе о письме Ларионова, «Огонек» предложил Виктору Васильевичу ответить игроку на страницах журнала. Виктор Васильевич отказался это сделать.

Но поскольку почти три с половиной миллиона наших подписчиков живо интересуются развитием событий, мы пригласили Игоря Ларионова в редакцию.

— Игорь, твое открытое письмо старшему тренеру вызвало немало толков и целую бурю в советской печати. Сам В. В. Тихонов расценил критику в «Огоньке» как оскорбительную... Что происходило дальше?

— Реакция болельщиков превзошла все мои ожидания. Люди поджидали меня в перерывах или после окончания матчей, пожимали руку, интересовались подробностями. Помню, в Челябинске у трапа самолета ко мне подошел офицер из местного военного училища и от имени курсантов заявил, что готов оказать любую помощь. Это, между прочим, лишний раз доказывает, что в армейской среде далеко не все разделяют методы авторитарно-бюрократического давления на людей, методы, которые и по сей день защищает наш тренер.

Вообще, что касается Виктора Васильевича, то он будто бы сделал вид, что ничего не произошло. Я, например, надеялся, что письмо будет обсуждено на собрании команды. Это позволило бы мне в присутствии всех игроков объясниться со старшим тренером. Но — ни собрания, ни «оргвыводов» в мой адрес...

И тут просто началось какое-то невезение. Мое письмо в «Огоньке» появилось в середине октября. 25-го мы играли в Челябинске, а 27-го в Свердловске. Там у меня во время матча конек попал в трещину. Я упал, сверху — защитник. Сломал ногу. Поэтому почти до конца декабря пришлось лечиться. Через месяц после перелома встал на лед. Тренировался самостоятельно, потом с командой ЦСКА. Сборная в это время готовилась к турниру на приз «Известий». За три дня до начала матчей я заявил, что готов играть. Однако старший тренер отказался проверить мою готовность и взять меня в состав сборной страны. Тогда к Тихонову отправились Фетисов, Крутов и Макаров с ультиматумом: мол, если не включите Ларионова в сборную, мы тоже не выйдем на лед. «Ладно,— согласился Виктор Васильевич,— пусть пока отдохнет, но в Америку на суперсерию с профессионалами я его беру. На вашу ответственность».

В первом же матче с командой «Квебек нордикс» в третьем периоде нападающий Сакич ударил меня клюшкой по спине. Оказалось сломанным ребро. Но это выяснилось потом. Врач команды полагал, что это сильный ушиб, и я продолжал играть дальше...

— Между прочим, Тихонов в «Советском спорте» от 18 января 1989 года заявил, что травма, полученная в Свердловске Ларионовым, «не только мешала ему справляться с обязанностями центрфорварда, но и превращала в удобную мишень для соперников». Он утверждал также, что ребро было у тебя сломано в последнем, а не в первом матче с канадцами...

— Ну, это Виктор Васильевич ошибается. Хотя, если газета не допустила опечатки, тренер вряд ли мог забыть о другом: по результатам первого же матча в Квебеке я получил приз лучшего игрока. Остальные матчи играл через боль. Не хотелось подводить команду. Кроме того, меня могли обвинить в симуляции: мол, настаивал, чтоб взяли его в Америку, едва залечив свердловскую травму, а теперь... Тихонов и так говорил, что, как он и предполагал, я играл в суперсерии «не в полную силу». Однако по результатам матчей я был третьим в команде по системе «гол плюс пас»: семь голевых передач. Окончательный диагноз насчет перелома ребра установили уже в Москве, когда сделали рентгеновский снимок.

— В открытом письме Тихонову ты упомянул, что перед наиболее ответственными встречами используются различные биостимуляторы, в том числе и плацента. Хоккеистам сборной СССР до сих пор предлагают инъекции?

— Несколько человек в команде отказались от плаценты. От некоторых врачей я слышал, что это средство, если его употреблять постоянно, не столько приносит пользу, сколько вредит организму. Причем вредит непоправимо. Но вот перед чемпионатом мира в Швеции снова на повестку дня готовы вынести вопрос о так называемой «фармацевтической подготовке». Последствия Тихонова не интересуют. Для него главное — победа любой ценой. Впрочем, он своим начальством поставлен в такие условия, что не имеет служебного права на поражение команды. Не потому ли Виктор Васильевич на все жалобы игроков отвечает примерно одинаково: "Не хотите подчиняться установленному режиму — других найду!" И найдет, будьте уверены. При существующей системе в советском профессиональном хоккее путь в сборную страны пока один — через команду ЦСКА. Так замыкается порочный круг.

— Но в таком случае, как соотнести это с тем, что ты первым оказал сопротивление тренерским методам Виктора Тихонова? Почему до сих пор Тихонов никак не отреагировал на твой поступок?

— Мне уже приходилось говорить о том, что Виктор Васильевич — человек сколь умный, столь и мстительный, наивно было бы думать, что мое письмо в «Огоньке» он оставит без последствий. Я вообще не упомню случая, чтобы кто-то из игроков, намеченных им в жертвы, остался играть в команде. И никаких иллюзий в отношении Тихонова не питаю. Через два дня после прилета из Америки, 16 января, я подал ему рапорт об увольнении из Вооруженных Сил. Этот рапорт до сих пор не рассмотрен. Я написал, что обязуюсь играть все матчи до конца сезона, в том числе и на чемпионате мира, что приложу все силы для того, чтобы сборная СССР стала чемпионом. Играть в ЦСКА я предполагал в качестве вольнонаемного. Я решил уйти из армии потому, что считаю: в команде ЦСКА ничего не изменится при Тихонове. А сам Тихонов, похоже, на пенсию не собирается. В конце концов дело каждого хоккеиста нашей команды — принимать или не принимать стиль его руководства.

— Ну, допустим, начальство подпишет твой рапорт, и ты расстанешься с командой. Что дальше?

— Дальше я перейду в воскресенский «Химик». Этого намерения ни от кого не скрываю. В Воскресенске я родился, а «Химик» — команда моей юности. Я не вижу за собой морального права переходить в какую-либо другую команду страны, даже если мне предложат лучшие условия.

— После твоего письма в «Огоньке» в печати стали высказываться суждения, весьма выгодные, на мой взгляд, и Виктору Васильевичу Тихонову, и армейским спортивным кругам, и Госкомспорту страны. Они сводятся к тому, что стремление Ларионова покинуть ЦСКА связано с западным контрактом.

— Еще в 1985 году мне было предложено играть за команду «Ванкувер». Но, конечно, в ту пору я не считал для себя возможным ехать в Канаду. Сейчас — другое дело. Однако те, кто пытается за меня мотивировать критику в адрес Тихонова, видимо, не знают, что в прошлом году вопрос о моем предполагаемом отъезде ни в команде, ни в федерации, ни среди армейского начальства не обсуждался. Видно, кому-то выгодно «объяснить», что я выступил с критикой в адрес Тихонова с сугубо меркантильных позиций. Но разве это объяснение?

Как я играю в хоккей, видят миллионы телезрителей. Что я думаю о хоккее, они могут прочесть в прессе. Толковать по-своему те или иные мои поступки берутся те, кто не может, а скорее всего не желает понять главного: ситуация в нашем виде спорта сложилась драматичная. Дело даже не в том, какой конкретно игрок и из какой команды уйдет... Дело в том, что сложившаяся система отношений между игроками и тренерами никак не подкреплена юридически. Что в спорте по-прежнему действует тактика грубого административного давления, царит произвол начальства, большого и малого. Что нравственность игроков уродуется едва ли не с первых шагов в высшей лиге, потому что они зависимы и вынуждены унижаться перед теми, от кого зависит их благополучие. Что за одну несчастную поездку в западную страну некоторые люди готовы торговать своей совестью. Вот на что бы надо обратить внимание. Хотел бы подчеркнуть: мое предыдущее выступление в «Огоньке» ни с какими личными выгодами не связано. Единственной моей целью было привлечь внимание широкой общественности к тому, что творится за кулисами большого спорта.

А Тихонов, он-то в любом случае не проиграет. Выпадет нашей сборной удача стать чемпионами мира — Виктор Васильевич, как всегда, скажет: «Вот видите? Мы опять победили! А кое-кому не нравится мой тренерский стиль!» Проиграем — опять-таки найдет объяснение: «Что ж тут удивляться? Можно ли было нормально подготовиться к чемпионату, если Ларионов еще в октябре прошлого года поднял бучу и других стал с толку сбивать!» Но будем все-таки надеяться на лучшее.

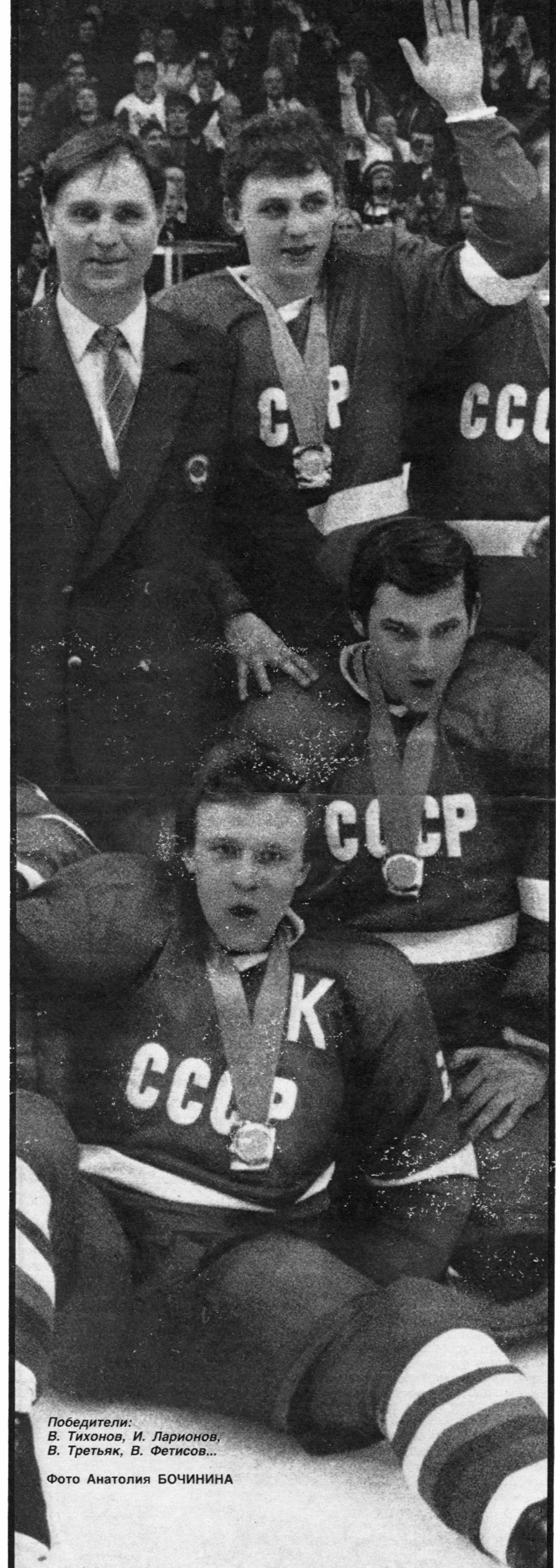
— Значит, все же тебя могут упрекнуть, что ты «не вовремя» пошел на конфликт со старшим тренером?

— Критика, пожалуй, никогда не бывает своевременна. Она всегда обидна для тех, в чей адрес обращена. А кричать на игроков по любому поводу своевременно?

— Судя по заявлениям в печати В. Фетисова и вообще по настроению ведущей пятерки ЦСКА, она на грани развала... Думается, что многочисленные поклонники «ларионовского звена» будут жалеть об этом как меломаны об ансамбле «Битлз»...

— Наверное, будут. Но ведь надо задуматься еще и над будущим хоккея. У нас, в команде ЦСКА, есть прекрасные, талантливые ребята. У них есть шанс стать личностями в хоккее, выдающимися игроками. И этого шанса их никто не вправе лишать. Даже такой известный тренер, как Виктор Васильевич Тихонов. Мечтаю о том, чтобы после ухода нашей пятерки кто-нибудь посмотрел на молодежь внимательными и добрыми глазами. Глазами учителя... Разве это такая уж несбыточная мечта?

Верно говорят, что хорошим тренером надо родиться. Но вот еще несколько лет назад в команде ЦСКА было принято наставничество. Игроки мирового класса неповторимы. Никогда не будет «второго Третьяка» или «второго Харламова». Это так. Но традиция преемственности от опытного игрока

Победители: В. Тихонов, И. Ларионов, В. Третьяк, В. Фетисов...

Фото Анатолия БОЧИНИНА

к молодому почему-то во многом утрачена. Да и может ли быть по-иному, если в команде царит культ личности тренера! Вот он стоит на льду с микрофоном в руках. Хочешь жить спокойно — подчиняйся ему беспрекословно да поменьше болтай... Тренировка выстроена жестко, не до наставничества. А жаль!

Был у меня ученик, Женя Давыдов. Попал он к нам в ЦСКА из челябинского «Трактора». Примерно полтора сезона я помогал ему, у него пошла игра. Отслужил он у нас два года срочной службы, офицером стать не захотел, предпочел вольнонаемным. Сейчас ему 22 года. Отношение к нему изменилось. Думаю, что это из-за моего конфликта с Тихоновым. После игр на Кубок европейских чемпионов в ФРГ Тихонов наказал его материально, якобы за плохую игру. Давыдова же просто мало выпускали на лед. Есть у нас такое понятие — «холодный игрок». Во время очередной игры он осмелился ослушаться Тихонова, который приказал ему раздеваться и идти на трибуну. Жене же хотелось просто посидеть рядом с ребятами на скамейке для игроков. И этого оказалось достаточно...

Суров наш Виктор Васильевич. Кстати, там же, в ФРГ, мы проиграли шведам первый матч — 3:4. Это был, конечно, сенсационный проигрыш, наша победа на турнире оказалась под вопросом. Тихонов на разборе игры произнес команде примерно следующее: «У нас в стране упала дисциплина. В частности, в спорте. Я думаю, что это из-за демократии и гласности». Команда была, мягко говоря, удивлена: для чего Виктору Васильевичу потребовалось связывать политику со спортом? Ведь проиграли-то мы чисто по хоккейным причинам...

Канадская газета «Спорт» от 19 октября 1988 г. назвала методы Тихонова «сталинистским стилем в хоккее». Хоккеисты в Америке разводили руками и ничего не могли понять. А мне, например, не удивительно, что конфликт в команде ЦСКА кажется им дикостью. У них есть генеральный менеджер, который прежде всего защищает игроков. Потому что игрок приносит доход клубу, создает настроение болельщикам, от него зависит зрелище. У игрока одна обязанность: реализовать на льду свой талант, свое мастерство.

Да что там канадцы! Чехословацкие ребята мне говорили: «Если б нам создали такую атмосферу, некогда было б в хоккей играть».

— Так можно ли надеяться, что наступит долгожданный мир в команде ЦСКА?

— Не берусь предсказывать будущее, тем более что впереди ответственнейшие матчи. И все же думаю, что мира ждать придется долго. Не решен вопрос с Вячеславом Фетисовым, от которого Тихонов требует публичного извинения в печати. Заголовок в молодежной газете «Я не хочу играть в команде Тихонова» Виктор Васильевич понял буквально, подменяя собой игроков ЦСКА. А Фетисов конкретен: «Устал от диктатуры Тихонова, из-за которой в команде постоянно нездоровая обстановка. И не хочу больше играть у тренера, которому не доверяю!» Вот за это Вячеслав практически был выведен из состава сборной, отстранен от игр. И это перед чемпионатом мира, при жестоком дефиците на защитников такого класса!..

Потихоньку мстит Виктор Васильевич и Сергею Старикову. За что? Разумеется, за письмо его жены, Ирины, в «Советской культуре», честное, правдивое, под которым бы и я мог подписаться. Стариков не ездил с нами в Швецию, где мы играли два товарищеских матча. А самое обидное — в ФРГ, где его и Фетисова нам так не хватало!

Подробнее ответить на этот вопрос, думаю, можно будет в конце хоккейного сезона.

Гостя расспрашивал
Анатолий ГОЛОВКОВ

ПОСЛЕСЛОВИЕ К БЕСЕДЕ

Интервью с Игорем Ларионовым уже было сдано в набор, когда в редакцию поступило письмо от его товарища, игрока ЦСКА и сборной страны по хоккею Вячеслава Фетисова. Приводим его без сокращений.

Более двадцати лет своей жизни я отдал большому спорту, родному мне ЦСКА. За эти годы удалось достичь многого, но не об этом речь. Давно тревожит меня обстановка, царящая в нашем клубе. Обстановка, при которой можно безнаказанно унизить личность игрока, подавить любое начинание, несовместимое с диктатом старшего тренера.

Признаюсь честно, что последние годы я подавлял в себе любые проявления недовольства, надеялся на то, что возобладает здравый смысл. Старший тренер, увы, расценил это по-своему и стал еще более нетерпимым к любому мнению. Попытки как-то улучшить моральный климат в команде, объясниться с Виктором Васильевичем расценивались как посягательство на его авторитет, как желание «подсидеть»... Похоже, что он не сделал никаких выводов для себя и после открытого письма Игоря Ларионова в «Огоньке». Даже напротив — использовал силу своего влияния на то, чтоб сильнее наказать строптивого.

Большой хоккей — небезопасная работа. Но ничуть не легче моральная ее сторона. Что такое державный гнев В. В. Тихонова, ощутил и я, осмелившийся не согласиться с его тренерскими и воспитательными методами. Результат? Вот уже больше месяца, как я отстранен от матчевых выступлений. Более того, делается все, чтобы отделить меня от команды, подавить морально. Продолжается испытанная практика наказаний: неугодного Тихонову игрока лишают участия в играх. Знают, что для хоккеиста это больнее всего...

Не раз я обращался и к руководству ЦСКА, и в Госкомспорт СССР с просьбой разобраться в ситуации, сложившейся в клубе. Тщетно! Ждут, чтобы я «покаялся» перед Тихоновым, публично извинился перед ним. Но за что? За то, что я просил дать возможность каждому члену команды высказать отношение к происходящему? Почему бы не провести такой разговор с участием руководства армейского клуба и Госкомспорта?

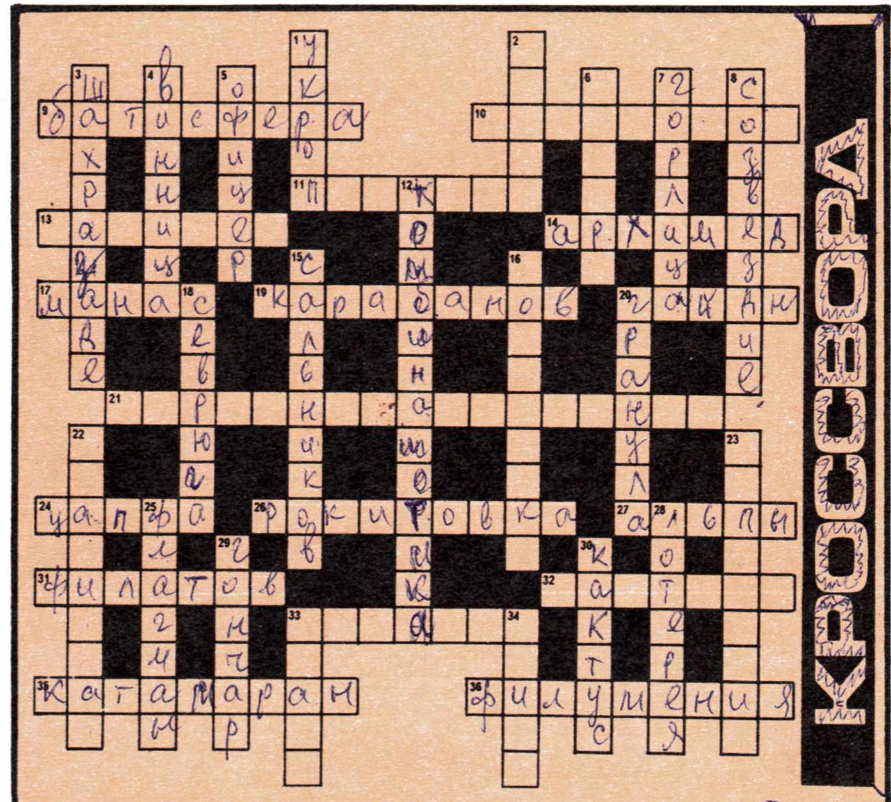
Между прочим, 23 февраля этого года на собрании команды ЦСКА хоккеисты единогласно проголосовали за то, что я должен играть в команде. На что Виктор Васильевич заявил следующее: «Никто меня не заставит вновь допустить Фетисова до игр, пока он не извинится передо мной в печати». Однако сам Тихонов ни на одну публикацию в печати не ответил, наверное, он равнодушен к общественному мнению.

Хочу со всей определенностью подчеркнуть: я сердцем с командой, хочу и готов выйти на лед. Отлучение меня от игр не столько повлияло на спортивную форму, сколько ударило меня морально. Такие вещи старший тренер умеет рассчитывать точно!

Не с этой ли целью было извлечено на свет уже изрядно нашумевшее «киевское дело», при помощи которого меня пытаются скомпрометировать? А правда заключается в том, что за мою просьбу позвонить по телефону из сторожевой будки возле гостиницы, на автостоянке, я был оскорблен, доставлен в отделение милиции, связан и жестоко избит. При этом у меня похищены ценные вещи, деньги. Расчет был простой: кто подтвердит мою правоту, если я был один? Мои просьбы пригласить администрацию команды ЦСКА офицеры милиции игнорировали. Вещи изымались без понятых, акт изъятия составлен не был (его состряпали позже). А чтобы както прикрыть вопиющее беззаконие, в милиции заявили, что я был пьян, бросался на милиционеров (это при том, что из-за приступа радикулита я был освобожден от тренировок врачом команды: так зафиксировано у него в журнале). Началась фабрикация документов...

И вот эту историю В. В. Тихонов пытается в выгодный ему момент использовать против меня...

В. ФЕТИСОВ,
заслуженный мастер спорта СССР,
ныне безработный
г. Москва

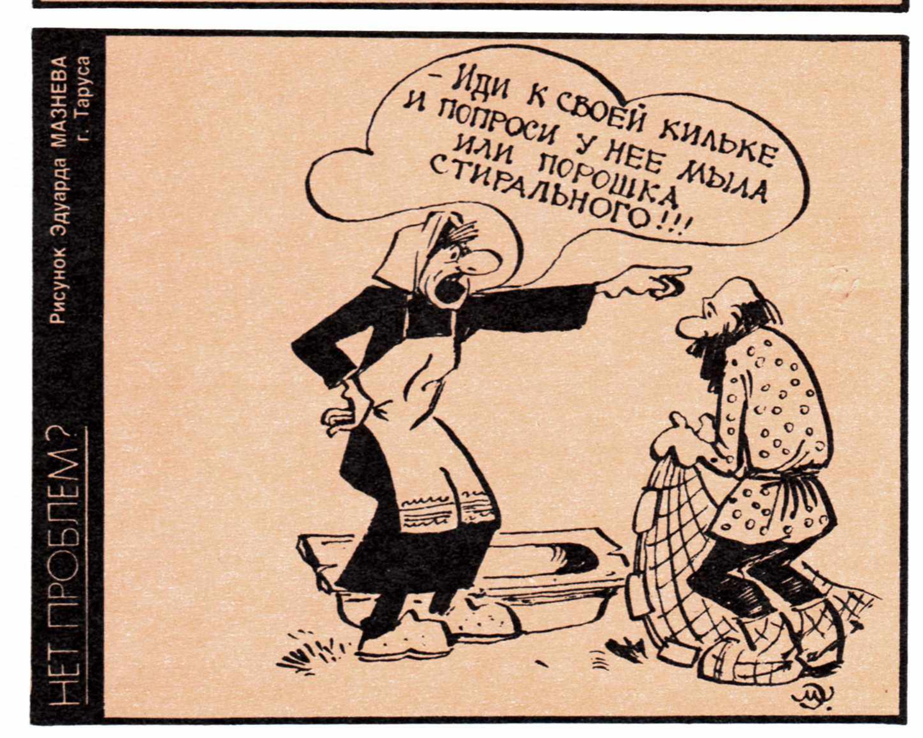

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 9. Аппарат для глубоководных исследований. 10. Птица, обитающая в Приморском крае. 11. Хлопчатобумажная техническая ткань. 13. Скульптор, народный художник СССР. 14. Древнегреческий механик и математик. 17. Эпос киргизского народа. 19. Один из героев «Педагогической поэмы» А. С. Макаренко. 20. Австрийский композитор XVIII—XIX веков. 21. Город в Ворошиловградской области. 24. Опорная часть оси или вала. 26. Ход в шахматной игре. 27. Горная система Западной Европы. 31. Офтальмолог и хирург, академик, Герой Социалистического Труда. 32. Река в Якутии. 33. Химический элемент, металл. 35. Судно с двумя корпусами. 36. Коллекционирование спичечных этикеток.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Огородное растение, употребляемое как приправа. 2. Устройство для жарения инфракрасным излучением. 3. Героиня сборника сказок «Тысяча и одна ночь». 4. Областной центр на Украине. 5. Командир в вооруженных силах, милиции. 6. Испанский парный танец. 7. Птица семейства голубей. 8. Группа светящихся небесных тел, объединенных общим названием. 12. Раздел математики. 15. Советский спортсмен, неоднократный олимпийский чемпион в плавании. 16. Летчик-испытатель, дважды Герой Советского Союза. 18. Рыба семейства осетровых. 20. Плотный комочек минерального удобрения в виде зерна. 22. Литовский композитор, дирижер, пианист, народный артист СССР. 23. Русский писатель. 25. Командующий эскадрой. 28. Розыгрыш вещей и денежных сумм по билетам. 29. Украинский писатель, Герой Социалистического Труда. 30. Южное растение с колючками вместо листьев. 33. Распространенный породообразующий минерал. 34. Современный американский бальный танец.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 10

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 3. Турищева. 6. Анчоус. 9. «Спартак». 10. Люцерна. 11. Овьедо. 12. Васнецов. 13. Чиаурели. 14. Апрель. 17. Партер. 20. Виадук. 22. Балансир. 23. Коттон. 25. Иволга. 28. Карбас. 30. Цветаева. 31. Комбинат. 32. Панова. 33. «Айвенго». 34. Застава. 35. Шарада. 36. Рапсодия.

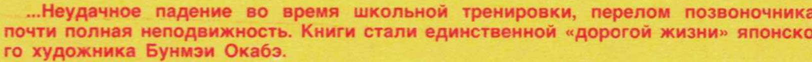
ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Кулакова. 2. Свислочь. 4. Эстамп. 5. Проект. 7. Белуха. 8. Башлык. 15. Павлова. 16. Лексика. 18. Ранет. 19. Рубин. 20. Верди. 21. Дятел. 23. «Кавказ». 24. Транец. 26. Орбита. 27. Абакан. 28. Капошвар. 29. Сказание.

НЕТ ПРОБЛЕМ?

Рисунок Эдуарда МАЗНЕВА г. Таруса

...Неудачное падение во время школьной тренировки, перелом позвоночника, почти полная неподвижность. Книги стали единственной «дорогой жизни» японского художника Бунмэи Окабэ.

Сегодня, вспоминая свои первые творческие шаги, Окабэ говорит, что сам не знает, почему в его ранних работах появились клоуны. Может быть, они пришли из тайников памяти, сохранивших детские встречи с наивными добрыми неудачниками, за веселыми масками которых порой скрывались боль и отчаяние...

Шапито в родном городе Фукуока стал для художника вторым домом. Там Бунмэи познакомился с советскими цирковыми артистами, написав портреты Попова, Никулина, Куклачева... И вот новая встреча с советским цирком, но уже — в Москве, где в здании цирка на Ленинских горах открылась выставка работ Окабэ.

Анна ГОДИК

